

ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АНТИГЕРОИ ИСТОРИИ

Наталия
Басовская

ТИРАНЫ
ЗЛОДЕИ
ПРЕДАТЕЛИ

ЭХО ЭПОХИ на ЭХО.ру

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Перед вами сборник самых лучших, самых неожиданных рассказов о знаменитых героях и антигероях мировой истории от Наталии Басовской, чьи передачи уже который год бьют все рейтинги на радиостанции «Эхо Москвы». Если вы хотите полюбить историю – эта книга для вас, если уже любите – тем более!...

- **Наталия Басовская**
 - Древний мир
 - Ганнибал. Верность клятве
 - Цинь Шихуанди, первый император Китая
 - Чингисхан. Безжалостный завоеватель мира
 - Начало кровавой дороги
 - Океан зла
 - Средние века
 - Карл Великий. Был ли он Великим?
 - Сулейман Великолепный. Взлет перед закатом
 - Тоётоми Хидэёси. Из крестьян в самураи
 - Римский папа Урбан II. Гений одной речи
 - Раннее Новое время
 - Лоренцо Великолепный. Блестящий правитель Флоренции
 - Игнатий Лойола. Генерал ордена Иисуса
 - Мария Тюдор. Кровавый символ
 - Стефан Баторий. Грозный противник Ивана Грозного
 - Цезарь Борджиа. Трагедия баловня судьбы
 - Новое время
 - Талейран. Жизнь вне морали
 - Наполеон Бонапарт. Император Революции

Наталия Басовская
Антигерои истории. Злодеи. Тираны.
Предатели

Древний мир

Ганнибал. Верность клятве

Ганнибал... Звон и грохот оружия, великие победы, знаменитые боевые слоны... Ганнибал — полководец и государственный деятель Карфагена, государства в Северной Африке, главного соперника Древнего Рима. Рим стал великим, именно победив Карфаген.

Как известно, молва любит в истории победителей и обиженных. Ганнибал причудливо соединяет в своей судьбе и то, и другое.

О нем немало написано. Причем исключительно его врагами римлянами. В Карфагене вообще не очень любили писать исторические сочинения. Там писали в основном счета, реестры, чеки. Это была страна торговли. Презирая жизнеописания, карфагеняне какое-то время даже осуждали греческие традиции письменной истории и запрещали изучать греческий язык.

Так вот о Ганнибале писали римляне, в том числе Тит Ливий и Плиний Младший. Но что изумляет — они отдавали ему должное! Они понимали, что Риму не стоило бы гордиться победой над слабым противником. А вот одолеть Ганнибала — это действительно заслуга!

У такой крупной личности, как Ганнибал, в истории неизбежно появляется мифологический шлейф. Кто не знает выражения «Аннибалова клятва»? («Аннибалова», ибо в России до революции говорили Аннибал, а не Ганнибал. Как произносили это имя люди древности, в точности неизвестно.)

Это сочетание слов означает «твердая решимость бороться до конца, обещание неизменно следовать своим идеалам». А ведь Ганнибал действительно девятилетним мальчиком принес клятву, которую от него потребовал отец, и всегда был ей верен.

Еще он знаменит как гениальный полководец. Современные историки военного искусства отмечают его стратегию, маневры, хитрости, которые он применял, развитость разведки (у него всюду были надежные люди), его личную отвагу. Битва при Каннах, например, до сих пор считается классикой военно-стратегического мышления и поведения. Ее сравнивают даже со Сталинградским сражением в ходе Второй мировой войны.

Сохранилось, наконец, знаменитое выражение «Hannibal ante portas» — «Ганнибал у ворот». Оно снова зазвучало в Риме спустя столетия после Ганнибала, во время Спартаковского восстания. Эта фраза — память о страхе, который вызывал Ганнибал у самой мощной воюющей страны древности.

Карфаген — город-государство, колония людей, которые

пришли в свое время из Финикии, с береговой полосы современного Ливана и северозападной Сирии. Там были некогда их знаменитые города Сидон, Тир (Сур в современном Ливане), Библ (на его месте ливанский Джебейл). Как бился Александр Македонский, осаждая Тир!

Надо сказать, что Ганнибал родился всего через 76 лет после смерти Александра Македонского. И став военачальником, сравнивал себя с этим великим полководцем. По преданию, он сказал: «Если бы я победил Рим, я был бы выше Александра. А так я все-таки после Александра».

Финикийцы, теснимые соседями, прежде всего ассирийцами, вынуждены были искать, где им пристроиться. Торговцы, прекрасные мореплаватели, они рассеялись по Средиземноморью. Больше всего их привлекали остров Сицилия на юге Италии, тогда еще Риму не принадлежавший, и север Африки.

В Африке выходцы из Тира в IX веке до н. э. основали Карфаген, который со временем стал не колонией Финикии, а самостоятельным городом-государством. Это окраина современного города Туниса — место бывшего Карфагена, стертого римлянами с лица земли. Буквально уничтоженного после Третьей пунической войны.

А Ганнибал — герой Второй пунической войны. (Название «пуническая» связано со словом «пуны» — так называли себя сами жители Карфагена.)

К III веку до н. э. культура Карфагена представляла собой некую смесь наследия Востока и эллинистической Греции. Очень большой город — около 700 тысяч населения, в то время как в Риме проживало менее 300 тысяч. (Рим тогда только выходил в первые державы мира.) Карфаген — торговый посредник между Востоком и Западом, прежде всего Испанией.

Ганнибал родился в 247 году до н. э. в семье крупного карфагенского военачальника и государственного деятеля по имени Гамилькар Барка.

(Барка переводится как «молния».) Семья вела свою родословную от одного из спутников Эллы, легендарной основательницы Карфагена, со временем обожествленной и принявшей облик богини Тиннит.

Отец очень гордился своими тремя сыновьями. Ганнибал был старшим.

Ему дали самое распространенное пуническое имя. Ганнибал переводится как «милостив ко мне Баал». А Баал — бог неба, грозный и страшный.

Детство Ганнибала прошло в Иберии, на территории нынешней Испании, в суровой и дикой стране. Отец все время

воевал. Были еще два брата. Гасдрубал, чье имя означает «мне помогает Баал», примет участие в походе Ганнибала в Италию, возглавит войска в Испании и будет убит в бою. Магон — в переводе «дар» — погибнет в Италии много позже.

Кроме того, у Ганнибала три сестры. Муж одной из них, Гасдрубал Красивый, сыграет заметную роль в судьбе зятя.

Существует исторический анекдот. Три мальчика, Ганнибал и братья, играют, резвятся. Отец смотрит на них и говорит: «Вот львята, которых я рошу на погибель Риму».

Что же это за идея погибели Рима, как она возникла? Политическое устройство Карфагена в это время сильно отличалось от римского. Рим, объединив Италию под своей властью, продвигался в сторону демократизации. Римляне гордились тем, что народ участвует в управлении. Карфаген — строго олигархическое государство. Совет Тридцати — высший орган власти, — самые богатые, самые знатные и, как покажет судьба Ганнибала, самые жадные до власти и денег.

Эта олигархическая республика назначала полководца. А армия, в отличие от римской, здесь была исключительно наемная. Карфаген воевал не за счет своих жителей. Наемниками становились представители разных этносов. У Ганнибала были наемники из Испании, Галлии (будущей Франции),

Северной Италии. Все они воевали за деньги, а возглавлял их военный вождь, пользовавшийся большим авторитетом. Таковым был отец Ганнибала, а позже ионсам.

Рим и Карфаген были соперниками. Между ними шла борьба за мировое господство в тогдашнем понимании — за влияние от Пиренейского полуострова до Евфрата, от Скифских степей Северного Причерноморья до песков Сахары. Бились не на жизнь, а на смерть. Первая пуническая война 264–241 годов дон. э. — битва двух морских держав за Сицилию.

Римляне отстаивали свои позиции. Карфагенянам пришлось уйти с Сицилии и выплачивать Риму контрибуцию.

Отец Ганнибала сражался мужественно и отчаянно — и все-таки проиграл. После этого он отправился командовать карфагенскими войсками в Испании, сражаться с местными племенами, воинственными, суровыми. Там удалось захватить серебряные рудники, и это помогало военачальнику поддерживать свое войско, хорошо платить наемникам и достигнуть определенного успеха. Но сам Гамилькар Барка рассматривал все это только как подготовку к будущей войне с Римом. Дети полководца постоянно жили в военном лагере, обучались воинскому искусству. Вообще об образовании Ганнибала трудно судить. Видимо, с мальчиком занимались и

домашние учителя. Он изучал языки, овладел греческим. По свидетельству его римского биографа Корнелия Непота, он сочинил несколько книг на греческом языке. «Книг» не в современном смысле слова. Книгой называли рукопись, которая умещается на одном свитке.

Детство Ганнибала заканчивается в момент принесения клятвы. Была ли она буквально так обставлена, как описывают источники? Это неизвестно.

Но что-то произошло... Через три года после поражения в Первой пунической войне отец привел девятилетнего сына в храм и принес жертву грозному Баалу. Надо сказать, Баал принимал и человеческие жертвоприношения, что решительно отличало культуру Карфагена от культуры Древнего Рима. Римляне этот обычай всегда осуждали.

В Карфагене в жертву часто приносили младенцев, а именно первенцев из знатных семей. Младенцев спускали по желобу, и они падали, как считалось, в геенну огненную. Ганнибалу посчастливилось не оказаться жертвой, но от него потребовали определенной жертвенности. Отец велел ему дать страшную клятву, смысл которой был в том, чтобы посвятить всю свою жизнь борьбе с Римом. И мальчик поклялся, как пишет один из историков, «ухватившись за рога алтаря» с изображением быка.

Какое впечатление это должно было произвести на ребенка! Он, по счастью оставшийся в живых в младенчестве, держится за рога быка, воплощающего кровожадного Баала, и приносит клятву. Это его личное жертвоприношение.

И вся дальнейшая жизнь посвящена выполнению данного обещания.

В 229 году до н. э., когда Ганнибалу было 18 лет, отец погиб, утонул при переправе в ходе очередных военных действий. Его сменил зять Гасдрубал, а Ганнибал стал командовать при нем конницей.

Это продолжалось недолго: в 221 году до н. э. Гасдрубал пал от руки убийц. И тогда войско избрало, провозгласило двадцатилетнего Ганнибала главнокомандующим. Карфагенский Сенат был не в восторге, считалось, что новый полководец молод, не так велик его опыт. Но войско сказало свое слово столь властно, что Сенат счел за лучшее утвердить эту кандидатуру. Так судьба привела Ганнибала к реальной возможности исполнить свою клятву. Можно сказать, началась его настоящая биография.

О его частной жизни мы почти ничего не знаем. Туманно говорят, что у него была некая жена из Испании. Есть упоминание о его равнодушии к прекрасным пленницам, которых было в его

распоряжении сколько угодно. Поговаривали даже, что на этом основании можно было усомниться в его африканском происхождении. Но он просто жил единственной страстью — искал повод для того, чтобы разразилась война с Римом.

Ганнибал был нарочито дерзок с римскими послами. Не помогло. Римляне решили сделать вид, что ничего не замечают. Тогда он привел войска под стены находившегося под властью Рима города Сагунта на Пиренейском полуострове и восемь месяцев его осаждал. И уже после того, как этот важный для римлян город пал, им ничего не оставалось, как, угрожая войной, потребовать выдать Ганнибала для наказания.

А ему именно этого и надо было. Карфаген отказался выдать своего полководца. Началась война, которая длилась почти 20 лет и получила название Второй пунической.

У римлян был четкий, заранее составленный план. Они собирались вести войну на двух фронтах — в Африке и в Испании.

Но Ганнибал взял и стремительно разрушил все эти штабные планы. Он двинул свое огромное войско, не меньше 80 тысяч человек, в Италию. Это считалось невозможным. На пути были два могучих горных хребта — Пиренеи и Альпы. Кто же может такое придумать — идти туда пешком!

Ганнибал пошел. Он продвигался к Италии с потрясающей быстротой, воодушевляя наемников собственным примером. Тит Ливий пишет о нем: «Он одинаково терпеливо переносил жару и холод. Меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием. Выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи. Многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и караулах. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой, последним покидал сражение». Он вызывал у воинов уважение своим личным мужеством, железной волей.

Пиренеи Ганнибал преодолел стремительно. И двинулся к Альпам. У него было 37 слонов. Это особенность карфагенского войска — слоны, которых не было у римлян. Поначалу слоны произвели на противника ошеломительное впечатление. Потом римляне успокоились и стали называть их «луканскими быками». А еще позже научились так на них влиять, чтобы испуганные, неуправляемые слоны стали не только бесполезными, но и опасными для тех, кто их использует. А из слонов Ганнибала со временем уцелел только один.

Но пока со слонами неожиданным маршрутом, разрушив римский генеральный план, Ганнибал примерно за 15 дней переходит Альпы и приводит войско в Италию. Далее следует

серия сенсационных подвигов, которые и сотворили его великий образ.

Перейдя Альпы, он, образно говоря, свалился на голову римлянам в Северной Италии, в долине реки По.

Армия Ганнибала была в тот момент непобедимой. Но римляне обладали умением очень быстро учиться, что и позволило им создать мировую державу. В Первой пунической войне они научились воевать на море. Изначально карфагеняне, потомственные мореплаватели, были сильнее в морском бою. Но римляне изобрели abordажные мостики, которые они перебрасывали с корабля на корабль, превращая морской бой в вариацию сухопутного.

Теперь перед ними была мощная карфагенская конница, всегда наносившая решающий удар. Римляне прежде делали ставку на пешее, тяжеловооруженное войско. Но они опять учатся — и победят Ганнибала благодаря сильной коннице.

А пока преимущество на его стороне. В ноябре 218 года до н. э. происходит сражение на реке Тицини (приток реки По). Ганнибал разбивает консула Публия Корнелия Сципиона, отца будущего своего победителя.

В конце декабря 218 года до н. э. — битва на реке Требии, тоже притоке По, и опять победа Ганнибала.

И самая знаменитая, 21 июня 217 года до н. э., - битва при Тразименском озере. Это совершенно потрясающая история, где Ганнибал показал себя великим полководцем.

Он пополнил свою армию восставшими галлами, которые были недовольны римским владычеством. Три дня и четыре ночи армия шла по грудь в воде, по болотам у реки Арно. Отдохнуть можно было только на трупах павших лошадей. Там погибли все слоны, кроме одного. У самого Ганнибала началось некое воспаление в глазу. В итоге он потерял глаз.

Благодаря своему совершенно безумному маневру Ганнибал обошел заготовленные римлянами укрепления. Он обманул бдительность консула Фламиния, который, не ожидая такого, расположил свое войско на более возвышенных местах. Когда Фламиний оказался на тесном пяточке, на него со всех сторон ринулось карфагенское войско. Это было страшное побоище. Сам консул убит. Десятки тысяч людей без пощады уничтожены. Жертвы были с обеих сторон, но римляне понесли значительно больший урон. Это была победа полководца, человека, преодолевшего немыслимые тяготы войны.

Казалось, Рим обречен. Ганнибал двинулся в Апулию — юго-западную часть Италии. Ему требовалось время для восстановления сил войска, для его пополнения, переснаряжения.

Римляне в ужасе избрали диктатора — Квинта Фабия Максима, который вскоре получил прозвище Кунктатор (Медлительный). На самом деле это был разумный человек, который понял, что не надо торопиться лоб в лоб сшибаться с Ганнибалом, правильнее отдельными нападениями, стычками, мелкими сражениями обессиливать страшного врага.

Этим Квинт Фабий Максим напоминает Баркляя де Толли, изматывавшего Наполеона во время Отечественной войны 1812 года. И тоже тактика оказалась достаточно разумной.

Но кунктаторов не любят, считают трусами, чуть ли не предателями. Квинта Фабия Максима отстранили.

А впереди было еще одно страшное поражение римлян — битва при Каннах, в западной части Италии 2 августа 216 года до н. э., самое знаменитое сражение Ганнибала, классика учебников по военной истории. Он построил войско полумесяцем, расположив в центре самых слабых наемников. И добился желаемого результата. Римляне ударили по центру, прорвали, подавили его... и зарылись в глубину его войска. Знаменитый прием — разделение войска соперника на две части, окружение этих частей по отдельности, а затем полное уничтожение. Многие десятки тысяч людей погибли. Римская армия была уничтожена.

Ганнибал не торопился идти на Рим. Он подошел близко, но штурмовать Рим не стал: ждал подкрепления, войска во главе со своим братом Гасдрубалом, которое должно было прийти из Испании. Но по дороге брат был разбит.

В 211 году до н. э. Ганнибал у ворот Рима, в городе тот самый клич: «Hannibal ante portas!» — и настоящая паника. Но он не штурмует.

Продолжает маневрировать, потому что не получил подкрепления.

Рим постепенно приходит в себя. Эта великая способность римлян — сохранять мужество, перестраиваться, обучаться. Причем армия Ганнибала — это наемники, Рим же защищают граждане.

Гражданская община ощетиливается для защиты своих интересов. И то самое, что Лев Николаевич Толстой гениально называл духом войска, решающим судьбу сражения, судьбу войны, здесь было на стороне римлян.

Пока Ганнибал, не дождавшийся подкрепления, маневрирует уже без особого успеха, римляне наносят Карфагену удары в Испании, теснят со всех сторон. Перевес сил уже на стороне Рима.

А хуже всего то, что Ганнибала перестают поддерживать из Карфагена. Позже сам он сформулирует это так: «Не Рим, а карфагенский Сенат победил Ганнибала».

Ему не доставляют должных средств, у него нет такой вольготной финансовой ситуации, которая была в свое время благодаря достижениям его отца в Испании.

У карфагенской знати крепнет опасение, что такой прославленный полководец станет опасным для республики, то есть для власти. Олигархия всегда предпочитает, чтобы все власть имущие были более или менее равны друг другу, чтобы все вместе, единым жадным, корыстным кулаком сжимали страну. А личность, возвышающаяся над ними, их смущает, тревожит.

Они не то чтобы открыто вредят Ганнибалу, но давно не помогают ему. И он ощущает невозможность продолжать наносить такие чувствительные удары, как те, которые он наносил Риму прежде.

К тому же у римлян появляется талантливый командующий — Публий Корнелий Сципион-младший, который получит затем почетное прозвище Африканский. Будущий победитель Ганнибала. И в 204 году до н. э. карфагенский Сенат отзывает Ганнибала в Африку на защиту отечества. В общем-то все логично, все правильно. Но ему помешали продолжать войну на территории Италии.

Он прибывает в Африку, настроенный на новые победы. Ему 43 года, а в 202 году до н. э., когда в конце осени состоится битва при Заме, — 44. Это овеванный славой, еще полный сил человек. Но его ждет его единственное крупное поражение. За 20 лет войны Рим многому научился.

После битвы при Заме, которую Ганнибал проиграл, был заключен мир, очень выгодный для Рима. Карфаген лишился права иметь флот, сохранил владения только в Африке, должен был в течение 50 лет платить контрибуцию.

Но Рим выиграл не только это. Он выиграл самого себя как потенциального лидера тогдашнего мира. Научившись воевать с таким соперником, как Ганнибал, мобилизовываться, когда, казалось, все кончено, переносить гибель консулов, потери десятков тысяч людей, преодолев все это, Рим и сделался равным самому себе.

Как ни странно, некоторое время после поражения Ганнибал занимал в Карфагене должность суфета — первого лица, верховного судьи.

Что же он делает на этой должности? Начинает бороться с продажностью тех, кто наживался на войне, кто, вероятно, подыгрывал врагам.

Но очень скоро он получил информацию о том, что власти Карфагена намерены-таки ответить на многолетние требования римлян и выдать его победителю. В 195 году до н. э. он бежал.

Далее последовали 12 лет эмиграции.

Сначала он направился в Сирию, к Антиоху III. Потом он у правителей Армении, затем в Вифинии, у царя Прузия.

И все эти годы он верен клятве. Он не просто спасает свою жизнь, но старается подтолкнуть правителей малазийских и южноевропейских государств к борьбе с Римом. Ганнибал еще рассчитывает создать новую коалицию и вернуться к делу своей жизни. Он даже принимает участие в нескольких не очень значительных, не очень крупных сражениях против Рима, нигде не терпит поражения, но это, конечно, не тот масштаб.

Ему не удастся найти тех, кто рискнул бы поднять знамя борьбы против Рима, за мировое первенство, как некогда Карфаген.

Ганнибалу приписывают слова: «Моя жизнь — неизменное усилие воли к единственной цели». Да, он имел право так сказать. Он мог мысленно отчитаться перед отцом в том, что клятвы, принесенной в детстве, он никогда не нарушил и всегда стремился ее исполнить.

Однако Рим был уже настолько сильнее всех государств, пытавшихся сохранить свою независимость, что Ганнибалу всюду угрожала опасность быть выданным. В очередной раз он получил информацию о том, что Прузий, царь Вифинии — сравнительно небольшого государства в Малой Азии, которое маневрировало между соседними правителями, — Прузий, который долго притворялся другом, готов выдать его римлянам. В 183 году до н. э. яд из перстня прервал жизнь Ганнибала.

Римский политик и оратор Марк Тулий Цицерон говорил: «Сограждане изгнали его, а у нас, мы видим, он, враг наш, прославлен в писаниях и в памяти». Его непримиримые враги сохранили для потомства память о нем.

Цинь Шихуанди, первый император Китая

В российских школьных учебниках истории о Древнем Китае рассказано не очень подробно. Вряд ли каждому понятно, что III век до н. э., когда первый император Китая объединил враждующие разобщенные царства, — это и время Пунических войн между Римом и Карфагеном. И события, происходившие на Востоке, ничуть не менее значимы, чем те, которые сотрясали Европу и ее ближайших соседей.

Цинь Шихуанди насаждал идеологию порядка и сильной центральной власти, что весьма актуально для современного человечества. Он хотел жить вечно. В итоге если не вечно, то невероятно долго живет его заупокойная пирамида, ставшая крупнейшей археологической сенсацией XX века. Там найдена так называемая Терракотовая армия — удивительнейший памятник, который уже в XXI столетии привозили в Москву и выставляли в Государственном историческом музее.

История жизни и правления Цинь Шихуанди сохранена в замечательном источнике. Автор его — Сыма Цянь — написал исторические записки «Ши цзи» через 65 лет после смерти Шихуанди. Эти девять томов изданы и в русском переводе. Богатейшим материалом насыщена монография Л.С. Переломова «Империя Цинь — первое централизованное государство в истории Китая» (1962). Несколько раз переиздавалась переведенная с французского языка книга Вадима и Даниель Елисеефф «Цивилизация классического Китая». С английского переведено исследование Бамбера Гасконе «Краткая история династий Китая», книга вышла в Санкт-Петербурге в 2009 году.

Цинь Шихуанди родился в 259 году до н. э. в Ханьдине, в княжестве Чжао царства Цинь. Его отец Чжуан Сянван был правителем, это следует из его имени, поскольку «ван» означает «князь» или «царь».

Мать была наложницей. То есть Цинь Шихуанди — бастард. Более того, мать перешла к Джан Сян-вану от предыдущего господина, придворного Люй Бувэя. И ходили слухи, что сын на самом деле — его.

Люй Бувэй, кстати, всячески покровительствовал мальчику. Но оказаться его сыном было не очень лестно, потому что он, в отличие от Джан Сянвана, не был князем и даже занимался торговлей.

Происхождение многое объясняет в характере Цинь Шихуанди. История дает немало примеров того, сколь отчаянно рвутся к власти именно незаконнорожденные, а следовательно,

уязвленные. Об этом не раз писал великий Шекспир. Есть такое особое стремление — доказать всему миру, что ты пусть и не такой знатный, как другие, зато самый сильный.

Мальчика назвали Чжэн, что означает «первый». Догадка гениальная! Ведь он действительно стал первым императором Китая.

В результате сложных придворных интриг Люй Бувэй добился того, чтобы в 13 лет Чжэн стал правителем государства Цинь — одного из семи китайских царств. Китай переживал в то время период раздробленности, и каждое из княжеств имело относительную самостоятельность.

Китайская цивилизация — одна из древнейших на земле. Ее начало относится к XIV веку до н. э. Она родилась, как и некоторые другие древние культуры Востока, в долине двух великих рек — Хуанхэ и Янцзы. Речная цивилизация во многом зависит от ирригации. Воюя с соседями, можно просто разрушить ирригационную систему, которая обеспечивает поля водой. И засуха, и затопление чреваты потерей урожая и голодом.

В VIII–V веках до н. э. Китай переживал этап раздробленности и внутренних войн. Но, даже несмотря на это, древним китайцам было свойственно осознание себя единой великой цивилизацией, Поднебесной — прекрасным миром, окруженным «злыми варварами» и потому вынужденным себя защищать. При чем китайцам действительно было чем гордиться. У них уже возникла письменность, они освоили металлургию и создали совершенную систему ирригации.

Надо понимать, что семь китайских царств — это полулегендарное понятие. Например, Британия на островах в Средневековье тоже началась с так называемых семи англосаксонских королевств. Это своего рода символ раздробленности. Китайские княжества — это Янь (северо-восток), Джао (север), Вэй (северо-запад), Цинь (тоже северо-запад), Ци (восток), Хань (центр) и Чун (юг).

Важнейшую роль в преодолении мозаичной разобщенности сыграло именно царство Цинь, располагавшееся на северо-западной границе, в предгорьях, в излучине Хуанхэ. Оно не было самым передовым в экономическом отношении, потому что главные его силы уходили на сдерживание варваров, наступавших с северо-запада, в том числе сюнну — будущих гуннов. Именно это заставило жителей царства Цинь создать военную организацию, более мощную, чем у соседей. Исследователи сравнивают внутреннее устройство царства Цинь с военной организацией Спарты. Бывают такие государства — не самые передовые экономически, но самые вынужденно организованные.

Строжайшая дисциплина, прекрасное владение оружием — это выдвигает их в первые ряды. Таки Цинь оказалось самым заметным среди семи китайских царств.

Первые восемь лет на престоле Чжэн реально не правил. Власть принадлежала его покровителю Люй Бувэю, который назвался регентом и первым министром, получив также официальный титул «второго отца».

Юный Чжэн проникся новой идеологией, центром которой в это время было княжество Цинь. Она получила название легизма, или школы права.

Это была идеология тоталитарной власти. Безграничный деспотизм вообще свойствен Древнему Востоку. Припомним древнеегипетских фараонов, которые сознавали себя богами среди людей. И правители Древней Ассирии говорили о себе: «Я царь, царь царей».

В Древнем Китае идеология легизма пришла на смену философии, которую разработал примерно за 300 лет до Шихуанди знаменитый мыслитель Конфуций (Учитель Кун, как его называют документы). Он организовал и возглавил первую в Китае частную школу. В нее принимали всех, а не только детей аристократов, ибо главная идея Конфуция — нравственно перевоспитать общество через перевоспитание правителей и чиновников. Это во многом близко, например, взглядам древнегреческого философа Платона, который в V–IV веках до н. э., примерно через сто лет после Конфуция, тоже говорил о необходимости перевоспитания правителей и даже попробовал перейти к практической деятельности. Платон, как известно, так раздражал одного из тиранов, что тот продал его в рабство.

Конфуций, как сообщает величайший историк Древнего Китая Сыма Цянь, предложил свои услуги семидесяти правителям, говоря: «Если кто-нибудь использует мои идеи, я смогу сделать нечто полезное всего за один год». Но никто не откликнулся.

Идеи Конфуция предвосхищают философию гуманизма. У него трудящийся народ должен быть подчиненным и работающим, но государство обязано заботиться о нем и защищать его — тогда в обществе будет порядок. Именно Конфуций учит: «Должность не всегда делает человека мудрецом».

А мечтой его был мудрец на высокой должности.

Как пишет Сыма Цянь, Конфуций был недоволен современным ему обществом, опечален тем, что путь древних правителей заброшен. Он собрал и обработал древние гимны, стихи о единстве народа и власти, о необходимости подчиняться правителю, который должен быть добр к народу. Он видел

общественное устройство как дружную семью. Потом Конфуцию приписали авторство, но, видимо, он на самом деле только собрал эти произведения.

По мнению же молодого Чжэна, увлеченного идеями легизма, закон есть высшая власть, идущая от неба, высший же правитель — носитель этой высшей власти.

В 238 году до н. э. Чжэн начал править самостоятельно. Люй Буэя он сослал, заподозрив — вероятно, не беспочвенно — в подготовке мятежа. Затем его принудили к самоубийству. Остальные заговорщики были жестоко казнены. Среди прочих — и новый любовник матери Чжэна, ставленник Люй Буэя Лао Ай. Начиналась эпоха великих казней.

Цинь Шихуанди стал полновластным хозяином небольшого, но очень воинственного княжества.

Первые 17 лет своего самостоятельного правления он непрерывно воевал. Его правой рукой сделался некто Ли Сы. Это был страшный человек. Выходец из низов, из глухой деревни, он оказался очень хитроумным и очень воинственным. Ли Сы горячо разделял идеологию легизма, придав ей определенную жестокую направленность: он утверждал, что закон и обеспечивающее его наказание, а значит, жесткость и страх есть основа счастья всего народа.

К 221 году до н. э. правителю Цинь удалось покорить шесть остальных китайских царств. На пути к цели он пользовался и подкупом, и интригами, но чаще всего — военной силой. Подчинив себе всех, Джэн объявил себя императором. Именно с этого времени он звался Шихуанди — «император-основоположник» (аналогично древнеримскому обозначению «император Август»). Первый император заявил, что править будут десятки поколений его потомков. Он жестоко ошибся. Но пока казалось, что этот род действительно непобедим.

Армия Цинь Шихуанди была огромна (ее ядро составляло 300 000 человек) и располагала все более совершенным железным оружием. Когда она отправилась в поход против сюнну, варвары были отброшены, а китайская территория на северо-западе значительно расширена. Чтобы обеспечить защиту от враждебного окружения, император приказал соединить бывшие укрепления шести царств новыми крепостными сооружениями. Этим он положил начало строительству Великой Китайской стены. Возводили ее, так сказать, всем миром, но не добровольно, а принудительно. Главной строительной силой были солдаты. Вместе с ними работали сотни тысяч заключенных.

Укрепляя внутренний порядок, Цинь Шихуанди продолжал отгораживаться от внешнего варварского мира. Мобилизованное

население неумоимо строило Великую стену. Оставался китайский император и завоевателем. Он затеял войны в Южном Китае, на землях, не входивших в число семи царств. Расширив свои владения на юге, Шихуанди двинулся дальше и покорил древнейшие государства Вьетнама, которые назывались Намвьет и Аулак. Туда он насильственно переселял колонистов из Китая, что вело к частичному смешению этносов.

Цинь Шихуанди основательно занялся внутренними делами государства. Ему приписывают такой лозунг: «Все колесницы с осью единой длины, все иероглифы стандартного написания». Это означало принцип единообразия буквально во всем. Как известно, к стандартизации, в частности мер и весов, стремились и древние римляне. И это было очень разумно, потому что способствовало развитию торговли. Но в Риме, при всей тяге к порядку и дисциплине, сохранялись и элементы демократии: Сенат, выборные государственные должности и так далее.

В великой же древневосточной империи единообразие поддерживало прежде всего ничем не ограниченную центральную власть. Император был объявлен сыном неба. Появилось даже выражение «мандат неба» — мандат от высших сил на абсолютную власть над каждым человеком.

Заботясь о единообразии, Цинь Шихуанди создал целостную сеть дорог. В 212-м до н. э. он приказал провести дорогу с севера на восток, а затем прямо на юг, в столицу. Причем проложить ее было велено прямо. Исполняя приказ, строители прорубали горы и перебрасывали мосты через реки. Это была грандиозная работа, посильная только для мобилизованного населения тоталитарного государства.

Император ввел единую систему написания иероглифов (в покоренных царствах письменность несколько различалась) и общую систему мер и весов. Но наряду с этими благими деяниями была и организация единой системы наказаний. Легисты утверждали: «Разуму народа можно доверять настолько же, насколько и разуму ребенка. Ребенок не понимает, что страдание от малого наказания — это средство получить большую пользу».

Новой столицей император сделал город Сяньян, недалеко от современного Сианя, к юго-западу от Пекина, в центре современного Китая. Туда была переселена высшая знать из всех шести царств — 120 000 семей. Всего в столице проживало около миллиона человек.

Всю территорию государства поделили на 36 административных округов, чтобы прежние границы царств были забыты. Новое деление никак не соотносилось ни с былыми

границами, ни с этническими особенностями населения. Все держалось исключительно на насилии.

Ни одному человеку в империи не разрешалось иметь личное оружие. Его у населения отобрали, а из полученного металла отлили колокола и 12 гигантских статуй.

А в 213 году до н. э. был принят закон об уничтожении книг. Его энтузиастом был Ли Сы. Он считал важным, чтобы люди забыли об учености и никто не вспоминал о прошлом, чтобы избежать дискредитации настоящего. Историк Сыма Цянь приводит текст обращения Ли Сы к императору. Придворный с возмущением сообщает: «Услышав об издании указа про книги, эти люди тут же начинают обсуждать его исходя из своих собственных идей! В душе они его отрицают и занимаются пересудами в переулках! Они делают себе имя, понося начальство». Все это считалось недопустимым. У людей не должно быть никаких собственных идей, а решения властей не следовало обсуждать.

Вывод Ли Сы таков: мириться с таким положением нельзя, так как оно чревато ослаблением правителя. Надо сжечь все книги, хранящиеся в императорских архивах, кроме хроники династии Цинь. Следует изъять тексты Ши-цзин и Шу-цзин — древние гимны и исторические документы, объединение которых приписывают Конфуцию, — и сжечь их без разбора.

Уничтожению не подлежат только книги, посвященные медицине и гаданиям. «Тот же, кто пожелает учиться, — пишет Ли Сы, — пусть берет в наставники чиновников».

И конечно же необходимо казнить всех, кто осмелится говорить о Ши-цзин и Шу-цзин, а тела казненных выставлять на торговых площадях. Если же кто-либо будет критиковать настоящее, ссылаясь на прошлое, и хранить запрещенные книги, его надо казнить вместе со всей семьей, причем уничтожить три поколения, связанные с этим человеком.

Приблизительно через полвека после смерти Шихуанди в стене одного из старых домов нашли замурованные книги. Погибая, ученые прятали их, надеясь сохранить знание. Так не раз бывало в истории: правитель истреблял ученых, но культура со временем возрождалась. И Китай при династии Хань, утвердившейся на престоле после преемников Шихуанди, вернулся к идеям Конфуция. Впрочем, великий мудрец вряд ли узнал бы себя в новых пересказах. Его философия была во многом основана на патриархальных мечтах о справедливости, равенстве, на вере в возможность перевоспитать правителя. После господства легизма неоконфуцианство впитало идею незыблемости порядка, естественного деления людей на высших

и низших и необходимости сильной центральной власти.

Чтобы провести в жизнь свои законы, Цинь Шихуанди создал целую систему жесточайших наказаний. Виды казни для порядка были даже пронумерованы. Причем убить человека ударом палки или проткнуть копьем — это легкие способы казни. Во многих случаях требуются другие, более изощренные. Император постоянно ездил по стране, лично следя за исполнением своих решений.

Повсюду возводились стелы с надписями такого, например, содержания: «Великий принцип управления страной прекрасен и ясен. Его можно передать потомкам, и они будут следовать ему, не внося никаких изменений». На другой стеле появились такие слова: «Надо, чтобы повсюду теперь люди знали, чего нельзя делать». Стелы Шихуанди — квинтэссенция деспотизма, основанного на запретительно-карательной системе тотального контроля.

Шихуанди построил для себя гигантские дворцы и приказал соединить их запутанными дорогами. Никто не должен был знать, где в данный момент находится император. Он всегда и всюду появлялся неожиданно. У него были основания бояться за свою жизнь. Незадолго до его кончины были один за другим разоблачены три заговора.

А умирать Шихуанди не хотел. Он верил, что можно найти эликсир бессмертия. Чтобы добыть его, были разосланы многочисленные экспедиции, в том числе к островам Восточного моря, видимо в Японию. Об этой далекой и труднодоступной земле в древности ходила всяческая молва. Поэтому было нетрудно поверить, что эликсир бессмертия хранится именно там.

Узнав о поисках эликсира, уцелевшие ученые-конфуцианцы заявили, что это суеверие, подобного средства не существует. За подобные сомнения 400 или 460 конфуцианцев были по приказу Шихуанди живыми зарыты в землю.

Так и не получив вожделенного эликсира, Цинь Шихуанди сосредоточил главное внимание на своей гробнице. Трудно сказать, была ли у него в действительности идея, чтобы вместе с ним похоронили его гигантскую армию, и пришлось ли уговаривать императора заменить живых воинов терракотовыми.

Цинь Шихуанди умер в 210 году до н. э., во время очередного объезда владений. Его уверенность в том, что установленный порядок незыблем, не оправдалась. Крах системы наступил очень быстро после его смерти. Ли Сы обеспечил самоубийство прямого наследника — старшего сына императора Фу Су, а затем добился того, чтобы все сыновья и дочери Шихуанди были уничтожены один за другим. С ними было покончено к 206 году. Жив остался

лишь его ставленник Ли Сы, младший сын Шихуанди Эр Шихуанди, которого Ли Сы считал марионеткой, игрушкой в своих руках.

Но главный евнух дворца сумел расправиться с самим Ли Сы. Бывшего всесильного придворного предали казни по всем тем правилам, которые он пропагандировал и насаждал, причем по четвертому, самому чудовищному варианту. Очень поучительная история для злодеев...

В 206 году до н. э. был убит и второй император Эр Шихуанди. В стране развернулось мощное движение социального протеста. Ведь население уже много лет страдало от жестоких порядков и роста податей. Дошло до того, что у каждого человека изымалась примерно половина дохода. Начались народные восстания, одно из них, как ни удивительно, оказалось успешным. Династия Хань, последовавшая за династией Цинь, — это потомки одного из победителей, возглавившего грандиозное народное движение.

А в 1974 году китайский крестьянин обнаружил в одной из деревень в районе города Сиань, недалеко от бывшей столицы Шихуанди, фрагмент глиняной скульптуры. Начались раскопки — и было найдено 8000 терракотовых солдат, каждый высотой примерно 180 сантиметров, то есть нормального человеческого роста. Это была Терракотовая армия, сопровождавшая первого императора в последний путь. Захоронение самого Цинь Шихуанди пока не вскрыто. Но археологи считают, что оно находится там же.

Первый император Китая стал героем многочисленных книг и фильмов.

Надо сказать, что он очень полюбился фашистам, которые по сей день лепят из него свой идеал, забывая, как дорого обошелся стране созданный им порядок и насколько недолговечен он оказался.

Чингисхан. Безжалостный завоеватель мира

Начало кровавой дороги

Каждый школьник знает имя Чингисхан. На самом деле монгольского хана звали Темучин, по-монгольски Тэмуджин. Он родился в 1155 или в 1162 году — историки не единодушны, умер 18 августа 1227-го. В 1206 году он основал Монгольское государство. Чингисхан — организатор завоевательных походов в Азию и Восточную Европу, великий реформатор и объединитель Монголии. Прямые потомки Чингисхана по мужской линии — Чингисиды.

Все это можно прочесть в энциклопедии. Нас же интересуют подробности его жизни. Хотя, если вы спросите, какой след оставил этот человек в истории, я, не задумываясь, отвечу — кровавый.

Он из тех же мест, что и гунны, — какое-то поистине мистическое место в Монголии! Оттуда дважды поднимались страшные, сметающие все на своем пути силы. Завоевателей в жизни человечества было много, но ни вождь гуннов Аттила, один из величайших правителей варварских племен, когда-либо вторгавшихся в Римскую империю, ни Александр Македонский, ни Бонапарт и никто другой из многочисленных претендентов на мировое господство не отличался такой неутолимой жадной жестокости, зверств и разрушения всего, что встречалось на пути, какая была у Чингисхана. Это была его страсть, его цель — уничтожить все, не столько взять, сколько уничтожить.

Очень страшно, что в XX веке его идеализируют и возвышают, как, например, в художественном фильме режиссера Синитиро Саваи «Чингисхан: до самого конца земли и моря» (Монголия — Япония, 2007). Возможно, это какая-то тяга на генетическом уровне, на психофизическом, космическом, тяга к поклонению перед силой. Создатели фильма ищут что-то привлекательное в этой страшной личности. Ищут и находят — вот что самое печальное. Остановимся на нескольких эпизодах его жизни, которые так занимают кинематографистов. Например, на том, как он по смешному поводу убил брата Бектера — на охоте не поделили то ли рыбу, то ли маленького жаворонка. И вот из-за этого он со своим сводным братом Хасаром совершил такое злодейство. Конечно, в истории это — обычная ситуация. Каин убил Авеля из-за желания отстоять свое первенство. Но наше

отношение к Каину явно отрицательное, людям всегда не нравится, когда брат убивает брата. А в фильме, и не только в нем, Чингисхан — герой. А убийство Джамухи? Да, они соперничали, но ведь были же побратимами, как же так? Если историки спорят, кто именно приказал сварить в огромном котле пленников, Чингисхан или Джамуха, то мы усматриваем в этом зверство особого свойства. Здесь явно, говоря языком Стругацких, превзойден «нормальный уровень средневекового зверства».

Что же восхищает потомков? Да, Чингисхан завоевал территорию от Индии до Средней Азии. Затем отправился в европейские степи, вторгся на территории русских земель. Все знают о знаменитой битве на Калке 1223 года. И опять особые, изощренные зверства. Победители-монголы пировали на деревянном настиле, который положили на живых еще участников сражения, прежде всего на князей и вождей, умирающих людей...

Однако одна из задач наших — попытаться восстановить обстоятельства жизни и облик этого человека (хотя, на мой взгляд, человеком его можно назвать лишь условно), разобраться, что же с ним случилось и как такое могло быть. Источников о жизни Тэмуджина, Чингисхана, много. Самый главный — «Тайная история монголов, или Сокровенное сказание» («История» существует в русском переводе). Это эпическое повествование о Чингисхане и его роде написано близкими к хану людьми в середине XIII века, примерно через 13 лет после его смерти. Записанная на монгольском языке китайскими иероглифами (к тому времени монголы еще не создали своей письменности) рукопись предназначалась только для членов рода и хранилась в царской сокровищнице. Существует много ее переводов, в том числе и на русский язык. Интересно, что найдена была эта «История» русским китаеведом Палладием Кафаровым в 1866 году. Отец Палладий, в миру Петр Иванович Кафаров (1817–1878), был человеком напряженной духовной жизни, талантливым ученым, членом тринадцатой Русской православной миссии в Пекине. Он является создателем китайско-русского словаря и транскрипционной системы. Найденную им «Историю» он же и перевел на русский язык.

Второй источник тоже чрезвычайно важный и серьезный — сборник летописей персидского историка начала XIV века Рашида ад-Дина. Его произведения считаются официальной историей монголов. В сборнике летописей есть элемент отстраненности, а потому он отличается более объективным взглядом на события, чем монгольские или китайские источники такого рода. К тому же арабская культура в те времена была на очень высоком уровне,

уже существовали прекрасные традиции научного письма. Представляется, что этот автор использовал источники на монгольском языке, которые не дошли до нас, в частности «Золотую книгу». Арабские авторы Средневековья очень часто использовали древние рукописи.

И наконец, в нашем распоряжении документы официальной истории правившей в Китае до 60-х годов XIV века монгольской династии Юань. Последний правитель из династии Юань, напуганный антикитайским восстанием, бежал в Монголию, а к власти пришла основанная восставшими династия Мин. Таковы основные источники, которые дают возможность восстановить довольно подробную картину жизни Чингисхана и его окружения. Особенно пристальное внимание уделим его детству. Оно привлекало и средневековых авторов, ибо в детские годы закладываются основные качества характера.

Обстоятельства его рождения обрастали мифами, что естественно и очевидно для этой стадии развития общества. Считалось, что Чингисхан родился со сгустком крови в правой руке, и сгусток этот имел форму камня. Это сочтено было особым знаком, о чем и впоследствии много раз вспоминали. Лицо его светилось, волосы и глаза были слишком светлыми для монгола, а взгляд не по-детски пристальным. Объясняли это просто — род Темучина восходит к потомкам некоего небесного человека со светлыми глазами по имени Бодончар. Конечно же это был намек на божественное происхождение. Мать его рассказывала, будто ей являлся некто во время беременности и она видела в небесах какое-то свечение.

От мифов обратимся к фактам. Его отец — Есухей-богатур. Заметим, что времена Чингисхана, то есть XII век, — расцвет рыцарства, зрелое высокое Средневековье в Западной Европе. На Востоке же, в Монголии, царит совершеннейшее варварство. Богатур-богатырь — глава улуса, кочующей группы людей, большой семьи — пользуется уважением, умеет воевать, дает отпор соседям, у него есть небольшая дружина. Представить себе, что римская фамилия вместе с рабами кочует по полям и равнинам, невозможно. Здесь же у каждого улуса существовали свои границы, нарушение которых вело к военным столкновениям. Мать Чингисхана была красавицей, ее имя известно — Оэлун. Ее Есухей-богатур похитил из племени меркитов. Нравы того времени ему это вполне позволяли, в таком поступке не было ничего необычного. Но вот, что было неестественно: он отбил молодую красавицу, которая только что вышла замуж. Вот из-за этого обстоятельства и возник вопрос о законности происхождения Тэмуджина. Кто был его отец? Есухей-

богатур ли? Это мучило Чингисхана всю жизнь. Может быть, меркитское семя уже было во чреве его матери, когда Есухей-богатур похитил ее? В юности, если хотели его унижить, оскорбить, говорили — «ты, меркитское отродье». Это считалось ужасным оскорблением. И конечно, у него на этой почве возник комплекс неполноценности. Мать намекала на его божественное происхождение, возможно, для того, чтобы этот комплекс мальчик преодолел. Но это, видно, мало помогало — эти сомнения он пронес через всю жизнь.

Мстительность — одна из главных его черт, он был вечным мстителем. Оскорбления, полученные в юности, не давали ему покоя всю жизнь. Самая страшная его месть была татарам, одному из монгольских племен, которому, по иронии судьбы, дали название «монголо-татары». Есухей-богатур успешно воевал с ними, но однажды татары предложили ему выпить отравленный кумыс. Он выпил и умер. Месь татарам была как будто завещана Тэмуджину отцом, и он отомстил — татары были уничтожены. Ему приходилось всю жизнь помнить и о меркитах, с которыми он беспощадно расправлялся. Он копил обиды, никогда их не забывал, никогда их не прощал, казалось, он состоял из одной яростной, слепящей мести. Мстительность — это на всю жизнь.

Перед смертью Есухей решил найти своему сыну невесту. Ею стала десятилетняя девочка Борте. Став женой Чингисхана, она сыграет большую роль в его жизни. А пока родители договорились, что их дети пожениатся, но не сразу, а в будущем. И тут умирает Есухей.

Со смертью отца улус распался. Тэмуджину было в то время девять лет. Его мать была женщиной с сильным и крепким характером, она как могла боролась, чтобы сохранить это объединение людей, ибо только большой семьей можно выжить в кочевье, но у нее ничего не получалось. Дружина Богатура, родные и близкие друзья уходили. И они имели на это законное право. Ведь человек, которому они приносили личную вассальную клятву, умер. Они имели право и возможность признать преемником сына Есухея, Тэмуджина, но очень уж не хотелось это делать. Шансы, что этот мальчик скоро станет отважным и сильным воином, способным повести за собой людей, были чрезвычайно малы. А ведь нужен именно такой вождь, чтобы спокойно жить, зная, что всегда сможешь дать отпор опасным соседям. И вот тогда-то, очевидно, чтобы оправдать свой отказ присягать сыну Богатура и уход из улуса, вассалы Есухея пустили слух о сомнительном происхождении Тэмуджина. У мальчика было три родных брата, все младше его — Хасар, Хачиун, Тэмугэ — и два сводных — Бэгтэр и Бэлгутэй. Все они входили в этот

улус, поэтому шансы на возрождение рода были. Но на это требовалось время. А вассалы ждать не стали и ушли.

Очевидно, именно к этому, весьма плачевному периоду относится тяжелое для Тэмуджина событие. Он оказывается в плену у монгольского племени тайчиутов, они держат подростка в деревянных колодках — в фильмах этот эпизод обычно смакуют. А на самом деле Тэмуджин вместе с братом убили в ссоре молодого воина из этого племени. Вот вождь тайчиутов и заковал его в колодки. Так он жил не месяц и даже не год, а может быть, несколько лет. Вокруг него были рабы и скот. Этот период жизни повлиял на формирование его личности особенно катастрофически. Спустя много-много времени, когда этот самый Тэмуджин станет великим Чингисханом, он придумает законы — и их запишут с его слов, — среди которых будет и такой, лично выстраданный, для него — безусловный: «Монгола нельзя держать в рабстве».

Для того чтобы понять, как этот закомплексованный и не очень счастливый подросток превратился во властелина половины мира, надо припомнить, кто такие монголы в это время. Монголы — это одно из племен, которое дало название большой племенной группе, включающей в себя разные народы, например, меркитов и татар. Точно так же среди германских племен, населивших будущую Францию, были не только франки, но и швабы, бургунды и другие. Франки оставляют им свое имя — и так рождается название государства. Большой племенной союз существует с середины VIII века, и именно с этого времени начинается его движение на Запад. В сущности, это одна из поздних волн Великого переселения народов.

Обратимся к событиям, предшествующим походу на Запад. Монголы не были сильным и воинственным племенем, наоборот, их считали слабыми — само слово «монгол» означает «бессильный» или «простосердечный». Они были почти полностью истреблены племенем кидани в районе большого Хингана и реки Аргун, в глубинах Монголии. Как говорит предание, остались всего двое мужчин и две женщины. Ах, как они потом за все это отомстили!

Предание есть предание. Однако понятно, что племя монголов не сразу и не вдруг, а через сложные исторические перипетии стало лидером.

По легенде, которая, как мне кажется, содержит зерно истины, монголы, научившись плавить железо, расплавили гору и вышли на простор степей. Конечно, расплавленная гора — это фантастическая деталь, но факт освоения железа налицо. В монгольских степях было немало залежей руды, что позволяло

даже при самых примитивных орудиях — кузнечных мехах и кострах — начать выработку железа. И понятно, что именно это умение выдвигало тех, кто овладел им, на авансцену истории. Вспомним вторжение дорийцев в Грецию около 1100 года до н. э. Почему варварам удалось победить греков с их высочайшей культурой? Они умели ковать из железа наконечники для стрел. А повстречавшаяся на пути завоевателей крито-микенская культура находилась в бронзовом веке. Бронза прекрасна, красива, хороша в обработке, но в прочности она сильно уступает железу. Когда-то кочевое племя гиксосов сумело захватить большую часть Древнего Египта по той же самой причине.

Хотя кто такие гиксосы по сравнению с цивилизованными египтянами? Дикари!

Ко времени появления Чингисхана монголы — это уже сильное и знатное племя. Позднее варварство сочетается у них с еще ранним степным рабством. Чингисхан, переживший унижения в юности, очень болезненно воспринимал попытки кого-либо нарушить иерархию в обществе. Ему приписывают слова: «Если раб не предан хозяину — убить его!» А вообще он мало что понимал во взаимоотношениях с другими людьми и народами. К его времени в обиход входит слово «Ван», что значит в переводе с китайского «князь». Китай сильно опережал монголов в своем развитии. Там уже появилось неравенство, и княжеский титул это подтверждает. Тэмуджин такого титула пока не имел, но он получил от китайского императора должность джаутхури, военного комиссара, сотника, за участие в истреблении татар и возрождение своего улуса. Когда и как ему удалось вырваться из плена, на самом деле никто не знает. Есть несколько версий.

Согласно одной из них, ему удалось бежать во время сильной грозы, которую древние монголы очень боялись. Он каким-то чудом убил двух стражников, сломав им хребты — это его любимый способ казни — и скрылся. Тэмуджин вернулся в разоренный род, на пепелище и мог бы пасть духом.

Но у него была яростная, всемогущая вера в свои особые возможности и сжигающая его жажда мести. Может быть, именно она давала ему эти сверхъестественные силы? А поводов для мести у него было много. После плена он женился на красавице Борте. Но горькая ирония судьбы! Вскоре после свадьбы она была похищена меркитами, которые не забыли, как его отец увел женщину их племени. С трудом собрав небольшой отряд, Тэмуджин обращается за помощью к другу детства и своему побратиму Джамухе. Они вместе отбивают Борте у меркитов. И опять сомнения. Она ждет ребенка. Чей он? Его ли? В судьбе

Тэмуджина, как в зеркале, повторяется жизнь его отца. Первого сына Чингисхана Джучи недруги будут называть «меркитское отродье».

Почему же все-таки именно Тэмуджин из мелкого бандита, которым долгое время оставался, превращается в бандита мирового масштаба, императора монгол, повелителя народов? Чем он отличался от всех остальных, тоже жаждущих власти и могущества? Если коротко, то можно сказать, что его энергетической пружиной была ненависть. Он был пропитан ею. А ненависть, к великому сожалению, способна стать стимулом для завоевания половины мира.

Океан зла

Чингисхан. Определенно интерес к этой личности растет. Как растет и желание показать его великим и гениальным. Особенно страшна попытка сделать из него героя. Я никак не разделяю этих настроений. Мне хотелось бы противопоставить его апологетам свои аргументы. Постараюсь подтвердить свое мнение фактами из его жизни и словами самого Чингисхана, которые дошли до нас в источниках.

Его разбег, подготовительный этап — это 1189 год, когда Тэмуджин был избран ханом. Сколько ему лет? Если он родился в 1155 или в 1162 году, он уже достаточно зрелый, хотя и молодой мужчина. Представители знатных родов большей части Монголии признали его ханом, то есть «стоящим над всеми». А ведь совсем недавно монголы отказались от этого института верховной власти. Все вожди равны, утверждали они. К тому же еще был жив сын последнего хана из ханского рода Хутулы-хагана — Алтай, да и многие его родственники. Несмотря на все эти обстоятельства, большая группа знати решила признать Тэмуджина ханом. Процедура избрания была очень простой — вожди подняли его на кошме над собой и произнесли клятвы. Они клялись при разделе добычи выделять ему очень хорошую долю, обещали быть верными и следовать за ним, куда бы он их ни повел. Такой обряд был принят и у германцев в Западной Европе. Хлодвиг в VI веке провозглашается франками своим вождем-правителем, затем — королем именно таким образом. Только в Европе поднимали на щит, а в Азии — на кошму.

И вот Тэмуджин хан. Почему же именно он? На это было несколько резонов. Во-первых, он был из рода последнего хана. Во-вторых, что еще более важно, Тэмуджин — удачливый предводитель, чрезвычайно беспощадный, невероятно жестокий. А у варварского окружения жестокость вызывает одобрение. Он

убьет своего главного соперника, второго претендента на ханский титул — своего друга и побратима Джамуха. Под разными предлогами и без всяких предлогов Чингисхан убьет и всех родственников последнего хана, одного за другим. Возвышало его в глазах знати и то, что Тэмуджин получил от китайского императора должность джаутхури — пограничного чиновника, военачальника. И опять-таки он обратил на себе внимание китайских начальников своей жестокостью при беспощадном истреблении татар.

Считалось, что татары отравили его отца, и поэтому Чингисхан проявил особые чудеса жестокости по отношению к ним. По его приказу убивали всех мужчин, кто был ростом выше оси колеса. То есть в живых оставались двухтрехлетние мальчики.

Варварский кочевой мир одобряет и приветствует такие поступки. По мнению варваров, только такой лидер мог быть надежным заступником. Но даже их Чингисхану удалось смутить. После своей победы над Джамухой он приказал сварить пленников в семидесяти котлах. Вот с такого старта начинаются завоевания Чингисхана.

В 1206 году, в год Барса, курултай — большое собрание представителей всех монгольских племен — избрал Тэмуджина своим главой. За ним утверждалось серое знамя с белым кречетом. Отныне он будет носить имя Чингис, что означает «океан» или, по другой версии, «избранник неба». Сам Чингисхан предпочитал называть себя избранником неба и светлого духа Тенгри — божества, в которое верили монголы. Почитание Тенгри-хана — небесного духа-хозяина широко распространено среди народов Центральной Азии.

Размышляя о том, почему монголы вернулись к ханской должности, я думаю о той непримиримой межплеменной вражде, которая вообще характерна для кочевой стадии развития общества, но у монголов она достигла такого предела, такой меры озверения и дикости, что существовала реальная возможность полного истребления племенами друг друга. И в этой ситуации они предпочли жестокого лидера самоистреблению. Категорически утверждать это трудно, но предположение возможно в качестве гипотезы. Обозначу некоторые вехи завоеваний Чингисхана, они производят сильное впечатление.

В 1207 году он покоряет племена в верховьях реки Енисей, целую группу племен — найманов, кераитов, меркитов. В 1209 году в Восточном Туркестане ему подчиняются уйгуры, более цивилизованные, чем монголы, владеющие письменностью (именно на уйгурском языке писались документы в эпоху

Чингисхана). Через два года начинаются войны с Китаем, великой, огромной империей. Через пустыню Гоби течет целый океан монгольских войск, уничтожая все на своем пути. 1215 год — важнейший в войне с Китаем: монголами взят Пекин. Город горел целый месяц. А вообще в войне с китайцами Чингисхан уничтожил девяносто городов. В 1218 году с берегов Иртыша началось наступление монголов на Среднюю Азию. Пали и уничтожены Бухара, Самарканд, Ургенч, Хорезм. Погиб Хорезмшах — правитель Хорезма, древнего государства Средней Азии с центром в низовьях Амударьи. В 1220 году Чингисхану подчинились Северный Иран, Закавказье и Крым. Через три года монголы стояли на реке Калка. А это уже Европа! В 1226–1227 годах уничтожено государство Си Ся, созданное в конце X века тибето-бирманскими племенами минья на территории современного Северо-Западного Китая. Отряды Чингисхана дошли до Инда. Масштаб завоеваний колоссальный. И в памяти человечества они оставили сильнейшее впечатление.

Очень пугает в современном мире нездоровое тяготение к символам силы, успеха, основанного на насилии. Например, прошло сообщение, что в Республике Тува обнаружен дворец Чингисхана. Какая радость! Как все гордились, что именно там найден этот дворец. Но, думаю, у нормально мыслящего и развитого человека, с нравственной природой, это не должно вызывать безумного ликования. Оценки надо корректировать. Да, это громадные завоевания, но какой ценой! Как они происходили! Приведем некоторые факты из истории войн Чингисхана в Китае. На том пути, что вел из Монголии в Китай, стоял город Хуалай, крупный торговый центр. Современники отмечают, что много лет спустя после того, как монголы его взяли, территория примерно в пятнадцать квадратных километров была покрыта человеческими костями. Уничтожение людей становится нормой походов Чингисхана. Город Цзинань, расположенный на западе провинции Шаньдун, важное связующее звено между Северным и Восточным районами Китая, хорошо описан в источниках. Его украшали фонтаны, озера с прекрасными цветами лотоса, огромные парки, скульптуры, наконец, знаменитая гора Тысячи Будд с изваяниями, созданными в VII веке. Все это было уничтожено!

Чингисхана, этого классического степняка, город вообще раздражал. Ему было непонятно, где там пасти скот. Сохранилась гравюра XIII века, написанная, видимо, китайским или арабским художником. Гравюра называется «Зверства монголов». Значит, люди еще в те времена прекрасно понимали, что Чингисхан перешел некую грань жестокости, что они имеют дело с чем-то доселе неизвестным. Смотрите сами. На гравюре изображены

монгольские воины, одни несут отрезанные, отрубленные человеческие ноги, другие — руки. Над костром, на вертеле — человеческое тело. При этом монголы не были каннибалами. Случаи каннибализма отмечались у них только в случаях длительных осад. Что это, как не зверство? И это говорю не только я, но и художник XIII века.

Иногда в споре со мной говорят: «А крестоносцы? А Нерон? Калигула?» Жестокость есть жестокость, и Калигула был патологически жесток, и Нерон тоже. Но если таких варваров — целая орда, последствия их деяний не поддаются описанию. Тут речь идет об уничтожении целых цивилизаций и сотен тысяч людей. При штурме городов Чингисхан гнал впереди войска тысячи пленников, чтобы они первыми пали под стрелами тех, кто держал оборону. Эти тысячи становились, как сейчас говорят, пушечным мясом, по их телам текла лавина орды. Человеческая жизнь не стоила абсолютно ничего. Вот что страшно, и это не следует забывать, рассуждая о великом завоевателе.

1214 год — осада Пекина. Город представлял собой укрепленную крепость с мощными башнями и стенами, длина которых составляла 43 километра. Чингисхан понимал, что взять этот город будет трудно, и предложил горожанам откупиться. Колоссальный по тем временам выкуп ему был предоставлен: тонны золота, серебра, 500 мальчиков, 500 девочек, тысячи лошадей. Чингисхан снял осаду. Но ровно через год вернулся, устроил страшный штурм, после которого город горел на протяжении месяца. Посол Хорезм-шаха был очевидцем этих событий. Вот как он описывает это зрелище: «Кости убитых образовали горы, почва стала жирной от человеческой плоти, и гниющие повсюду тела вызывали болезни, от которых некоторые из нашего посольства умерли. 60 тысяч девушек бросились с крепостных стен, чтобы избежать рук монголов». Даже современники, видевшие насилие на каждом шагу, останавливаются в изумлении перед этой жестокостью. Для Чингисхана она — норма.

И вот он устремляется на юг от Аральского моря в Хорезм — на территорию, где сегодня находятся Афганистан, Туркестан и Иран. Хорезм, добившийся в начале X века независимости от арабов, процветает. На протяжении двадцати лет страной правит султан Мухаммед, и он еще молод. И посол передает ему письмо от Чингисхана, в котором тот пишет, что хотел бы видеть Мухаммеда своим сыном. Естественно, султана охватывает ужас. Дикий монгол, страшный завоеватель зовет его в сыновья! Дело безнадежное, никаких равноправных отношений быть не может, но все-таки правитель Хорезма пытается с помощью дипломатии

хотя бы оттянуть время. Бесполезно! Начинается беспощадная истребительная война. Хан стремится уничтожить все!

Приведем свидетельства об уничтожении Бухары. Арабский историк Ибн Аля Сир писал: «Это был ужасный день, отовсюду слышались рыдания мужчин, женщин и детей, разделенных навеки монголами. Варвары бесчестили женщин прямо на глазах у этих несчастных, которые в своей беспомощности могли только плакать. Многие зрелищу этого ужаса предпочитали смерть». Если бы о зверствах орд Чингисхана писал один очевидец, то можно было бы усомниться в его объективности, но свидетелей тому множество, и, к сожалению, сомнений не остается.

Современники свидетельствуют, что у Чингисхана начались разногласия со старшим сыном, тем самым, который, возможно, происходил из меркитского рода. Джучи стал высказывать сомнения в целесообразности истребления всех и вся. Дело в том, что для Джучи эти города были его улусом. И он не хотел, чтобы разоряли его, хотя и не завоеванную еще до конца территорию. Но все его доводы, возражения и просьбы были категорически отвергнуты. А потом Джучи внезапно умер. Сразу поползли слухи о том, что его убили отравленной стрелой. Слухи не были беспочвенными — ведь над недовольными Чингисхан обычно чинил быструю расправу. Напомним, Джучи был отцом хорошо и печально известного в России хана Батыя (Бату-хан, 1205–1255), монгольского полководца и государственного лидера, Чингисида, хана Золотой Орды.

Многие историки пишут о военном искусстве Чингисхана. Конечно, в течение тех многих лет, что он воевал, его тактика и стратегия не раз менялись. Например, поначалу он использовал конницу при штурме крепостей, а впоследствии понял, что это абсолютно бессмысленно и разработал метод применения осадных орудий, к которым приставлял пленных. Его пленники, беспомощные и безусловные смертники, копали подкопы, ровняли площадки для осадных орудий, под обстрелом готовили осаду. Чингисхан стал применять разведку с переодеванием своих людей, которые проникали в стан врагов. Монгольское войско, по мнению специалистов по военному искусству, имело большие преимущества по сравнению с армиями цивилизованных стран, в том числе Хорезма и Китая. Неприхотливость, готовность к дальним походам, необычайная выносливость, которые были результатом многовековых усилий и генетического отбора, — вот что отличало монголов. Кочевники были несравненно более сильными воинами, чем европейцы. И их было больше, это была огромная, бесчисленная сила. Цивилизованные народы изначально были поставлены в гораздо более уязвимую позицию.

Они могли победить в столкновении, только играя по своим правилам. И наконец, монголы применяли тактику выжженной земли, известную, правда, и у других завоевателей. Вспомним хотя бы Пекин, который горел месяц. Потому что цель монгольских завоеваний была одна — все сжечь, уничтожить.

Лишь в самом конце жизни Чингисхан начал несколько сомневаться в целесообразности своих действий. Это случилось, когда он занялся обустройством своей колоссальной империи. Что он сделал? Ему приписывают, видимо не без оснований, приказ о создании яса (от монгольского «жасак» — «запрет», «наказ, закон», «налог, подать») — свода законов, Монгольской Правды, наподобие Русской Правды. Кроме того, Чингисхан ввел единое административное устройство своего необъятного государства. Территория была разделена на 95 военно-административных районов, которые состояли из «тысячи». Так называлась территория, выставляющая тысячу всадников. Он создавал государство, работающее на войну. Оно включало 16 служб, в том числе службу сокольников охоты. А как же? Ведь он очень любил охоту. Представителями местной власти были темники, тысячники, сотники, десятские. Все понятно из названий. Они руководили военными подразделениями и вообще решали на местах мирные вопросы. Чингисхан в конце жизни повелел знатым юношам изучать уйгурскую письменность, чтобы они могли вести делопроизводство в письменной форме. В начале своего пути он категорически отвергал все дары городской цивилизации, считая, что она рождает слабых, изнеженных, не пригодных к войне людей. Жечь все, брать только самое ценное — золото, серебро, пленников, остальное — в огонь. Такова была его позиция. Конечно, он менялся. Жизнь меняет каждого человека, даже такого чудовищного, каким был Чингисхан.

Почему же все-таки «чудовищный»? Я приведу маленький отрывок из арабского источника, автор которого приписывает Чингисхану такие слова: «Самая большая радость для мужчины — это побеждать врагов. Гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен». Те же крестоносцы проявляли жестокость. Но масштаб несопоставим совершенно. Крестоносцы соблюдали правила войны, некий рыцарский кодекс. И когда эти установления нарушались, можно было пожаловаться королю или римскому папе, которые, как правило, наказывали виновного. Здесь же — другое. Нарушение всех человеческих представлений — это принцип. Это прекрасно — сжимать в объятиях чужих жен, насиловать их на глазах мужей, гнать перед

собой врагов, волоча их на канате или привязав к хвосту лошади. Это прекрасное зрелище — видеть, как корчится в муках твой враг. Возможно, причина кроется в истории и предыстории, которая протекала в других условиях по сравнению с европейской.

Возможно, так сильно отличающаяся форма восприятия жизни связана у монголов с кочевым образом жизни. Гунны в описаниях римских историков очень похожи на монголов. В IV–V веках римляне увидели в Аттиле «бич Божий». Римляне очень тонко подметили, что у гунна нет понятия родины, ибо он зачат в одном месте, выношен в другом, а родился — в третьем. Его родина — кибитка. Сидя на выносливой, тяжелой лошади, он может справлять нужду, спать, торговать. Словом — жить, не слезая с седла. Такой образ жизни, возможно, является в некотором роде объяснением той жестокости и беспощадности, которые характерны для кочевых народов. Лотосы, плавающие в озерах китайского города, для диких монголов — странность, ненужность, извращенность.

Каков же был закат жизни нашего персонажа, создавшего огромную империю на территории от Венгрии до Индии? Как и все злодеи, после пятидесяти лет он начал панически бояться смерти. Сила христианской морали была ему не знакома, но что-то он все-таки чувствовал: безусловно, груз злодейств давил на него. Несмотря на свою неприязнь к книжникам, Чингисхан требовал, чтобы к нему доставляли то одного, то другого китайского мудреца. Посетил его даже знаменитый даосский монах Чан Чунь, который, как считалось, познал тайну бессмертия. От всех мыслителей хан ждал утешительных предсказаний. Под страхом смерти Чингисхан всегда запрещал говорить с ним о милосердии, но на склоне лет впервые проявлял что-то вроде терпимости. Мудрецы вышли от него живыми, а это немало.

Скончался Чингисхан в походе против китайского государства Си Ся. Он умер под стенами его столицы на шестьдесят шестом году жизни, взяв обещание со своих наследников истребить тангутов полностью. Его завещание было выполнено. Еще он потребовал, чтобы гробницу его спрятали так, чтобы и века спустя найти ее было невозможно. И это его желание было исполнено.

Средние века

Карл Великий. Был ли он Великим?

Император Карл остался в веках с прозвищем Великий. Случайностью это быть не может. Никогда в истории то или иное прозвище не доставалось тому, кто не был его достоин.

Первый император в Западной Европе со времен Древнего Рима. Коронован примерно 1200 лет назад. Создал огромные территориальные объединения в границах бывшей Западной Римской империи, за которые отчаянно воевал.

Завоеватель — и одновременно реформатор. Постоянно находясь в походах, проводил реформы, которые имели значение для истории.

То, что началось при его правлении в духовной жизни, называют «каролингским возрождением». Это сочетание слов обычно берут в кавычки — и напрасно. Это было именно возрождение античного просвещения.

Чего стоит одна только реформа письменности! Стали писать по-другому, так, что гораздо доступнее сделались рукописи. До этого их могли читать только избранные.

И наконец, Карл Великий — герой «Песни о Роланде». Не каждый политический деятель вошел в героический эпос.

Во всяком случае, то небрежение, которое проявлялось по отношению к фигуре Карла Великого в советское время, абсолютно несправедливо. О нем писали с каким-то странным презрительным оттенком: «Лоскутная империя, которую он создал, распалась вскоре после смерти создателя». Как будто ее распад должен нас раздражать или возмущать.

Вместо этого надо спокойно и внимательно посмотреть на жизнь и дела этого великого человека.

Карл родился, видимо, в 742 году, точная дата неизвестна. Отец — Пипин по прозвищу Короткий, майордом (главный министр) Хильдерика III, последнего из династии Меровингов правителя королевства франков. Таких германских, варварских королевств немало образовалось на территории Западной Европы после распада великой Римской империи. Говоря об их правителях, мы употребляем слова «король», «королева», так именуются они в древних текстах, но надо помнить, что это вчерашние племенные вожди, это еще довольно диковатый, варварский мир.

Видимо, мальчик был назван в честь деда — Карла Мартелла (Мартелл означает «молот»). Дело в том, что имя Карл вообще не пользовалось популярностью у Пипинидов. Но в данном случае было сделано исключение: родной дед Карла — герой,

остановивший движение арабов с Пиренейского полуострова в Западную Европу. В 732 году объединенное германское войско — основу его составляли франки, но участвовали и бургунды, и алеманны, и другие — под его командованием разбило арабов при Пуатье (в центре современной Франции). Если бы это сражение не было выиграно, возможно, карта Европы и ее этнический облик были бы иными. Карл стремился, наверное, подражать великому деду, быть могучим «молотом» для врагов.

В 751 году Пипин, заручившись поддержкой папы римского Захария, узурпировал власть, отправив прежнего короля в монастырь. Папа одобрил это деяние, зная, что получит в благодарность подарок — папское государство. Каких только не бывает подарков! В данном случае — кусок земли в центре Италии.

Мать будущего Карла Великого — королева Бертрада, властная, энергичная, участвовала в политической жизни, побывала с визитами в Баварии у герцога Тасселона, в Северной Италии у короля лангобардов Дезидерия. Она преодолела немалые расстояния — при тогдашних коммуникациях! У нее была идея заключать союзы с соседними королями, чтобы франки не воевали, а действовали с ними заодно. Эта идея полностью провалилась. Сын Бертрады Карл доказал, что сплотить народы в то время можно было только силой.

Королева привезла Карлу из Италии невесту, младшую дочь короля Дезидерия Дезидериаду. Двдцативосьмилетний Карл был женат, но мать заставила его отторгнуть предыдущую супругу и жениться на Дезидериаде. Это была наивная попытка наладить отношения с лангобардами. Свадьба игралась торжественно, на Рождество.

Надо сказать, что Карл очень любил Рождество. Он был искренне религиозным человеком. И все знаменательные события его жизни происходили, как правило, под Рождество или во время Рождества.

Пипин рано начал приобщать старшего сына к государственным делам. Когда Карлу было только 11 лет, отец направил его встречать папу римского Стефана II. Визит папы — это очень важно. А в 761–762 годах девятнадцатилетний Карл сопровождал отца в аквитанских военных походах, успешных для франков.

В 768 году Пипин умер. В отношении наследства он поступил так же, как его предшественники Меровинги, — отнесся к королевству, как к личному поместью, и разделил его между сыновьями. Это было, конечно, крайне глупо — биться за укрепление власти, а потом делить земли.

Карлу досталась странная территория в форме полумесяца, вдоль Бискайского залива и Ла-Манша. А внутри, в середине, были владения его младшего брата Карломана. Отношения между братьями сразу же стали натянутыми. Назревала война. Неизвестно было, на чью сторону встанет мать, вдовствующая королева.

Но вмешалось провидение. В 771 году Карломан внезапно умер. Молодой и вовсе не болезненный человек. Подозрения, безусловно, возникают. Однако никаких свидетельств того, что он был убит, не сохранилось.

Как пишет исследователь жизни Карла Великого замечательный медиевист А.П. Левандовский, «дорога завоеваний открылась».

Карл немедленно отодвинул с политической арены мать, вскоре отправил обратно в Лангобардию жену Дезидериаду. Ранние варварские короли смотрели на развод очень просто. Христианская церковь внушала им, что браки совершаются на небесах, что жена — навсегда. Они вежливо выслушивали епископов, делали вид, что согласны, но потом, когда им мешала жена, просто отправляли ее куда-нибудь подальше. Они жен не казнили, это потом, по мере развития цивилизации, все приняло такие жестокие формы. А Меровинги, Каролинги отправляли жену прочь, брали другую. И церемонии развода не было.

Каролинги — название новой династии. Это не просто звучит красивее, чем Пипиниды. Сама история признала Карла самым значительным правителем из этого рода.

Он начал с войн. Война была для него нормальной формой существования и главным политическим инструментом. Надо сознавать, каково было общество, возникшее на руинах Западной Римской империи. Ведь абсолютное большинство людей тогда разучилось писать и читать — такова была степень варваризации.

Карл вроде бы научился читать по-латыни и даже сколько-то по-гречески. Правда, миф утверждает, что писал он одно слово — Carolus, то есть ставил свою подпись. Но может быть, он к готовой подписи добавлял лишь какой-то крючок. Сохранились эти подписи, где слово Carolus выведено писцом, а Карл поставил завитушку в знак того, что его рука приложена.

В этом варварском мире война — норматив. Общество развивается, обогащается только путем простого арифметического действия — сложения. Больше земли — больше богатства — больше людей — больше доходов. Расширение границ. А возможности для расширения есть, потому что все государства еще относительно слабы, у них нет ни стабильных границ, ни постоянного войска, ими правят позавчерашние

племенные вожди, которые делят богатые территории.

Войны Карла многочисленны. В 774 году он покоряет королевство лангобардов, принадлежавшее Деизидерию, его бывшему тестю, и начинает называться «Король франков и лангобардов, Римский Патриций».

Обратим внимание на слово «римский». Дело в том, что Карл с самого начала своего правления продолжил курс своего отца на тесное взаимодействие с папами. Римские первосвященники — это бывшие епископы, возвысившие свою власть и претендующие на роль главных посредников между Богом и людьми. Карл сделался их вернейшим союзником. Он всячески подчеркивал свою набожность и преданность римскому престолу. Это был важный политический шаг. Именно от папы Карл получил санкцию на покорение лангобардов. Прекрасный дипломатический флаг. Папу надо защитить!

Карл все время расширяет территорию. В 776 году воюет с Византией за владения в Италии, не забывая добавлять римским папам кусочки земли, дабы укрепить важнейший политический союз.

Далее 787 год — германская Бавария, а также Каринтия и Крайна, земли на границе с Германией, населенные славянами.

Тридцать с лишним лет войны в Саксонии — 772–795 годы. Здесь ему оказали максимальное сопротивление, и никаким идеальным героем эпоса он не выглядел. Было много жестокости, крови, более четырех тысяч заложников перебиты по приказу Карла. Война ведется под религиозным флагом, происходит насильственное обращение язычников-саксов в христианство. Можно сказать, что Карл в определенном смысле — предшественник Крестовых походов.

В 778 году — знаменитый поход за Пиренеи, в результате которого и родился эпос «Песнь о Роланде».

Это был поход против арабского государства, руководимого династией Омейядов. Помогая одному арабскому властителю в борьбе против другого, Карл, как всегда, рассчитывал прирастить территории. Поход оказался не очень удачным, но кое-какая добыча огнем и мечом была получена.

Карлу достался небольшой участок на границе Наварры и Пиренейских гор — он назвал его Испанская марка.

При возвращении из этого похода случился такой эпизод. Войско растянулось в горах, и в районе Ронсевальского ущелья обоз, который двигался сзади, обремененный добычей, сильно отстал — авангард ушел далеко. На отставший обоз напали вовсе не арабы (мавры, как их называет героический эпос), а христиане — баски, вытесненные этими самыми арабами в горы, голодные,

жившие в тяжелых условиях. Им нужна была только добыча. А всех франков они изрубили.

Арьергардом командовал граф Роланд. Граф в те времена — вовсе не представитель аристократии, это чиновничья должность.

Через сотни лет, в XI веке, складывается «Песнь о Роланде». Ее пели воины Вильгельма Нормандского перед битвой в 1066 году при завоевании Англии. А в XII веке она была записана. По легенде, которая все преобразует и приукрашивает, на доблестных рыцарей напали злодеи мавры. Битва превращается в столкновение христиан с мусульманами.

Перед походом Карл дал Роланду рог и велел трубить в случае опасности. Но мужественный рыцарь не трубит, пока не начинает истекать кровью. А услышав звуки рога, Карл приходит на помощь: «Был на коне прекрасен Карл Великий! Поверх брони висит брада седая (он никогда не носил бороды!). И по примеру Карла все брады свои не скрыли под броней. Легко узнать средь войска наших франков. Прекрасен, строен, могуч король! Лицо его сияет, на скакуне гарцует гордо Карл».

Вспоминаются другие строки: «Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь как божия гроза!» А ведь это пушкинская «Полтава». Прямая переключка двух персонажей, безусловно идеализированных!

Карл выделяется на фоне остальных правителей, и не только тем, что чаще всего побеждает в сражениях (хотя у него были, конечно, и отдельные поражения). Он замечен как дипломат, как политик. Может быть, сказывается то, что он все-таки читает полатыни и по-гречески. Он ведет себя умнее других.

В 799 году папа Лев III был свергнут в результате заговора римской знати и скрылся в монастыре, в ужасном состоянии, ослепленный, с отрезанным языком. Потом он, правда, чудеснейшим образом от всего этого исцелился. Видимо, источники несколько преувеличивают то, насколько он был искалечен.

Но обижен точно был. Из монастыря он бежал, бежал к великому поборнику папской власти, западному правителю, который обязательно поможет. При дворе Карла папа был принят ласково. А затем возвращен в Рим. Когда выяснилось, что за спиной опального папы стоит могучий франкский правитель, римская знать сразу же изменила позицию. От папы потребовали только принести устную присягу, поклясться, что тех злодеяний, в которых его обвиняли, он не совершал. Слово папы священо, его признали невиновным.

Фигура Карла уже значительна. Все знают, что к нему нельзя

проявлять неуважение — иначе он двинется в поход.

Проходит год. И 25 декабря 800 года, на Рождество, Карл снова в Риме. Он стоит в соборе, молится в алтаре. И римский папа возлагает ему на голову императорскую корону. Замечательно пишет придворный хронист Эйнхард: это произошло вдруг. Слово «вдруг» очень выразительно.

Карл, по словам Эйнхарда, потом говорил, будто, знай он заранее о намерениях папы, он бы в тот день не пошел в церковь, невзирая на торжественность праздника. Вот она — дипломатия! Вот он — язык лжи! Вот оно — притворство!

Эйнхард тут же проговаривается. После того как корона была возложена, все присутствовавшие в соборе римляне и франки хором трижды прокричали один и тот же текст: «Да здравствует и побеждает Карл Август, богом венчанный, великий и миротворящий римский император». Все хором, трижды и полатыни! И это все «вдруг»?

Так или иначе, Карл стал первым западноевропейским императором. Где-то далеко на Востоке, в Константинополе, был византийский император, но Восточная Римская империя отделилась, давно жила собственной жизнью и территориально, и сущностно. Теперь же и здесь, в Западной Европе, возродилась традиция императорской власти.

Призрак Римской империи не уходил на протяжении тысячи лет Средневековья, с V по XV век. Тень эта периодически материализовалась. Ее ранняя материализация — Карл Пипинид, император.

Это событие очень важное, и на него нервно реагируют в Византии. Обостряется соперничество, бывшее в течение некоторого времени не очень заметным. Но Карл опережает возможные действия Византии и снаряжает посольство к императрице Ирине, узурпаторше, которая правит вместо своего сына Константина и чувствует себя не совсем уверенно.

Карл заручился поддержкой римского Собора, который постановил: «Поскольку сейчас в стране греков нет носителя императорского титула, а империя захвачена местной женщиной, последователям апостолов и всем святым отцам, как и всему остальному христианскому народу, представляется, что титул императора должен получить король франков Карл, который держит в руках Рим, где некогда имели обыкновение жить Цезари».

Это поведение человека, поднимающегося над варварством эпохи, стремящегося мыслить государственно.

В 802 году посольство делает Ирине простое и логичное предложение. Брак между Карлом и Ириной, который был бы,

конечно, замечательной формой соединения двух частей распавшейся Римской империи. Призрак ее материализуется еще более решительно. Карл в своей дипломатии намного забегает вперед: браки германских правителей не означали никакого объединения земель. Скорее дочь, отправленная к другому варварскому правителю, становилась заложницей. Карл же планирует династический брак и соединение власти.

Ирина готова была дать согласие, спасительное в ее шатком положении. Но как только стало ясно, что она собирается принять предложение, придворные решительно объединились против нее. Флагом для них стало то, что она намерена вступить в брак с варваром-франком. Она была немедленно низложена, власть перешла к императору Никифору, бывшему руководителю финансового ведомства Византии.

Но это не означало поражения Карла. В 810 году Никифор признал его императором Запада.

Карл умел заставить окружающих поверить, что он фигура серьезная.

Его посольство ко двору багдадского правителя Харуна аль-Рашида, халифа из династии Аббасидов, для этой эпохи почти невероятно. Так далеко! Так туманны сведения об этом Востоке! Пишут, что, когда Карл увидел сделанную из слоновой кости статуэтку слона, он спросил, из чего она. Ему сказали, что из зуба животного. Он поразился: какое же это животное?

Но Карл знает, что на крайнем западе его империи, где он создал свою Испанскую марку, живут соперники Аббасидов, представители другой арабской династии — Омейяды. Поэтому Карл и рассчитывает, что Аббасиды, заинтересованные в его поддержке, забудут о религиозных разногласиях и заключат с ним союз.

Известно, что Харун аль-Рашид в ответ прислал подарки как знак дружелюбия. Среди них — знаменитый слон, которого Карл Великий потом долго повсюду водил за своим двором. Только через восемь лет слон умер в Саксонии.

Что сказать о частной жизни императора? У Карла было шесть или семь жен, три наложницы, восемнадцать детей, включая незаконнорожденных — бастардов.

От первой жены — сын Пипин, который получил прозвище Горбатый. Он считался злым горбуном и пытался совершить государственный переворот в 792 году. Был заточен в монастырь, где и окончил свои дни.

Дочерей Карл от себя не отпускал, замуж им выйти не позволял, но не запрещал вести вольную жизнь. Нравы при дворе не были строгими — в поведении царило варварство.

Наследовавший Карлу сын Людовик Благочестивый провел реформу двора, удалил наложниц и действительно вел благочестивую жизнь.

Но при всей вольности и дикости нравов именно Карл начал каролингское возрождение, возвышение культуры. Он собрал к своему двору всех самых образованных людей эпохи. Таковых было немного, и их знали по именам. Среди них Алкуин, которого доставили с Британских островов, Петр из Пизы, Агобард и Теодульф из мусульманской Испании, астроном Дикуил. Около двадцати человек — немало для той эпохи. Их объединение было названо Академия. Императора явно тянуло к чему-то античному.

Деятельность этих людей науки и искусства имела важные последствия. Не случайно двор Людовика Благочестивого стал уже совершенно другим: там интересовались литературой, читали стихи, занимались живописью, расцветала книжная миниатюра.

Карл Великий поддерживал открытие школ и, подобно Петру I, заставлял учиться детей знати. Система обучения Тривиум — Квадривиум включала грамматику, риторику и логику, а затем арифметику, музыку, геометрию и астрономию. Дети императора тоже получили образование.

Он одобрял поиск и собирание древних рукописей. Чтобы читать их, требовалось знание латыни. При монастырях открыли специальные мастерские, которые назывались скриптории, где переписывали, подчас с ошибками, но переписывали древние тексты.

Очень важной оказалась реформа письма. На смену неразборчивому, так называемому меровингскому курсиву пришел каролингский минускул — прообраз будущих типографских готических шрифтов. Его уже гораздо легче читать. Он доступен более широкому кругу людей.

Созданы библиотеки, прежде всего в Сен-Дени. Некоторые из них существуют по сей день.

И когда Карл направлял графа-военачальника руководить какой-либо областью, то с ним посылал образованного епископа, при котором обязательно состояли писцы.

Стихийное осознание того, что все это важно, позволило Карлу приостановить разрушение античного культурного наследия.

Конец жизни Карла Великого обычный, совсем не героический. С 810 года, когда ему пошел восьмой десяток, он начал болеть. Похоронил нескольких своих детей. Надо сказать, что он был любящий отец и очень страдал. В 810 году умер

Пипин, в 811-м — Карл-младший, наследник престола. В 813 году Карл сам короновал своего оставшегося сына Людовика, а 28 января 814 года умер, не дожив нескольких месяцев до 72 лет.

Его могила не сохранилась, хотя известно, что он был похоронен в Аахене (земля Северный Рейн современной Германии).

В 1000 году набожный император Оттон III приказал вскрыть могилу и взял оттуда крест, потому что призрак империи требовал этого символа прямой преемственности императорской власти. Все германские императоры считали Карла своим покровителем.

Но он скорее был тем, чем назвал его в XVIII веке Август Викебарт — автор книги «Сравнение Петра Великого с Карлом Великим» (в 1809 году она была переведена на русский язык). В ней Карл и Петр называются «законодателями своих народов» и «бессмертными просветителями наций».

Сулейман Великолепный. Взлет перед закатом

Великолепным турецкого правителя именовали в Европе. Подданные же называли его Кануни — Законодатель. Это был десятый турецкий султан, правивший с 1520 по 1566 год. При нем Османская империя достигла пика своего величия. Как известно, после высшей точки, зенита, согласно законам физики, возможно движение только в одну сторону — вниз. Оно и началось после правления Сулеймана Великолепного. В XVII веке империя пришла к закату, а в XX после поражения в Первой мировой войне, распалась. С 1922 года Турция — светское государство, республика. Сулейман Великолепный лично возглавил 13 военных компаний, 10 из которых — в Европе. В нем самом было много европейского. Но, несмотря на большое число военных походов, некоторые султаны — его предшественники — завоевали больше территорий, чем он. Его слава напрямую связана с расцветом искусств в годы его правления. При нем создано чудо архитектуры — мечеть Селимие в городе Эдирне, недалеко от Стамбула, в европейской, балканской части Турции.

Сохранилось изображение Сулеймана, наверняка идеализированное. Он очень красив. Точеный профиль, небольшая аккуратная борода. и невероятно огромный тюрбан. И, несмотря на такой головной убор, проскальзывает что-то европейское в его внешности.

Сулейман родился около 1495 года. Его дед, Баязид II, имел прозвище Святой (а такие прозвища в те времена случайно не давались). Его правление вошло в историю Османской империи как редкостно миролюбивое и спокойное, без массовых убийств, которые так характерны для последующих периодов турецкой истории.

Именно Баязид Святой назначил своего внука Сулеймана, тогда еще ребенка, наместником в Крыму. Крымское ханство — один из обломков громадной Орды — признало себя вассалом османских правителей. Юность Сулеймана прошла в городе Кафа (это нынешняя Феодосия) — центре тогдашней мировой работорговли.

Отец Сулеймана, султан Селим I, вошел в историю с прозвищем Грозный, по-турецки Явуз. Он восстал против своего состарившегося отца, чтобы помешать получить власть своему старшему брату Ахмеду.

Надо сказать, что в Османской империи в те времена

существовала примечательная традиция: новый правитель при вступлении на престол убивал всех своих братьев. Зачем? «Дабы избежать братоубийственных войн и розни». Этот закон перестали соблюдать только в XVII веке, когда казнь заменили заточением.

Поднятое Селимом в 1511 году восстание оказалось неудачным. Он бежал в Крым, к юному сыну Сулейману. Тот принял его, поддержал, дал возможность подготовить армию, и Селим снова пошел на Стамбул. На сей раз он добился низложения своего отца Баязида и отправил его в изгнание.

Но по пути бывшего султана отравили. Такова была кровавая увертюра правления Сулеймана Великолепного.

Когда Селим I пришел к власти, он уничтожил около 40 своих сводных братьев, а заодно и других родственников мужского пола. Кроме того, он истребил шиитов в Малой Азии — примерно 45 тысяч человек. Он был очень скор на расправу и говорил: «Править — это сурово карать». До XIX века дожило турецкое проклятие: «Чтоб тебе быть визирем у султана Селима!»

Это означает, что тебя каждую минуту могут либо удавить, либо отравить.

Интересно, что в том же XVI столетии на Руси некто Ивашко Пересветов, как говорят, выходец из Литвы, подавал царю Ивану Васильевичу «эпистолы» — записки, в которых советовал принять «грозность» по примеру турецких султанов как государственную необходимость. Он писал: «О, если б к московской истинной вере да правда турецкая, так ведь с русскими сами ангелы беседовали бы». И нельзя не признать, что Иван Васильевич Грозный был во многом подобен Селиму Явuzu. Показательно, что османские правители XVI века не были настолько отрешены от Европы, а московские — от Азии, насколько может на первый взгляд показаться. Османская империя в ту эпоху играла важную роль в европейской истории.

Это государство выросло на развалинах восточной части великой Римской империи. Оно было создано тюркскими племенами в Анатолии в эпоху заката Византии и существовало до создания Турецкой республики в 1922 году. Империя-долгожитель!

В XVI веке европейская часть Османской империи была по размеру сопоставима с азиатской. Сейчас европейская Турция — это территория вокруг Стамбула, причем не такая уж маленькая: там расположены три города с населением более 100 тысяч человек каждый. До сих пор турецкие футбольные клубы играют в Европейской лиге, а сама Турция претендует на вхождение в Евросоюз. Эта претензия — след угасшей звезды, европейской звезды Османской империи.

Основателем государства был некто Осман, правивший в 1259–1326 годах. Он получил от своего отца Эртогрула пограничный удел, или «удж», как его называли турки, Сельджукского государства в Малой Азии. Есть версия, что Осман со своими войсками помог туркам-сельджукам противостоять монголо-татарам. И за это турки укрепили его «удж», из которого потом родилась империя.

С XIV века потомки Османа начали движение в Европу, на Балканский полуостров, движение страшное, неукротимое. Казалось, ничто не способно его остановить. Главной турецкой военной силой стали созданные тогда же, в XIV веке, войска янычар. Слово «янычар» буквально означает «новое войско». Оно было создано в соответствии с гениальным замыслом. Янычары — это рабы султана, набиравшиеся только из детей христиан, в том числе и славян, воспитанные в полной изоляции от семьи, от родины и своей веры. Для таких, как они, через много столетий появится в литературе слово «манкурты» — люди, не знающие своих корней, всецело преданные султану. Кроме того, турки создали великолепный флот и даже сдавали его в аренду некоторым европейским державам.

В 1389 году османы одержали величайшую победу на Косовом поле в Южной Сербии. Их противники — сербы, боснийцы и их союзники — проявили истинный героизм. В этом сражении султан Мурад I был убит в собственном шатре легендарным сербским князем Милошем Обиличем. Несмотря на это, войска султана победили и продолжили движение на запад. В 1453 году Мехмед II завоевал Константинополь. Эта лавина остановилась лишь у стен Вены, хотя сейчас турецкая власть на территории Австрии кажется даже гипотетически невозможной. Огромные завоевания были у османов и на Востоке. При Селиме I они захватили Сирию, Египет и часть Персии. Царствование Сулеймана стало вершиной мощи и непобедимости турецкого войска.

В 25 лет Сулейман унаследовал власть у своего отца Селима. Итальянский политик Паоло Джовио писал об этом: «Бешеный лев оставил своим наследникам ласкового ягненка».

Благодаря действиям Селима I Сулейману не пришлось исполнять закон об истреблении ближайших родственников мужского пола. У него к моменту наследования не было таких конкурентов. Судьба избавила его от подобного злодейства. И как ни удивительно, в обществе, где кровопролитие — норма, тот факт, что делать этого не пришлось, вызвал к молодому султану общую симпатию.

Подданные сразу отметили его благоразумие. Например,

разрешил плененным прежде, при его грозном отце, ремесленникам и купцам из других стран вернуться на родину. Этот благожелательный шаг существенно улучшил торговлю. Правда, в Османской империи торговля понималась однобоко. Ее правители хотели, чтобы все товары только ввозились в Турцию: не понимая роли экспорта, предпочитали импорт. Тем не менее торговля оживилась.

Кроме того, Сулейман настаивал на создании светских законов — и они были созданы. В большинстве стран мусульманского Востока в то время никаких светских законов не существовало, действовали лишь законы шариата. Принятое при Сулеймане законодательство, судя по всему, позволяло учитывать особенности завоеванных стран. Это было очень важно, чтобы разрастающаяся империя не делалась пороховой бочкой.

Сулейман вырос в Крыму, его любимая жена Роксолана была славянкой. Его тянуло в Европу, и именно туда он совершил большую часть походов. Кроме этого, он, продолжая политику отца, воевал с Ираном и отнял у него Западную Армению, Грузию и Ирак. В 1534 году Сулейман покорил Тунис, но ненадолго. Через год император Священной Римской империи Карл V отвоевал его обратно. Там же, в Северной Африке, вассалом Сулеймана признал себя Алжир.

И все-таки важнейшей целью оставалась Европа, а главными противниками — австрийские Габсбурги. Вражда с ними достигла апогея при Карле V. Серьезный удар Сулейман направил также против Венгрии — тогда заметного в Западной Европе и очень воинственного королевства. Венгры наследовали умение воевать и стремление к войне от своих предков — гуннов. Политическим центром Венгрии в XVI веке был Белград, являющийся сейчас столицей Сербии.

Древние греки считали, что где-то на Балканском полуострове находится вход в царство Аида, то есть в ад, и там постоянная война неизбежна. Так или иначе, оттуда начался поход Александра Македонского.

В первый год правления, в 1521-м, Сулейман покорил Белград. Это был большой военный успех. В следующем году он занял маленький остров Родос, расположенный между Турцией и Грецией, — мощный военный центр духовно-рыцарского ордена иоаннитов. Иоанниты видели свою главную задачу в заботе о больных, нищих, страждущих, но умели и воевать. На Родосе у них были мощные укрепления. Итальянцы провели там значительную реставрацию, фактически выстроив все заново, но по точным эскизам прошлого. Обороняющиеся полгода выдерживали жестокую осаду, но поняли, что им не устоять, и

сдались Сулейману, который в этот момент продемонстрировал свои европейские, а не восточные черты. Победенных рыцарей не истребил поголовно, а позволил им уйти, не затребовав даже выкупа. Иоанниты ушли и обосновались на Мальте.

А Сулейман двинулся в Венгрию. В 1526 году он одержал победу над венграми, чехами и хорватами при городе Мохач. В сражении погибло 8 тысяч венгров из 20-тысячного войска, в бою пали 8 епископов. После битвы была сложена пирамида из 8 тысяч голов, а Сулейману принесли голову венгерского короля Людовика (Лайоша) II. Гора отрубленных голов — отражение азиатского отношения к цене человеческой жизни.

Продвигаясь в глубь страны, Сулейман взял Буду (этот город, объединенный с Пештом, стал столицей современной Венгрии). В 1529 году турки осадили Вену. Однако взять город им не удалось, несмотря на значительное численное превосходство: армия Сулеймана составляла около 120 тысяч человек.

Надо помнить, что в Средние века и раннее Новое время осада города — это тяжелейшее испытание не только для осажденных, но и для осаждающих. Под стенами крепости войско страдает от болезней и морального разложения. Начинается мародерство и падает боевой дух армии. И Сулейман Великолепный, потеряв около 40 тысяч человек из своих 120 тысяч, отступил.

Сулейман вновь двинулся в поход против Австро-Венгрии в 1532 году. Дойти до Вены ему не удалось, но значительная часть Венгрии осталась под его властью.

В 1536 году Сулейман добился важного дипломатического успеха — заключил союз с Францией против Северной Италии. Он провел несколько победоносных военных кампаний против Венеции — серьезного соперника, обладавшего могучим флотом.

Почему Франция — лидер европейской цивилизации — пошла на союз с мусульманской Османской империей? Это стало результатом вражды внутри европейского стана. Главным врагом для французской монархии были Габсбурги. А поскольку Сулейман воевал с ними, Франция сочла возможным воспользоваться турецкой военной мощью. И в дальнейшем западноевропейские державы не раз с удовольствием наблюдали, как ослабляли друг друга два монстра, две агрессивные империи. Приятнее всего в такой ситуации остаться в стороне, не вмешиваясь в смертельно опасную игру.

Когда Франциск I заключил союз с Сулейманом Великолепным, французские купцы получили льготы, а турецкий флот был предоставлен в распоряжение французского короля. Сегодняшние исследователи полагают, что французы XVI века

воспринимали договор с османами как обычный европейский союз двух императоров. Сулейман же понимал все совершенно иначе. Он полагал, что поощряет торговыми льготами и предоставлением флота тех, кто признал величие турецкого султана.

Итак, французам удалось направить на Габсбургов мощную разрушительную силу Османской империи. В 1540–1547 годах вспыхнула новая война, по итогам которой вассалом Сулеймана стала румынская Трансильвания. Венгерские земли были фактически разделены на турецкую и австрийскую части.

Но и эта война с Австрией не стала последней. Османы вновь выступили против Габсбургов в 1551 году, в 1552-м осадили Эгерскую крепость. О ее героической обороне есть прекрасный венгерский фильм «Звезды Эгера». Талантливое произведение искусства передает средствами кино дух сопротивления османскому нашествию, который жил в Центральной Европе. И для христиан-европейцев было совершенно безразлично, какой именно султан направляет силы османов в сердце Европы. Сулейман был Великолепным лишь в глазах своих подданных на Востоке.

До последнего дня своей жизни Сулейман оставался воителем. В промежутках же между военными кампаниями он вел пышную дворцовую жизнь, поощрял искусство. Сам султан писал стихи, приближал к себе поэтов. Его любимцем был Абдул Баки, которого называли в Турции «султаном» турецких поэтов. При дворе Сулеймана был и знаменитый зодчий Синан. Он построил три великие мечети, которые считаются шедеврами мировой архитектуры: Селимие, Шахзаде («заде» означает по-персидски «рожденный», «шах-заде» — сын шаха, принц) и Сулеймание.

Сулейман пытался провести и административную реформу, но она оказалась неудачной. Вообще постоянные завоевания не способствовали успехам в управлении: каждое новое приращение земель прибавляло империи и проблем.

Когда султан был в походах, управлением занимался визирь Ибрагим-паша. Он погиб от интриг любимой жены своего господина. Роксолана, которая, вероятно, была дочерью священнослужителя, католика или православного, провела в гареме практически всю свою жизнь и стала мастерицей по части интриг. Она хотела, чтобы престол достался ее сыну Селиму, и ради этого шла на все. Она добилась казни не только великого визиря, но и старшего сына Сулеймана, Мустафы.

Рожденный другой любимой женой Сулеймана, Мустафа был официальным наследником. С юности он отличался деспотизмом и жестокостью и стал бы, видимо, вполне традиционным

восточным правителем.

Роксолана устроила так, чтобы были изготовлены подложные письма от Мустафы, который якобы писал иранскому шаху и готовил заговор против отца. Поверив в предательство, султан приказал убить сына.

Сулейман умер в Венгрии во время очередного завоевательного похода. Ему было уже за 70. Тело было доставлено в Турцию с великой пышностью.

Сын Роксоланы, Селим, вошел в историю под именем Селим II Пьяница. Мусульманин-пьяница — просто невероятное сочетание! Может быть, Роксолана дала ему не вполне правоверное исламское воспитание. Был он еще и поэтом, что сочетается с пьянством гораздо чаще.

Под властью Селима II Османская империя начала терпеть военные поражения. Главное — в 1571 году, в морском сражении при Лепанто. В этой битве Испания, Венеция, Мальта, Генуя, Савойя в союзе нанесли первый сокрушительный удар по османскому движению на запад. До этого ни одна победа европейцев над турками не выглядела столь убедительной. Теперь же был развеян миф о непобедимости Османской империи.

Сулейман Великолепный не увидел заката своего государства. Его правление, с человеческой точки зрения, можно назвать счастливым. Он создал османский золотой век. Но этим были заложены и основы трагедии. Очень долго потом значительная часть турецкого общества стремилась к тому, чтобы все оставалось как при Сулеймане. Но попытка остановить историю — это смерть.

Тоётоми Хидэёси. Из крестьян в самураи

Кто такой Тоётоми Хидэёси? Человек, живший в XVI столетии, с 1537 по 1598 год. Современник Ивана Грозного, который был старше его всего на семь лет, а умер существенно раньше. В отличие от своего знаменитого российского современника, Хидэёси происходил из низов. Но добился, как и русский царь Грозный, огромной власти в своей стране.

Японские острова, боже мой, как это далеко! Просто другой мир. Много в обычаях живущего там народа очень непривычно для Европы. Тем не менее, взглядевшись, понимаешь, что борьба за власть одинакова повсюду. Во многом похожи и люди, рвущиеся к власти, как бы далеко друг от друга они ни находились.

Выйдя из крестьянской среды, Хидэёси достиг самой высокой власти, которую можно было тогда вообразить. Император не в счет: для средневековых японцев он бог и сын неба. Он даже не правит — он вечный символ. А Хидэёси идет к реальной власти. Он стал единственным в японской истории крестьянином, занявшим должность дадзедайдзина — великого министра. Он добился невозможного!

Был Хидэёси и регентом. И мечтал о мировом господстве. На этом основании современные гиды, показывая его невиданный дворец в городе Осака, говорят: «Это был наш, японский, Наполеон Бонапарт». Мечта о мировом господстве — это единственное, что дает основание для такого сопоставления. Да и «мир» виделся японскому политику XVI века и европейскому завоевателю века XIX абсолютно по-разному. Для японца эпохи Средневековья «мировое господство» значило покорить Китай, Корею и, может быть, Индию. «Мир» на этом заканчивался.

Впрочем, и такого «мирового господства» Хидэёси не достиг. Зато по его воле было сделано очень много для объединения разобщенной феодальной Японии. Как все претендующие на славу великого правителя, Хидэёси провел важные реформы. Благодаря этому его глубоко почитают в современной Японии. Правда, так было не всегда.

Что же это была за страна — Япония XVI столетия? Она находилась на самом краю света — и это не вполне метафора. На ней кончался физически достижимый мир. В XIII веке о ней слышал совершенно фантастические рассказы великий путешественник Марко Поло, долго живший при китайском дворе. Марко Поло записал, что в Японии вдоль побережья стоят дома под золотыми крышами. Эти рассказы не имели ничего

общего с реальностью. Но почему вокруг Японии возникали такие удивительные легенды? Чтобы понять это, надо заглянуть в глубины японской истории. Происхождение страны действительно было особенным.

Некоторые исследователи считают, что первоначальное население Японских островов пришло из Юго-Восточной Азии, с существовавшего некогда материка Сунда (район современной Индонезии), который поглотил Мировой океан. Часть населения погибавшего материка направилась на юго-восток, в Австралию. Другая часть — на северо-восток, на Японские острова. Некоторые специалисты настаивают, что этнически австралийские аборигены и исконные жители Японии — айны — очень похожи: у них мягковолнистые волосы и вообще вовсе не классическая азиатская внешность. Со временем айны были вытеснены со своих земель, почти уничтожены, сейчас сохраняются лишь небольшие резервации на севере острова Хоккайдо.

На рубеже новой эры появились и другие переселенцы с континента. Не вызывает сомнений, что какая-то их часть пришла из Южного Китая, возможно через Корейский полуостров. Особая цепкость тех, кто заселял Японию, отчаянная борьба за каждый клочок земли были связаны не только с тем, что острова не очень большие, но и с тем, что уйти с них по тогдашним меркам было уже некуда. Психология оказавшихся на краю мира кое-что объясняет в японской истории.

В Японии было долгое Средневековье. При всей азиатской экзотике эта феодальная цивилизация в принципиальных моментах похожа на средневековую европейскую. То же землевладение, те же крестьяне, сидящие на земле и попадающие в разные формы зависимости, та же борьба феодалов — только масштаб земельных владений поменьше. Становление японского Средневековья приходится на VII–IX века, расцвет — на X–XIV. Примерно так же, как в Западной Европе.

Зенит Средневековья — это высшая точка развития замкнутой аграрной инфраструктуры, жестко структурированной элиты, начало стремительного развития городов, политическая разобщенность — и бешеная борьба за то, кому удастся ее преодолеть.

Полного совпадения цивилизаций Востока и Запада быть, безусловно, не может. Например, в средневековой Японии крестьянин, который был тесно связан со своим земельным наделом, должен был отдавать две трети урожая в пользу государства и властителя. Это очень много. Причем все подати измерялись в коку. Коку — это объем риса, достаточный для

содержания одного воина в течение года. Примерно 180 килограммов.

Тоётоми Хидэёси появился на свет в момент, когда политическая разобщенность достигла уровня хаоса. Все крупные землевладельцы воевали со всеми. Позади была эпоха ранних сёгунатов. Сёгун — это военный правитель, который управляет страной, формально получив от императора такие полномочия. Император остается чисто символической фигурой. Но через определенное время и сёгуны оказались безвластны. Было неясно, кто теперь получит реальную власть.

Хидэёси родился в 1536 или 1537 году в деревне Накамуру провинции Овари. Сейчас эта бывшая деревня входит в состав города Нагоя. Семья была, скорее всего, крестьянская, хотя не исключено, что отец — Киносита Яэмон был слугой или даже мелким самураем. Он как солдат участвовал в междоусобных войнах, был ранен в ногу, вернулся в деревню и снова стал крестьянствовать.

Мать — Нака, из соседней деревни. Позже, по мере того как Тоётоми Хидэёси продвигался к власти, был создан миф о том, что она имела знатное происхождение. Объясняли это тем, что в деревне жили знатные люди, сосланные туда за провинности. А Нака служила у каких-то знатных и богатых людей. Но все это было выдуманно, чтобы облагородить происхождение ее великого сына.

В средневековой Японии был обычай несколько раз менять имена в течение жизни. Так что при рождении мальчик был назван просто Хиеси. После совершеннолетия юношу стали называть Киносито Токини. В 26 лет он женился и взял имя Хидэёси, которое осталось при нем. А Тоётоми — это аристократическая фамилия, которую он через много лет получил от императора, приближаясь к вершинам власти. Тоётоми Хидэёси — так он именовался в последние 12–13 лет своей жизни.

А пока — голодное детство. Когда Хиеси было восемь лет, умер его отец. Мать вышла, замуж второй раз. Всего в семье было четверо детей — двое от первого брака, двое — от второго. Отчим крайне неприязненно, видимо даже с ненавистью, относился к старшему мальчику. Мало того, что это неродной сын, лишний рот при малом достатке. Есть еще один, для Средневековья очень понятный резон. Хиеси внешне был удивительно нехорош. Как говорят современники, почти уродлив. И при этом подвижный, шустрый. Отсюда его прозвище — Косару, Обезьянка. Всю дальнейшую жизнь друзья звали его ласково — Обезьянка, а враги — Черная Обезьяна, Злобная Обезьяна, Коронованная

Обезьяна.

Для средневекового человека отталкивающая внешность — отражение некоего промысла богов. Если человек не соответствовал строгим канонам красоты, считалось, что с ним что-то не так. И мать с отчимом отправили Хиеси в храм. Была в Японии такая традиция — хэраси, «сокращение ртов»: бедные семьи могли отдавать детей в храм, чтобы те не умерли с голоду. В храме им предстояло прислуживать и учиться основам грамоты. Как там жилось Хиеси — неизвестно. Но вряд ли очень уж хорошо.

В возрасте 15 лет он бежал оттуда, скитался, кормился случайными заработками. Рубил лес, пытался торговать по мелочам. Есть версия, что побывал в разбойниках. И на дороге случайно встретил своего первого благодетеля. Это был, условно говоря, самурай средней руки — Мацусита Кахэй.

Самурай — военное сословие, которое в то время только формируется, а потом станет закрытым, замкнутым именно по воле Тоётоми Хидэёси. Сам вырвавшись в самурай, он сделает так, чтобы другим это не удавалось. Но во времена его юности многие выходцы из крестьян, которые служили в войсках и научились военному искусству, могли стать самураями.

Мацусита сначала не понял, кто перед ним, ребенок или обезьяна. Темное лицо, смутные, необычайно подвижные черты. Но почему-то именно это странное существо он взял в свой дом.

Хиеси попал в мир самураев, или буси, что означает «воин». Дружины богатых феодалов вербовались из крестьян. К XVI веку у самураев, как и у западноевропейского рыцарства, выработался особый кодекс чести — неписанный, но строжайший — бусидо. Буквально это слово переводится как «путь самурая-воина». У самурая должны были быть три основные доблести: ти — мудрость, дзин — гуманность и ю — храбрость. Было и нечто отличавшее самураев от рыцарей — то, как они понимали готовность умереть за своего сюзерена. На Западе предполагалось — умереть в бою. В Японии же, если сюзерен трагически погиб, преданный самурай, его воин, должен покончить с собой. С этим связана знаменитая традиция сэппуку (другое название — харакири) — лишение себя жизни путем взрезания живота. Это целый торжественный ритуал. Приобщенность к нему отделяет самураев от простого народа. Условно считается, что искусство самообороны, которое разработали самурай, легло в основу дзюдо. Крестьяне тоже пытались создать собственную самозащиту. Их приемы стали базой для карате.

Покровитель Хиеси не был ни особенно богат, ни особенно знатен. В его доме юноша провел примерно три года. Там в 16 лет

он прошел обряд инициации, повзросления, когда молодому человеку выбривают голову или половину головы и дают взрослое имя. Получил ли тогда будущий Тоётоми Хидэёси и самурайский меч — неизвестно.

Почему он ушел от своего первого благодетеля? Мацусита прослышал, что в провинции, откуда происходил Хиеси, появились новые доспехи — не кожаные, а металлические, более прочные и ценные. Очень хотелось их получить! Поэтому юноше дали денег и отправили на его родину, в провинцию Овари. В средневековых источниках информация часто бывает не очень точной. Понятно одно: ни он сам, ни деньги не вернулись. Судя по всему, он купил доспехи, но не благодетелю, а себе. Правда, забегая вперед, можно сказать, что безнадежно неблагодарным в отношении Мацусита Тоётоми Хидэёси не был: достигнув высокой власти, он вознаградил первого благодетеля поместьем и землей. Но пока он присвоил деньги и не вернулся.

Почему? Стал искать более высокого покровителя. И нашел — в лице знаменитейшего человека того времени по имени Ода Нобунага. Это был объединитель Японии. Он 17 лет находился у власти и был фактически диктатором. Тоётоми Хидэёси оказался у него на службе до того, как тот поднялся на вершину власти и пережил это восхождение вместе с ним.

Всего Хидэёси провел при Нобунага 27 лет и выжил под его железной рукой. Ода отличался настоящей свирепостью. Известно, что однажды, когда у него в замке проводили ремонт, ему что-то не понравилось — ион лично снес мечом голову одному из работников.

Как же Хидэёси удалось выделиться при таком господине? Тем более на фоне блистательных полководцев, которыми был окружен Ода Нобунага.

Для них Хидэёси не более чем «гражданский выскочка». Зато, как ни удивительно, «носитель сандалий» (так называлась первая должность восемнадцатилетнего Хидэёси) оказался успешным хозяйственником.

В резиденции Ода, которую он очень ценил, начался ремонт обвалившихся укреплений. Шел он медленно и не очень успешно. И вот Нобунага поручил заняться этим Хидэёси. И тот за три дня так мобилизовал рабочих, что произошло чудо! Причем он сам лично во всем участвовал, поражая окружающих подвижностью и верткостью. Ода Нобунага умел ценить чудеса. Хидэёси был замечен. Может быть, даже именно за это он был пожалован в самураи, что, конечно, вызвало насмешки военных. Они не знали, как заблуждаются!

Проявил он себя и в строительстве военных укреплений. В

1566 году Ода, который все время с кем-нибудь воевал, поручил Тоётоми Хидэёси создать укрепление на болоте. Казалось бы, это вообще невозможно. Но он справился за ночь. Так он умел организовать людей. В итоге удалось провести успешный штурм вражеского замка. С тех пор многие относились к Хидэёси с уважением.

А он двигался дальше — и превратился в настоящего полководца. В 70-х годах XVI века в составе армии Ода Нобунага он участвовал в важных военных операциях, а в 1570 году, в походе против правителей северной провинции из рода Асакура, был оставлен прикрыть отступление. То есть на верную смерть. По самурайским понятиям было бы достойно умереть в этом арьергарде. Такое случалось, кстати, и в Западной Европе. Французский эпос донес до нас историю графа Роланда, точно так же защищавшего арьергард армии Карла Великого. Рыцарь Роланд красиво умер в последнем бою. А Тоётоми Хидэёси, к изумлению всех, не только защитил отступавшую армию Ода Нобунага, но и вернулся живым и невредимым.

С этого момента он был признан в самурайской среде. Никого больше не интересовало, что он начинал как носитель сандалий и, говоря современным языком, хозяйственник. Став полководцем, Хидэёси приблизился к вершинам власти. Ибо в зените средневековой восточной инфраструктуры путь к высшей власти идет только через войну. Все сёгуны были военными предводителями.

В течение нескольких лет Тоётоми Хидэёси командовал военными отрядами. Он участвовал в одной из самых знаменитых битв того времени — сражении при Нагасино. Ода был жестокосердным человеком, но прогрессивным военным. Он модернизировал войско и, помимо традиционной конницы, создал отряд пехотинцев с аркебузами. Так ему удалось победить знаменитую конницу рода Такэда, которая считалась непобедимой, но отступила перед солдатами, вооруженными огнестрельным оружием.

Это было первое масштабное применение огнестрельного оружия. Оно несколько десятилетий назад было завезено в Японию португальцами, долго имевшими монопольное право на торговлю с японцами и прежде всего — на поставку вооружения. Но широко огнестрельное оружие не применялось. Чтобы было понятно, что произошло в битве при Нагасино, можно использовать историческую аналогию. Когда против лихой конницы Буденного и Ворошилова, казавшейся непобедимой в Гражданскую войну, идут танки, силы становятся просто несопоставимыми.

Ода Нобунага продемонстрировал истинное полководческое мастерство. Послушав иностранных военных советников, он грамотно расставил аркебузирова, продумал очередность стрельбы, чтобы, когда одни заняты перезарядкой, стреляли другие. Получился настоящий шквальный огонь. После этого сражения аркебуза начала вытеснять меч — главное оружие японского воина, символ не просто мужества и доблести, но и священной императорской власти.

Надо сказать, что и в Западной Европе распространение огнестрельного оружия ознаменовало закат эпохи рыцарства. Пушки пробивали неприступные стены замков. Рыцарь, продающий свой меч, сделался не нужен — и сословие угасло. Различия между Востоком и Западом порой не так велики, как кажется на первый взгляд.

Что же происходило в жизни Тоётоми Хидэёси? Будучи помощником главнокомандующего, он однажды не согласился с военной операцией, которую разрабатывал штаб. К мнению Хидэёси не прислушались, решение было принято, приказ есть приказ. Но этот независимый человек совершил дикий поступок — он покинул штаб. Просто ушел. Строго говоря, это было дезертирство.

Операция, как и предсказывал Хидэёси, оказалась неудачной. Но дезертира в любом случае ожидала смерть. Если бы не мудрый Ода, которому уже не так много оставалось жить на свете... Он решил не казнить виновного, сказав: «Он пригодится». И ограничился, так сказать, «дисциплинарным взысканием».

В 1582 году, во время войны против рода Мори — закоренелых врагов Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси приказано было взять неприступный замок Такамацу. В Средние века существовало понятие неприступной крепости. Таков был, например, французский монастырь Монт-Сен-Мишель в Нормандии, который за 25 лет английской оккупации во второй половине Столетней войны так и не был взят англичанами.

Чтобы справиться с поставленной задачей, Тоётоми Хидэёси сделал ставку на инженерное творчество. Он приказал разрушить дамбы вокруг крепости. Многочисленные реки изменили русло — и замок превратился в остров. Он оказался отрезан от всех коммуникаций. Понятно было, что он вот-вот падет. И именно в этот момент пришло известие о гибели великого Ода Нобунага. Он вынужден был совершить сэппуку, став жертвой жестокого предательства. Предателем стал Акэти Мицухидэ — военный, равный по рангу Тоётоми Хидэёси. Все могло сложиться иначе.

Но уж если все произошло именно так, быстрый ум бывшего носителя сандалий сразу же определил линию поведения.

Тоётоми Хидэёси объявил себя мстителем за предательство и помчался в Киото.

Конечно, таких «мстителей» набралось немало. Главным соперником Хидэёси стал Токугава Иэясу — будущий сёгун. Важно было, кто первым прибудет в столицу. И оба гнали своих солдат. Тем временем изменник получил аудиенцию у императора и объявил себя сёгуном. Но на карту было поставлено буквально все, и Тоётоми Хидэёси не знал ни страха, ни усталости. За три дня его армия проделала несколько сотен километров. Такой скорости не развил ни один другой конкурирующий «мститель». По пути были засады, но юркому Хидэёси удалось и это преодолеть.

Достигнув Киото, Хидэёси пошел войной на Акэти Мицухидэ. Он посягнул на особу, которую признал император, разгромил врага и уничтожил. Потом схватился с еще одним претендентом — Сибата Кацуиз, победил и его. Ничто не могло остановить человека, так рвавшегося к власти.

В 1583 году Хидэёси писал о разгромленном сопернике: «Когда повсюду воцарилось безмолвие, Кацуиз убил свою жену, детей, прочих членов семьи, а потом вскрыл себе живот одновременно с восемьюдесятью из его вассалов. Он поднялся на девятый этаж своего донжона (имеется в виду башня в центре замка), откуда обратил несколько слов к тем, кто собрался внизу, и объявил о намерении покончить с собой, чтобы послужить примером грядущим поколениям. Его люди, потрясенные, промокали слезы рукавами одежд, надетых поверх доспехов». Почему эта леденящая кровь сцена описана с таким спокойствием? Надо помнить, что в средневековой Японии такое поведение было нормативным. Заметим: победитель подчеркивает, что его соперник ушел достойно.

Потом Тоётоми Хидэёси удалось сравить между собой сыновей покойного благодетеля Ода Нобунага и объявить наследником его трехлетнего внука. Сыновья были отправлены в монастырь, а внук — в замок Гифу. Как пишут специалисты по японской истории, «с тех пор его никто не видел».

Фактически у Хидэёси остался один потенциальный враг — Токугава Иэясу. Чувствуя, что одолеть его не удастся, Хидэёси с ним поладил. Они обменялись заложниками. Со стороны Тоётоми заложницей выступала его собственная мать. Он всегда говорил о том, как он ее обожает. Но и Токугава отправил в заложники родного сына. Так утвердилось устройство заложничества — санкин катэй, ставшая нормативным средством разрешения противоречий в Японии XVI века.

В силу своего крестьянского происхождения Тоётоми Хидэёси

не мог назваться сёгуном. Ему разрешалось бы это сделать, если бы он был усыновлен кем-то из потомков сёгунов. Такая практика существовала. Но никто из них на это не согласился.

Тогда Хидэёси нашел себе хорошую должность. Может быть, это решение даже показалось ему лучшим. В 1585 году он объявил себя регентом (кампаку) при символическом, безвластном императоре. Но и этого ему было мало! Он стал также дайдзедайdziном — главным министром. В 48 лет он получил наконец высшую власть. И удерживал ее в течение 13 лет.

В 1587 году, уже пробыв некоторое время у власти, Тоётоми Хидэёси решил всем продемонстрировать, кто он. Он пригласил к себе самого императора. Встреча должна была состояться в грандиозном дворце Дзюракудай в Киото.

Домашним у Тоётоми Хидэёси был другой замок — в Осаке, грандиозный, построенный из громадных плит, сопоставимых с теми, из которых сложены древнеегипетские пирамиды. Вся Япония таскала эти камни. Только в этой резиденции он чувствовал себя в безопасности. А дворец Дзюракудай был построен для изящества и красоты и заполнен прекрасными вещами, драгоценными произведениями искусства, многие из которых были привезены из Китая.

В предыдущие 150 лет императоры Японии, эти живые боги, не наносили визитов смертным людям. И вот Тоётоми Хидэёси, человек с непомерным честолюбием, добился визита безвластного императора по имени Гоедзэй. Торжества подробно описаны в источниках. Улицы Киото были заполнены народом, восторженно лицезревшим живое божество. Императора принесли во дворец Дзюракудай, где он провел несколько дней. Тоётоми Хидэёси делал ему ценные подарки — земли и дворцы. Не император подданному, а подданный императору! И они были приняты!

Но если императору-символу не приходилось особенно тревожиться за судьбу страны, то Тоётоми Хидэёси должен был выстраивать и внутреннюю, и внешнюю политику.

Во внутренних делах Хидэёси вновь проявил себя заботливым хозяйственником. Он обустроивал Японию. Это даже дало основание автору современного биографического исследования, французенке русского происхождения Даниэль Елисеефф, дать книге о Тоётоми Хидэёси несколько преувеличенный подзаголовок — «Создатель современной Японии».

Главное достижение регента — земельный кадастр. Земля закреплялась за основной массой крестьян. Но и крестьяне были закреплены за землей. При этом они отдавали землевладельцам две трети урожая. Тоётоми Хидэёси писал по этому поводу:

«Нужно, чтобы кадастр был составлен повсюду с большой тщательностью. Если его составляли без тщательности, это надо рассматривать как преступление». А значит — взять в заложники жен и детей виновных. Это, по словам Хидэёси, «мера хорошая».

Кроме того, на крестьян были возложены обязанности, которые в Европе и в России называли гужевыми повинностями. Эти правила предусматривали, на какое расстояние крестьяне должны доставлять товары в города. И эти расстояния Тоётоми Хидэёси все время увеличивал.

Из-за огромных поборов и тяжелых гужевых повинностей в стране начались крестьянские выступления, страшные, как и все бунты Средневековья. Но и подавление было жестоким. Тоётоми Хидэёси приписал: «Если же кто-то смеет противиться, то если это владелец крепости, его надо блокировать в этой крепости и убить всех, не щадя никого. Если это крестьяне из самых презренных, их надо убить всех».

Ради наведения порядка Тоётоми Хидэёси приказал провести перепись населения и закрепить сословные границы, прекратить свободный переход из сословия в сословие. Теперь для других стало недоступно то, что удалось ему самому.

Все эти серьезные реформы были направлены на то, чтобы прекратить прежний политический и экономический хаос. Забирая у крестьян две трети урожая, Тоётоми Хидэёси обеспечивал питание воинов, а значит, порядок.

Он хотел, чтобы порядок стал вечным. Для этого был издан его самый колоритный указ — «об изъятии мечей» у крестьян. Отныне они не должны были иметь никакого оружия. У крестьян отняли не только мечи. Им запрещалось иметь серпы, вилы, ножи. Все это хранилось на складе у деревенского старосты и выдавалось подконтрольно. Зато самураям разрешено было вместо одного меча носить два. Вот откуда знаменитый сюжет классического фильма «Семь самураев». Вот почему крестьянские общины вынуждены были нанимать воинов для своей защиты.

Изъятое оружие Тоётоми Хидэёси велел направить на создание гигантской статуи Будды. Переплавить металл на скобы для статуи! Он явно пытался осенить свой деспотический указ чем-то божественным.

Кстати, что значит «божественное» для Тоётоми Хидэёси? В Японии XVI века сосуществовало несколько конфессий. И по крайней мере с одной из них он решительно разошелся. Португальские миссионеры появились в Японии давно, и их деятельности никто не препятствовал. Тоётоми Хидэёси первый проявил нетерпимость в отношении христиан. По одной из версий, он увидел в христианской церкви опасного соперника в

борьбе за власть.

Вероятно, ему не нравилось и то, что европейские проповедники рассказывали о великих земных правителях. Для него европейцы были западными варварами. Как мог он смириться с тем, что они восславляли своих королей, в особенности Филиппа II Испанского. Хидэеси показали условную карту, отражавшую колоссальный масштаб владений Филиппа II.

Такое соперничество было невыносимо!

Могли быть и другие соображения. Некоторые исследователи упоминают даже об упорстве девушек-христианок, которые не желали идти к первому министру в наложницы. А у него, начинавшего сходить с ума от неограниченной власти, было уже немыслимое число наложниц, которых ему, по японской традиции, заботливо подбирала законная супруга. Вряд ли поведение каких-то девушек могло стать истинной причиной притеснения христиан. Но гонения действительно были.

Наконец, Тоётоми Хидээси, как и все тираны-централизаторы, был озабочен расширением территорий, над которыми властвовал. Самые удачные его шаги в этом направлении — завоевание островов Сикоку и Кюсю, к югу и юго-западу от главного японского острова Хонсю, где находилась его столица Киото. Покорять новые территории были посланы огромные армии, от 100 до 200 тысяч человек. Завоевание шло нелегко. На острове Кюсю, который был экономически и стратегически очень важен, вспыхнуло сопротивление, организованное влиятельным родом Симадзу. Сначала Хидээси попробовал вступить с противниками в переговоры, но получил такой ответ от главы рода: «Тоётоми Хидээси захватил императора. Приказы, которые отдаются от имени последнего, вовсе не обязательно выражают желание повелителя. Этот Тоётоми Хидээси, полагаясь на удачу, которая последнее время улыбалась ему, думает, что можно свысока говорить со мной. Так обезьянья морда полагает, что принудит меня к повиновению, оскорбляя меня! Что за жалкий наглец!» После этого ничего не оставалось, кроме войны.

Завоевания островов оказались успешными и совершенно вскружили Тоётоми Хидээси голову. Ему казалось, что теперь он может все. У него возникли планы мирового господства. То есть господства над Китаем, Кореей и, может быть, туманно известной Индией. Реальных размеров Китая Хидээси не представлял. Да и то время у Китая и не было строгих границ.

Для начала Тоётоми Хидээси решил завладеть Кореей, бывшей формально вассалом Китая. Он писал правителю Кореи Вану: «Расправив крылья, как дракон, я покорил Восток, устранил Запад». Так японский властитель расценивал покорение

сравнительно небольших островов Сикоку и Кюсю.

«Покорил юг и сокрушил север». Это означает — подавил сепаратизм феодалов. «Быстрый и грандиозный успех сопровождал мое возвышение, подобно восходящему солнцу осветив всю землю». Здесь он уже явно сравнивает себя с императором.

«Я соберу могучую армию и вторгнусь в великую Мин». Это Китай.

«Холод моих мечей заполнит все небо над четырьмястами провинциями».

Названное в тексте количество провинций условно. Оно означает просто, что их много. «Если я приступлю к исполнению этого замысла, то надеюсь, что Корея станет моим авангардом, пусть же преуспее в этом. Ибо моя дружба с вашей почтенной страной целиком зависит от того, как вы себя поведете, когда я направлю свою армию против Китая». Итак, он предложил Корее добровольно сдаться и стать его союзницей в борьбе против Китая. Этот политический расчет оказался глубоко неверным.

В жизни Тоётоми Хидэёси началась полоса неудач. Первый крах он потерпел в домашней, личной жизни. Как не подумать о том, что и японские боги наказывают за грех гордыни!

У Хидэёси не было сына-наследника. Его жена, видимо, была бесплодна. Конечно, при огромном гареме он имел бесчисленное количество детей. Рождались и мальчики. Но очень рано умирали. Наконец в 1589 году, когда Тоётоми Хидэёси было 52 года, его любимая юная наложница по имени Едогими, родственница Ода Нобунага, родила мальчика Цуругамацу.

Тоётоми Хидэёси лишился разума от радости. Он даже писал себе письма от имени сына-младенца. И отвечал на них. Эти письма сохранились. «Я получил Ваше письмо, оно меня очень порадовало. Я Вам отвечаю. Будьте хорошим мальчиком». Чистое безумие!

А в 1591 году, в возрасте двух лет, мальчик умер. Для Тоётоми Хидэёси это был внутренний крах. Только мировое господство могло компенсировать страшную потерю.

В 1592 году тысяча кораблей двинулась на завоевание Кореи, так и не изъявившей готовности перейти из вассальной зависимости от Китая к союзу с Японией. Для Кореи привычнее был большой и несколько вялый в тот период Китай, чем малознакомая воинственная Япония.

Сначала был успех. На первом этапе войны японцы захватили столицу Кореи Пхеньян. Они демонстрировали крайнюю жестокость. Японские завоеватели тщательно подсчитывали отрезанные уши и носы убитых корейцев. Их отправляли в

Японию для статистики. Доходило до сотен тысяч. О достоверности этих цифр судить нельзя. Но по сей день в Киото есть место, которое называется «Могила ушей».

Закономерно, что в Корее началось бешеное сопротивление. Нашелся очень талантливый флотоводец, адмирал Ли Сунсин. Пользуясь тем, что корейские корабли были лучше укреплены, он громил японцев на море. Фактически он утопил японский флот.

Чтобы избавиться от опасного противника, японцы путем подкупа и шпионажа сумели скомпрометировать Ли Сунсина. Он чудом остался жив и был разжалован в рядовые. Правда, через некоторое время его вернули — и он одержал новые победы.

Тоётоми Хидэёси собирался лично отправиться в Корею, но так этого и не сделал. В 1595 году судьба подарила ему последнее утешение. Наложница Едогими опять родила сына, которого называли Хидэери. Казалось бы, рождение позднего долгожданного наследника должно было смягчить нрав тирана. Но нет — многие авторы свидетельствуют, что он, напротив, окончательно потерял человеческий облик. Ему было за 60, и он торопился создать условия для передачи власти единственному сыну. Это была вовсе не любовь к ребенку. Это была любовь к собственной власти.

До рождения Хидэери Тоётоми Хидэёси готовил в преемники своего племянника, сына сестры, Хидэцугу, которого для этого усыновил. Мальчик был официально объявлен наследником. Ради этого Хидэёси даже передал ему должность кампаку.

Но с появлением младенца племянник сделался помехой на его пути.

Несчастливого Хидэцугу обвинили во всем, что только можно было придумать: в разврате, шпионаже, приверженности христианству и даже садизме. И его принудили совершить сэппуку. Но и этого мало. Добившись самоубийства племянника, Тоётоми Хидэёси приказал зверски перебить всех близких ему людей, родственников и друзей, около 20 человек. Для этого были наняты бандиты с большой дороги. После этого дворец Дзюракудай, где Тоётоми Хидэёси когда-то принимал императора и где затем жил наследник, был полностью уничтожен.

Многие замечали в поведении Тоётоми Хидэёси признаки безумия. К тому же начались неудачи в войне с Кореей. Возвращенный к командованию Ли Сунсин вновь громил японцев на море. А на суше развернулась партизанская война, которая, по замечанию Л.Н. Толстого, не бывает неудачной. Это справедливо во все времена и для всех народов.

Для человека, мысленно приравнявшего себя к императору, военное поражение было невозможно. Тоётоми Хидэёси собрал

совет из приближенных людей, среди которых был и Токугава Иэясу, и взял с них клятвы в том, что они всегда будут верой и правдой служить его сыну Хидэери. Конечно, они поклялись. И конечно, потом они нарушили свои клятвы. Они глубоко ненавидели эту всевластную обезьяну и с нетерпением ждали ее ухода.

После смерти Тоётоми Хидэёси его сменил Токугава Иэясу. Династия Токугава закрепилась у власти в Японии на 264 года, до середины XIX века.

Хидэери на протяжении 20 лет жил в изоляции в Осаке. И хотя Токугава женил его на своей внучке, это не помешало жестоко покончить и с ним, и с внучкой, которая оказалась верной женой. Судьба наследников высшей власти часто бывает трагической. В Западной Европе принцы и принцессы — своего рода «династический товар». На Востоке — жертвы на заклатие.

Конечно, Тоётоми Хидэёси не мог этого предвидеть. Но предчувствие трагедии есть в прощальном стихотворении, которое он написал чуть ли не за несколько часов до кончины. В нем он упоминает Нанива — свой любимый замок в Осака:

Я пришел, как роса,

Я уйду, как роса.

Моя жизнь, мое творение в Нанива -

(это Осака. — Н.Б.)

Не более чем сновидение сновидения.

Какое позднее озарение!

Римский папа Урбан II. Гений одной речи

Урбан II — автор самой яркой речи в западноевропейской истории. Ее произнесение стало, вне всякого сомнения, его звездным часом. Но был ли это и звездный час человечества? О случившемся в далеком XI веке важно поразмышлять в наше время — эпоху пылких речей! Те, кто и сегодня готов призвать народные массы в некий «крестовый поход», должны помнить, как это может работать.

В Урбане II сочетались искренняя вера — неперенное качество средневекового человека, огромное властолюбие и глубокое заблуждение, которое он сам осознал слишком поздно.

Тот, кто известен нам как Урбан II, получил это имя только в 1088 году. А родился он недалеко от Парижа в 1042-м и в миру звался Эд (или Од о) де Шатийон де Лажери. Представитель знатного, хотя и не очень богатого французского рода из Шампани.

У Одо были два значимых учителя, причем во многом друг другу противоположных. Первый — будущий святой Бруно. К лику святых его причислили после смерти. А тогда это был высокообразованный человек, бывший ректор Реймского университета, ставший монахом. И не просто монахом — в течение шести лет он был отшельником.

В 1084 году Бруно основал во Франции монастырь под названием Великая Шартреза. Там в будущем родился орден картезианцев, отличавшийся максимальной строгостью устава. Он проповедовал полный уход от мира.

Кстати, и сейчас на Земле есть около 400 членов этого ордена.

Бруно был убежден в том, что высшая степень служения Богу — это отказ от всего земного. Конечно, для него не существовало такой ценности, как власть. В 1090 году Урбан II, уже став папой римским, призвал Бруно в Рим на должность своего советника. Учитель поначалу откликнулся, желая помочь ученику. Но очень скоро уехал прочь, трезво оценив те изменения, которые произошли в сознании Одо, те цели и задачи, которые тот теперь ставил перед собой. Все, чему стал служить Урбан II, было противоположно идее ухода от мира. Он делал успешную церковную карьеру.

Этот выбор, видимо, связан с тем, что Одо не был старшим сыном в семье и не унаследовал родовое поместье. Как правило, младших или физически слабых сыновей отдавали в духовную службу.

Сначала Одо стал каноником в Реймсе, что не так уж и мало. Каноник — это член капитула, то есть совета при епископе по управлению диоцезом (епархией). Если епископ умирал, капитул управлял до назначения нового.

Затем он стал архидьяконом, а в 1070 году, как будто забыв о карьере, удалился в монастырь Ключни. Одо было около 30 лет, и он принял зрелое решение совершенно в духе своего первого любимого учителя Бруно.

Ключни — один из самых знаменитых французских средневековых монастырей, Бенедиктинское аббатство в Бургундии. Монастырь прославился тем, что вокруг него во второй половине XI века сплотились люди, боровшиеся за очищение католической церкви от накопившихся многочисленных грехов. Незадолго до этого, в 1054 году, христианская церковь разделилась на два крыла: западное и восточное. Все были уверены, что скоро вновь произойдет объединение. Но под чьей эгидой, под чьей духовной властью?

Ключнийцы считали важным доказать, что католическая церковь — образец моральной чистоты. Они пламенно выступали за то, чтобы сделать уставы монастырей более строгими, восстановить аскетические нормы монастырской жизни на уровне VI века, то есть молодого христианства. Требовалось строго следить за соблюдением celibата (невозможности брака для служителей церкви), а также запретить симонию — позорное явление, продажу и покупку церковных должностей. Кроме того, ключнийцы были за полное подчинение монастырей папе римскому, а не светским правителям. В борьбе ключнийцев за церковные идеалы было много и искренне религиозного, и политически конъюнктурного, как в любом заметном духовном движении.

Находясь в Ключнийском монастыре, Одо де Шатийон сделал первый шаг навстречу своему второму учителю, антиподу будущего святого Бруно. В 1076 году вместе с группой единомышленников он отправился помогать папе Григорию VII (бывшему монаху Гильдебранду) — властолюбцу, честолюбцу и отчаянному политикану. Папа провозгласил себя сторонником ключнийских реформ, сделав их знаменем в борьбе за абсолютный приоритет Римской католической церкви.

Папа Григорий VII больше всего прославился документом 1073 года, который вошел в историю под названием «Папский диктат». Этот текст, состоящий из двадцати семи пунктов, провозглашает абсолютную папскую власть. Некоторые его положения просто изумляют. Например, в девятом пункте говорится: только папе все князья лобызуют ноги. Позднее этот

ригуал трансформировался в целование папской туфли. В соответствии с двенадцатым пунктом, папа может низлагать императоров. А в девятнадцатом утверждается: никто ему не судья. Интересен и двадцать седьмой пункт: папа может освобождать подданных от присяги плохим владыкам. Страшный документ, выразительный в своей неистовой теократичности.

Вполне закономерно, что Григорий VII столкнулся в непримиримом противоречии с германским императором Генрихом IV. Поводом стала борьба за назначение епископов. Возникла дискуссия о том, может ли светский правитель участвовать в этом назначении. Из «Папского диктата» ясно, что Григорий VII считал такое участие невозможным.

Развернулась борьба, принимавшая и словесные, и военные формы и ставшая стержнем политической жизни Западной Европы второй половины XI века. Генрих IV дважды объявлял Григория VII низложенным, а тот ухитрился два раза отлучать императора от церкви.

Самый яркий момент — 1077 год, когда папе удалось добиться полного покаяния императора. Григорий VII укрылся в замке Каносса в Тоскане. Генрих IV прибыл в одежде кающегося грешника и три дня — в январе, когда снежок кружил в воздухе, — босым, с непокрытой головой, каялся во дворе замка.

Казалось, папа победил. Но борьба еще долго шла с переменным успехом. Император собрался с силами, собрал сторонников — и объявил Григория VII низложенным. А поскольку главу католической церкви нельзя было просто так свергнуть, Генрих IV нашел своего папу, или антипапу, — Климента III. Его провозгласили параллельным папой немецкие епископы.

В этом клубке политических противоречий Одо де Шатийон де Ланжери (чтобы не путать с Одо де Шатийоном, его племянником, тоже церковным деятелем) занял свою позицию. Покинув Ключинский монастырь ради того, чтобы помочь папе в проведении реформ, он был замечен — с большой пользой для карьеры.

В 1078-м, вскоре после Каноссы, когда Григорий VII чувствовал себя победителем, он назначил Одо кардинал-епископом Остии — области рядом с Римом и в том же году — папским легатом в Германии и Франции, в центральных пунктах своей борьбы с императором. В Германии опасность представлял сам Генрих IV, а во Франции — рыцарство, самое знаменитое в Европе, претендовавшее на абсолютную непобедимость, отличавшееся буйным нравом и готовностью драться.

Одо де Шатийон де Ланжери стал ближайшим советником

папы, фактически — министром иностранных дел. Он разъезжал по Европе, возил тайные послания папы, который стал для него вторым главным учителем. О, как же не похож был этот человек на аскетичного Бруно! Секретарь Григория VII записал в дневнике: «Он любил меня, как Нерон, и гладил орлиными когтями».

В 1080 году император Генрих IV собрал консилий, снова сверг Григория VII и провозгласил папой Климента III. Тот занял папский престол в Риме, а Григорий VII бежал. Одо де Шатийон де Ланжери был арестован, но сравнительно быстро выпущен из тюрьмы.

Он покинул Рим и в 1085 году организовал в Германии, в Кведлинбурге, собор немецких епископов — сторонников церковных реформ. И они предали проклятию антипапу Климента III.

В том же году на Юге Италии умер Григорий VII. Перед этим он призвал на помощь норманнов — правителей Сицилии и Южной Италии, которые они, потомки викингов, завоевали еще в начале XI века. «Помогая» ему, они так бесчинствовали в Риме, что папа был в очередной раз изгнан.

Теперь у Одо не было влиятельного покровителя, зато остались страшные враги — император и охраняемый его войсками папа Климент III. Пришлось проявить терпение и даже, так сказать, «переждать» еще одного папу — Виктора III, который был на римском престоле с 1085 по 1087 год.

В 1088-м 46-летний Одо был избран папой, причем не в Риме, а в Германии, и не конклавом, а не очень большим собранием кардиналов, и это давало его врагам все основания говорить, что он не настоящий папа римский. Но у него был сильный характер и достаточно энергии, чтобы цепко держаться за власть.

Главной целью нового папы стало возвращение в Рим. Там по-прежнему находился «крепкий орешек» Климент III, который провел в политических борениях примерно 18 лет. Чтобы одолеть его, нужны были войска. Урбан II провел успешные переговоры с норманнами и через несколько месяцев после избрания вступил с ними в Рим. Три дня на улицах шла настоящая битва. Наконец, Урбан II торжественно вступил в собор Святого Петра.

Он пробыл в Риме недолго, меньше года. А в 1089 году отлучился на юг для очередных переговоров с норманнами — и Климент III снова водворился в Риме. Оставшись за стенами города, Урбан II в бессильной ярости посылал проклятия антипапе.

Нестабильной была не только церковная жизнь в Западной Европе. Этот регион представлял собой еще не вполне

сложившийся комплекс государств. В X веке в основном завершилось закрепощение крестьянства. Психологически это был очень сложный момент. Большая масса простых людей осознала свою зависимость. А ведь еще живы были воспоминания о свободной жизни предков. Несладко было и горожанам, бившимся с сеньорами за права самоуправления.

К тому же наступило время неурожаев — знаменитые «семь тощих лет» (1087–1094). Европа голодала. Начались эпидемии. Шли разговоры о скором конце света. В него глубоко и искренне верили. Некоторые отдавали монастырям все свои богатства, готовясь к Страшному суду.

Ужас и отчаяние усугублялись и тем, что в X веке в основном сложился принцип майората. Все имущество крупного землевладельца после его смерти доставалось старшему сыну. Эта система была создана, чтобы защитить крупные поместья от раздробления. Но она породила новую проблему. Что делать средним и младшим сыновьям, лишенным наследства? Пахать землю они все равно не пойдут — не то воспитание. Рыцарь — это человек с оружием. А человек с оружием, оставшийся без средств к существованию, превращается в разбойника. Рыцарский разбой на дорогах сделался одним из самых страшных бедствий эпохи.

И многие зывали к папе римскому, умоляя умиротворить Европу. В воздухе носилась тень некоего великого деяния во имя Господа. В XI веке стало больше паломничеств к святым местам. Нередко к Гробу Господню отправлялись знатные люди, совершившие преступления. Считалось, что на Святой Земле возможно Господне прощение даже за самые чудовищные злодеяния.

Заботясь о своей безопасности, паломники окружали себя воинами. Так зародились воинственные духовно-рыцарские ордена. Возникла идея вооруженного паломничества. Термина «Крестовые походы» еще не было.

Он возник лишь в XVII веке, в труде придворного историка Людовика XIV иезуита Луи Мэмбура, но замысел носился в воздухе.

Для этого исторического момента Урбан II с его немыслимой активностью и преданностью учению Григория VII оказался самой подходящей фигурой. Он понял, каким должно быть то великое деяние, которое возвысит католическую церковь, очистит ее от былых грехов, покажет ее мощь в соперничестве с православием, а заодно умиротворит Западную Европу.

Но сначала нужно было вернуть Рим и укрепить свое положение. Через шесть лет после избрания, в 1094 году, Урбан II водворился наконец в Латеранском дворце, подаренном

римскому епископу матерью императора Константина, великой императрицей Еленой, и бывшем начиная с IV века резиденцией римских пап.

Когда, наконец, борьба с антипапой перестала быть его главным занятием, Урбан II смог сосредоточиться на церковных реформах и предстоящем великом деянии.

В марте 1095 года папа проводил Церковный собор в Пьяченце. Туда прибыл посол императора Византии Алексея I Комнина с просьбой помочь Восточной Римской империи в борьбе против неверных. Настоящий подарок для Урбана! Он подхватил это предложение как драгоценное знамя. Кто мог тогда представить, что во время Четвертого крестового похода в начале XIII века крестоносцы разгромят Константинополь?

А пока Урбан II добился, чтобы Собор принял документ, разрешающий христианам воевать за веру. До этого церковь теоретически осуждала любое кровопролитие. И вот запрет был снят. Война против неверных признана богоугодной.

Мысль быстро обрела материальную силу. Так, по Западной Европе колесил некто Петр Пустынник, родом из Северной Франции, видимо, истово веровавший человек. Он побывал в Святой Земле, где молился вместе с патриархом Симоном. Петр привез папе римскому письмо от патриарха с просьбой о помощи и получил благословение. Босой, в рубище, с крестом в руке, верхом на ослике, Петр Пустынник странствовал по Европе и призывал христиан к очищению святых мест от неверных. Все созрело для начала Крестовых походов.

Следующий Собор Урбан II организовал в Клермоне — центре исторической области Овернь во Франции. С VIII века это было графство, входившее в герцогство Аквитания, фактически независимую, сепаратистски настроенную французскую область на юго-западе. Там было много гордого, независимого, жаждавшего подвигов рыцарства.

Ради великого дела уже не юный Урбан II покинул вожденный Латеранский дворец и перебрался через Альпы. Он широко оповестил знать, что хочет помочь восточным братьям-христианам. Папа объехал клюнийские монастыри, делясь планами возможной войны, совершил дипломатические визиты, в том числе в город Пюи, где встретился с епископом Адемаром Монтейским и попросил его быть духовным руководителем предстоящей священной войны, то есть возглавить ее персонально. Навестил он и графа Раймунда IV Тулузского в замке Сен-Жиль — знаменитом гнезде воинственного французского рыцарства. Здесь тоже было получено предварительное согласие возглавить священную войну. Сам

Урбан II не мог покидать Европу: Климент III сейчас же захватил бы папский престол.

Призыв к войне состоялся 26 ноября 1095 года. Именно тогда прозвучали самая знаменитая речь, навсегда прославившая Урбана II.

Речь была произнесена в чистом поле, на обширной равнине за чертой города. Для выступления папы был построен специальный помост. Слушать его собрались тысячи людей.

Текст сохранился в изложении пяти хронистов. Имена некоторых из них известны. Например, Фульк Шартрский лично присутствовал в Клермоне, а потом много лет служил в Иерусалиме после его захвата в 1099 году. Роберт Реймский, автор «Иерусалимской истории», тоже, видимо, сам слышал речь Урбана II. Записали речь и анонимные авторы. И все пять вариантов перекликаются в главном.

Сначала папа описал страдания христиан на Востоке. Это было сделано так убедительно, что над полем стояли громкие рыдания. Затем Урбан II перешел к практической части: «Земля, которую вы населяете, сжата повсюду морем и горами и поэтому сделалась тесной при вашей многочисленности. Богатствами же она не обильна и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, как псы алчущие, ведете войны, наносите смертельные раны. Пусть же теперь прекратится ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие Божье! Мир здесь, война — там! Идите к Гробу Святому, и Святая Церковь не оставит своим попечением ваших близких. Освободите Святую Землю из рук язычников и подчините ее себе».

Есть в папской речи и еще один поразительный момент. Описывая далекую Палестину, он говорит: «Земля та течет молоком и медом». Казалось бы, если зовешь на религиозный подвиг, какое имеет значение богатство Святой Земли? Но папа рисует образ доступного рая. В его сознании первый учитель Бруно давно попоран хитрым политиком Григорием VII. Все политически рассчитано. И отсюда заключительная фраза: «Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат».

Кто прежде всего услышал речь папы? Тот, кто был по-настоящему горестен и беден. Сам он потом многократно повторял, что имел в виду только бедствующих рыцарей! А приняли его слова близко к сердцу истинно бедные — крестьяне. И уже весной 1096 года рванулись в Крестовый поход — безоружными, не умеющими воевать. Урбан II пытался их остановить — бесполезно. Всем тем, кто выступает с пламенными речами, надо помнить, что остановить начавшееся движение

невозможно. А последствия бывают просто чудовищными.

Крестовые походы — это гибель сотен тысяч людей. В XX веке папа римский Иоанн Павел II, личность, достойная глубочайшего уважения, принес человечеству извинения за эти кровавые страницы европейской истории.

Конечно, крестоносное движение нельзя оценить однозначно. В нем участвовали и искренне веровавшие люди. Вот что писал в XIII веке знаменитый сочинитель, рыцарь Тибо Шампанский:

Будь милостив, Господь, к моей судьбе.

На недругов Твоих я рати двину.

Воззри: поднимаю меч в святой борьбе.

Все радости я для Тебя покину, -

Твоей призывной внемлю я трубе.

Мощь укрепи, Христос, в своем рабе.

Надежному тот служит господину,

Кто служит верой, правдою Тебе.

(Перевод С. Пинуса)

Но наряду с верой был и расчет, на который так ловко намекнул Урбан II.

Сам папа и после Клермонской речи продолжал мобилизовать рыцарей. Он объехал множество городов, прежде всего, Южной и Западной Франции и Германии, побывал в Лиможе, Пуатье, Анжере, Туре, Сенте, Бордо. Для городов, а особенно для небольших городков появление папы было колоссальным событием. Он освещал церкви. Произносил проповеди. Рассылал письма знати и правителям.

Бедняки, двинувшиеся в поход весной 1096 года, почти все погибли. Осенью в Святую Землю отправились рыцари. И только в 1099-м, после многих жертв, страданий, сражений, удач и неудач, крестоносцы взяли Иерусалим. Это произошло 15 июля.

А ровно через две недели, 29 июля 1099 года, папа Урбан II умер. Известие о взятии Иерусалима он получить не успел. Бог не дал ему этой награды за его немислимые усилия.

Любое массовое движение чем-то напоминает сходящую с гор лавину. Всегда есть много причин, по которым она вдруг обрушивается вниз. Но всегда есть и некий камешек, который сдвигает эту громаду. Таким камешком была Клермонская речь Урбана II.

Раннее Новое время

Лоренцо Великолепный. Блестящий правитель Флоренции

Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепный — правитель Флоренции, человек, прославивший ее в веках. А что мы знаем о нем? Хотя его пример мог бы послужить и к пользе нашего отечества. Римский папа, узнав о его смерти, сказал: «С уходом Лоренцо закончился мир во Флоренции».

Природа по-своему отозвалась на это событие: молния с такой силой ударила в купол церкви Санта Репарата, что обрушилась часть храма. И Никколо Макиавелли, человек строгого ума и не склонный к восторгам, младший современник Лоренцо, написал в своей «Истории Флоренции» (книга переведена на русский язык и прекрасно издана в серии «Памятники исторической мысли» в 1973 году): «Никогда еще не только Флоренция, но и вся Италия не теряла гражданина, столь прославленного своей мудростью и столь горестно оплакиваемого своим Отечеством».

И небо дало весьма явные знамения бедствия, вызвав всеобщее изумление и ужас».

И несмотря на такую всеобщую любовь, признание, славу, у Лоренцо всегда были враги. Против него составлялись заговоры, на его жизнь дважды покушались. Это был человек, который вызывал споры, хотя, думается, любая значительная личность не может быть однозначной. К Лоренцо это относится в полной мере. Но для того чтобы это понять, два слова о его времени.

В XV веке большая часть городов-государств Италии в какой-то мере играла в античность, в чем-то реально к ней возвращалась. Эта тяга к античности отразилась прежде всего в устройстве этих вольных городов. Так сложилось, что на протяжении всего Средневековья в Италии не было единого, тем более жесткого правления. Когда-то в советских учебниках истории это рассматривалось как бедствие. Ведь централизованная, мощная власть считалась — дай сегодня считается — высшим благом. Но при ней никогда не бывает такого духовного расцвета, такого взлета культуры, какое было в Италии во времена Античности и в эпоху Возрождения. Тут уж что-нибудь одно.

Трудно сказать почему, но Италия первой в Западной Европе почувствовала приближение Нового времени. Развитие того, что потом назовут капитализмом, здесь началось очень рано. В 1378 году во Флоренции произошел бунт черни — чесальщиков

шерсти, которые назывались чомпи. И бунт этот в высшей степени похож на первые выступления рабочего класса, которые произойдут в Европе много позднее. В городах-государствах Италии очень рано произошла дифференциация. Образовалась верхушка — богатая и уже по-своему знатная в городском масштабе, которую стали называть патрициатом. Медичи были финансистами и по праву принадлежали к ней. Сегодня их прозвали бы олигархами. Но ведь и олигархи бывают разные. Та эпоха породила особенных олигархов — банкиров, стремящихся к науке и искусству. Быть интеллектуалом, заботиться о распространении просвещения было среди них модно. По-хорошему модно то, что делали Медичи, то, что делал Лоренцо — открыл университет и библиотеку во Флоренции, школу — в Пизе.

Дед Лоренцо, Козимо Медичи, умер, когда Лоренцо было 16 лет; авторитет и уважение, каким пользовался во Флоренции Козимо, по наследству перешли не его сыну Пьеро, а внуку. Пьеро, как пишут многие историки, был умственно неполноценным, физически больным, в кое-каких изданиях встречается его прозвище — Подагрик. Ничтожный правитель, он не очень долго находился у власти.

После его смерти депутация самых богатых и уважаемых горожан приходит к молодому Лоренцо, ему тогда было 20 лет, и предлагает ему стать первым среди них — приором республики, первым гражданином Флоренции. Они просят его принять на себя ответственность за Флорентийскую республику, позаботиться о том, чтобы в городе-государстве процветали мир и благополучие. Он оправдал их надежды даже более, чем они могли ожидать.

Считается, что к началу своего правления Лоренцо уже имел прозвище Великолепный. Сохранилось даже предание, многое объясняющее в характере этого человека. Будучи подростком, Лоренцо получил в подарок от сицилийской родни лошадь. В ответ он преподнес им нечто более ценное и на вопрос, к чему такой дорогой подарок, отвечал: «На свете нет ничего более достойного, чем превосходить других в щедрости». Это станет девизом всей его жизни. Он не скупился в средствах, поддерживая искусство, науки.

И заражал всех своим личным примером.

Микеланджело, создавая гробницу Медичи, передал ощущение силы и величия Лоренцо, не прибегая, как подчеркивают специалисты, к портретному сходству. Лоренцо был внешне не особенно привлекателен и лишен обаяния. Для любого другого это могло стать причиной серьезного психологического дискомфорта. Но только не для Лоренцо. В

меру религиозный, он был отличный семьянин (что, однако, не мешало ему увлекаться привлекательными молодыми женщинами), с удовольствием проводил время со своими детьми.

Такой облик правителя как нельзя лучше соответствовал ожиданиям формирующейся буржуазии. С детства Лоренцо страстно увлекался древнегреческим, латынью. В юности его настольной книгой была «Божественная комедия» Данте. Он восхищается Петраркой, подражает ему и поклоняется философии Платона.

Лоренцо говорил, что прибавил к баснословному состоянию деда 660 тысяч золотых флоринов. Однако существует другая версия, правда недоказанная, что на самом деле он много потратил и, может быть, даже почти разорился. Жизнь его гладкой назвать никак нельзя. Не успел он стать первым гражданином республики, как столкнулся с заговором. На глазах Лоренцо был зарезан его собственный брат. Случилось это страшное событие в 1478 году. И за ним стоял папа римский Сикст IV.

Надо сказать, что роль пап в это время в Италии была достаточно мрачной. Получив когда-то в VIII веке от Капетингов государство в центре Италии, они его расширяли, укрепляли, удаляя соперников и стремясь к единовластию. Естественно, в Лоренцо папа Сикст IV увидел конкурента и решил задавить его экономически, прекратив ведение своих финансовых дел в банке Медичи и передав все дела конкурентам Медичи в финансовой области, неким Пацци. Те же в ответ обязались убить Лоренцо.

Местом убийства Лоренцо и его брата Джулиано была избрана церковь. Заговорщики пришли туда с оружием. Знаком к убийству должно было быть причастие. Джулиано убили наповал ударом кинжала в горло. Лоренцо, раненный в плечо, по описаниям свидетелей, не растерялся. На рану он намотал плащ, сделал что-то вроде щита, а здоровой рукой схватил меч и начал обороняться. Тут подоспели друзья, которые его плотно окружили, втолкнули в какое-то внутреннее помещение в церкви и закрыли медную дверь изнутри на засов. Боясь, что кинжал, которым был нанесен удар, отравлен, друзья высосали кровь из его раны и донесли его до дома тесными переулками. Но в это время в город вступили две тысячи наемников, которых наняли Пацци. Казалось бы, страшная резня и гибель Медичи были неминуемы. Но народ, тот самый народ, угнетаемый, темный, переменчивый в своих привязанностях, здесь сказал свое слово. Горожане растерзали большую часть заговорщиков и вступили в бой с наемниками. Те, не ожидая серьезного сопротивления, бежали, и власть Медичи была сохранена.

Итак, Лоренцо чуть не погиб. Один из заговорщиков с несколькими приближенными бежал. И добрался не куда-нибудь, а в Константинополь ко двору султана Магомета II, будучи уверен, что уж там-то скроется. Но у Магомета II к этому моменту были хорошие отношения с Лоренцо: они подписали взаимовыгодный договор, облегчавший торговлю между Флоренцией и Александрией. Султан решил выдать злоумышленника. В цепях его доставили к Лоренцо. Расправа была жестокой: убийца и наемники Пацци были повешены. Но жестокость эту понять можно. На глазах Лоренцо зарезали его любимого брата, он сам чудом уцелел. Лоренцо дожил до 1492 года и многое еще успел сделать для процветания своей родной Флоренции, но папа предал его анафеме...

За что? Не «за что», а «отчего» — от злости. Как пишут многие современники, папа почти сошел с ума от неудачи. В союзе с королем Неаполитанским он объявил войну Флоренции. Все складывалось плохо для Флоренции, ее союзники — осторожные венецианцы не торопились с военной помощью. И тут Лоренцо совершил поступок совершенно поразительный, недооцененный, кстати, современниками. В одиночку он отправился в стан врага — в Неаполь, к королю Фердинанду, чтобы уговорить его заключить мир. Он отправился тайно, никому ничего не говоря, потому что ни друзья, ни окружение его бы непустили. Отправился, чтобы стать добровольным заложником. Три месяца Лоренцо пробыл во вражеском Неаполе, рискуя жизнью каждую минуту. Поразительно, но ему удалось найти аргументы и уговорить короля заключить мир. Редкий мир, заключенный в результате уговоров! Его возвращение во Флоренцию было триумфальным. Полициано, великий поэт и лучший друг Лоренцо, не смог пробиться сквозь толпу, чтобы обнять его. По поводу дипломатического триумфа он разразился стихами. Толпа неистовствовала, ликовала, торжествовала. В эту минуту она обожала своего правителя.

Но очень скоро все было забыто. Неблагодарная забывчивость, увы, свойственна людям. В 1481 году на него было совершено еще одно покушение. Однако друзья были бдительны — они все время рядом и все время при оружии.

Чем же запомнилось его правление? Для народа это была бесконечная череда праздников. А что же для интеллектуальной верхушки? Это время кватроченто, вершина кватроченто, высшая точка в культуре Возрождения. В это время во Флоренции при Лоренцо Медичи творили Гирландайо и Боттичелли. Юный Микеланджело, подросток, прожил во дворце правителя два года. Увидев талантливого юношу, Лоренцо ввел его в свой дом и свой

круг. Как писали о Лоренцо Медичи современники, каждого, кто отличался талантом и интеллектом, он делал своим домочадцем. И когда Лоренцо умирал в окружении своих родных, за дверью безутешно рыдал юный Микеланджело.

Лоренцо окружали интеллектуалы. Лидером их был Марсилио Фичино, очень видный гуманист, философ, мыслитель. В 1469 году в одном из своих трудов философ назвал Лоренцо Великолепным, Magnifico, и с этой приставкой он навсегда остался в истории. Лоренцо Медичи подарил ему виллу, где можно было спокойно работать. Многие поэты получали от него щедрое вспомоществование, благодаря которому и жили. Гениальному Полициано Лоренцо подарил виллу и в дарственной написал: «Для уединения и досуга».

Лоренцо жил в великолепном окружении и, как мог, опекал своих приближенных. Он восстановил Академию классических наук в Пизе, поддерживал Платоновскую академию и философов круга Фичино.

Страсть вернуть ту непревзойденную в интеллектуальном отношении эпоху, какой была Античность, временами охватывала Европу. Во времена Платона основной формой деятельности Академии были дружеские собрания-пиры-беседы, которые назывались исимпосионы, или симпозиумы, как мы сказали бы сегодня. Платон очень любил эту форму общения, в которой главным было пиршество духа, роскошь человеческого общения. Интеллект должен был кипеть, это была своеобразная религия интеллекта. Платон умер на одном из таких пиров в день своего рождения 7 ноября, в возрасте 81 года.

Интеллектуалы Флоренции чтили этот день рождения-смерти и всегда отмечали его. Они воспевали добродетель великолепия, которую понимали как готовность жертвовать крупные средства на общественные нужды, и превозносили тех, кто траты эти осуществлял. И так получалось, что вкладывать деньги в развитие города, в сооружение прекрасных построек, тратить их на приобретение картин и статуй, помогать художникам, мастерам, интеллектуалам было в ту эпоху делом чести, совести и достоинства. Так было в Античности, к этому стремились во времена итальянского Возрождения.

Возможно, получается слишком идиллическая картина. Лоренцо Великолепный живет в праздности в окружении друзей, занимается философскими рассуждениями и раздает заказы мастерам на создание произведений искусства. Чего стоит знаменитая гробница Медичи, настоящий шедевр! На самом деле все не так. Кстати, надгробия он не заказывал вообще, оно было создано существенно позже.

Он очень много сам писал, был хорошим поэтом. В трудах о литературном творчестве Лоренцо подчеркивается, что если бы не такая величайшая, ослепительная конкуренция его современников, знаменитой триады — Данте, Боккаччо и Петрарки, то, может быть, не затерялось бы его имя среди поэтов этого времени. В юности он увлекался элегическими любовными стихами, откровенно подражая Петрарке, но потом ушел от подражания и в результате оставил большое литературное наследие. Он написал несколько произведений, где пародируется куртуазная любовь. Предметом обожания и восхищения он избирает... пастуха и очень удачно, остроумно моделирует смешные ситуации, в которые он попадает. Тоскана, безусловно, была центром формирования из «вольгаре» национального языка, и Лоренцо как писатель внес свой вклад в этот процесс.

Интеллектуальные досуги, по мнению флорентийского правителя-философа, не есть праздность, а форма умственного напряжения. Он написал серьезный философский трактат «Сельва любви» о гармонии бытия — неба и земли, дня и ночи, весны и осени. Думаю, Микеланджело читал это произведение. И может быть, его аллегорические фигуры в знаменитой гробнице Медичи, потрясаящие своей глубиной и символикой, навеяны трактатом Лоренцо.

Вместе с тем Лоренцо умел управлять, править. Многие исследователи считают, что он держал Флоренцию железной рукой. В годы его правления жалоб на налоговый гнет стало меньше. Но после смерти Лоренцо все рухнет, и рухнет очень быстро, через четыре года, практически мгновенно. И это значит, что многое в устройстве республики держалось на нем. Не желая нарушать обычай, он не вводил во флорентийский Сенат своих людей, зато смело создавал параллельные органы власти. При такой политической системе очень важна фигура самого принцепса. Без личности яркой, талантливой система просто не работает. Без изворотливости, гибкости Лоренцо, его дипломатического таланта, характера, склонного к компромиссам, не было бы, думаю, такого блистательного взлета Флоренции. Но когда эта личность уходит, случается трагедия.

Что осталось после Лоренцо? Еще его дедом, Козимо, во Флоренции была основана библиотека. Но наполнил ее колоссальным богатством именно Лоренцо Медичи (при нем она насчитывала более 10 тысяч томов). Он возрождал бесспорные ценности. Книги, знания, собранные в них, — ценность бесспорная. В Европе это была первая публичная библиотека. По масштабу и ценности собрания она сравнима со знаменитой Александрийской. Эта библиотека работает по сей день,

называется она Лауренциана.

Бесценная коллекция искусства, принадлежащая ему и его семье, стали основой выдающейся галереи Уффици. Школа в Пизе благодаря его финансовой помощи превратилась в университет. Это был первый научный центр в Европе, где изучали древнегреческий. У себя во Флоренции он основал университет, в котором собралось множество интеллектуалов, бежавших из Константинополя, ибо в 1453 году столица Византии была захвачена турками. Многим из беглецов он дал работу и возможность преподавать.

Ярчайшая вспышка кватроченто была по всей Италии. Но нигде искусство не находилось под таким заботливым покровительством, как во Флоренции. Лоренцо и в этом следует античному образцу. Человека, которому подражал Лоренцо, звали Меценат. Это был один из друзей Октавиана Августа, принцепса Сената в Древнем Риме, человек, прославивший себя тем, что вкладывал деньги в культуру и помогал людям искусства. Лоренцо, подражая ему, уделял искусству и культуре больше внимания, чем укреплению флорентийского флота, в чем некоторые историки упрекают его и по сей день. Зато в трудах о Флоренции того времени можно найти и такую формулировку: «Не сенатория и не Медичи правили Флоренцией в эти годы. Ею правила культура». Метафора, но она очень точно передает дух того времени. Важно помнить о таких людях и продолжать их великое дело, хорошо понимая, что культура — такая хрупкая вещь, которая разрушается первой в любые революционные, военные эпохи, а восстанавливается с огромным трудом, да и то не всегда.

Очень скоро настанет тяжелое время, и на смену просвещенному, щедрому меценату Лоренцо придет мрачнейшая, страшная фигура Савонаролы. Этот безумец овладеет умами людей и захочет вместо цветка, каким была Флоренция времен Лоренцо, сделать из нее строжайший монастырь. Запереть лучшие умы в нем, уничтожить многие произведения этой эпохи и — самое страшное — заставить художников (и даже постаревшего Боттичелли) в этом участвовать.

Отзыв Макиавелли о Лоренцо нам уже известен. Макиавелли был свидетелем деяний и Савонаролы, и Лоренцо. Он наблюдал за правлением безумного фанатика, которого к власти привела чернь, был свидетелем нескончаемых казней. Он видел и Медичи, которые тратили большие деньги на процветание культуры, науки, образования. Но как только черни не хватает чуть-чуть хлеба или зрелищ, она забывает все былые заслуги своего правителя и приводит к власти кого угодно. Поэтому, кажется,

что для понимания Макиавелли важна платоновская мысль о том, что идеальную форму правления можно представить, воплотить же ее, видимо, невозможно. Но надо делать все возможное, чтобы к ней хоть маленькими шажками приближаться.

Игнатий Лойола. Генерал ордена Иисуса

Игнатий Лойола — фигура почти фантастическая. Вокруг него, как вокруг всех ярких людей, созданы многочисленные мифы. Причем совершенно невозможно однозначно оценить эту личность. Но плохо ли это?

Официально он святой, канонизирован в 1622 году. Спаситель истинной веры, создатель отряда «папских янычар». А в некоторых советских книгах по истории ордена иезуитов он представлен как «исчадьё феодальнокатолической реакции».

Он действительно создатель Общества Иисуса, будущего ордена иезуитов. Но он и воин, герой обороны Памплоны, города в испанской Наварре, осажденного французскими войсками. Он же кавалер, любимец дам — и калека, который прошел пешком, хотя у него плохо двигалась одна нога, из Испании в Париж. А еще он визионер, который вводил себя в транс и слышал голоса святых. Мифология доходит до того, что Лойола якобы властвовал над ветром и дождем, болезнями и смертью.

Нельзя ставить знак равенства между Игнатием Лойолой и орденом иезуитов. Сам он вообще свое создание духовно-рыцарского ордена не считал заслугой. Да и дальнейшая судьба этой организации значительно изменила ее характер. С течением времени иезуиты стали все больше заниматься просветительской деятельностью. Их школы и колледжи есть по всему свету, в том числе и в нашей стране. Многие оценивают их педагогическую систему весьма высоко. Но у истоков движения стоял, безусловно, Игнатий Лойола.

Он родился в 1491 году в замке Лойола на севере Испании, в провинции басков. Его имя — Иниго Лопес де Лойола. Происходил он из очень знатного, но обедневшего рода, типичного для Испании этого времени, и был тринадцатым из четырнадцати детей в семье. Следовательно, он не мог рассчитывать ни на какое наследство.

С его детством связано много мифов. Якобы мать предвидела рождение необычного ребенка, Божьего любимца, и сознательно родила его в хлеву, как Мария Иисуса. И якобы, будучи грудным, он лично потребовал, чтобы его назвали Игнатием, от латинского «игнатус» — «простой, скромный».

Есть замечательная статья нашего соотечественника, эмигранта, культуролога П.М. Бицилли «Лойола и Дон Кихот». Он пишет: «Дон Кихот и Игнатий Лойола взаимно дополняют и поясняют друг друга». Что между ними общего? Юношеское увлечение рыцарскими романами, свойственное сословию дворян.

Опыт неудачных благодеяний. Например, известно, что в Монсеррате Лойола отдал нищему свою богатую рыцарскую одежду — и вскоре того арестовали по подозрению в краже. Именно так неловко часто получалось и у Дон Кихота.

Их сближает и переход от подвигов описанных к реальным. Лойола много читал о рыцарях (насто́льная книга — рыцарский роман «Амадис Галльский») — и стал рыцарем.

А позже он был вдохновлен образами святого Доминика и святого Франциска. То есть у обоих — реального человека Игнатия Лойолы и литературного персонажа Дон Кихота — было стремление принимать написанное как истину и подражать ему.

Правда, если Лойола и Дон Кихот, то без великой природной доброты. Их роднят именно черты социального поведения. А это диктовалось свойствами времени.

Будучи весьма знатного происхождения, Лойола юношей начал службу при дворе. Его первая должность — паж, что очень характерно для отпрысков дворянских семейств. Он был в свите католичейшего короля Фердинанда Арагонского, супруга Изабеллы Кастильской (их брак объединил Испанию).

И даму сердца Лойола, в рыцарских традициях, старался избирать из числа принцесс. Он рано почувствовал себя кем-то значительным. Но будущего своего поприща, пока совершенно не представлял.

В молодые годы он был судим в Наварре за некие весьма серьезные преступления. Это может быть и соблазнение замужней дамы, и даже смертоубийство. Таково рыцарское поведение XVI века.

В 1521 году Лойола, уже зрелый человек, — руководитель защиты Памплоны, столицы Наварры, от войска французского короля Франциска I во время франко-испанских пограничных войн. Там, держа на себе всю оборону, он доказал, что умеет воевать и командовать. Но силы были не равны, испанцы обречены на неудачу. Лойола получил тяжелейшее ранение. Ядро разрушило стену, и он попал под обломки. У него были раздроблены обе ноги. Французы, у которых он оказался в плену, за отвагу отпустили его без выкупа: они тоже рыцари.

Он был с почетом отправлен домой, где перенес тяжелейшие операции (надо помнить, каков уровень медицины XVI века). Одна нога срослась совершенно неправильно. И он приказал вновь ее сломать. Это была его воля. Нога все равно срослась очень плохо, вроде бы даже часть кости торчала из колена. После операций Лойоле пришлось год лежать, страдая физически. По одной из версий, он просил принести ему рыцарские романы, но их не оказалось под рукой, и богобоязненная мать дала ему

жития святых. И вдруг это чтение его поглотило!

Лойоле было тогда 33 года — возраст Христа. И он абсолютно перестроил свою жизнь. Став инвалидом, он понял, что ни на военном, ни на придворном поприще уже не продвинется. И стал искать нечто иное. По крайней мере, его недоброжелатели подчеркивают именно эту, так сказать прагматическую, причину его преобразования. Наверное, она тоже имела некоторое значение, но не была единственной.

В 1522 году он решил сделаться рыцарем и воином Христа, Богоматери и святого Петра. В сущности, он остался верен себе, просто сменил поприще. Влияние духовной литературы плюс физические страдания плюс необычность его страстной натуры, которая ищет себе применение. Все это вместе дало такой эффект.

Лойола отправился в паломничество в монастырь Монсеррат, в сердце Каталонии, недалеко от Барселоны. Там сейчас хранится чудотворный образ Девы Марии — статуя, по преданию вырезанная из черного дерева лично евангелистом Лукой и принесенная в Испанию святым Петром. Очень необычное изображение: из-за цвета материала Богоматерь Монсерратская выглядит чернокожей. Эта фигура — объект величайшего почитания и в Средние века, и сегодня. Монастырь был основан в XI веке на высоте 725 метров над уровнем моря, на почти отвесном утесе. Сейчас там есть подъемники для туристов. Во времена Лойолы ничего подобного, разумеется, не было. И этот калека вскарабкался на гору!

Именно там Лойола принял окончательное решение служить единственной, высшей Даме сердца — Богоматери. Повесил под ее изображением свое оружие и всецело посвятил себя ей.

Неподалеку, в пещере, он написал свое знаменитое произведение «*Exeritia spiritualis*» — «Духовные упражнения», руководство по тому, как достигнуть духовного совершенства, приблизиться к божественным мыслям, услышать слово Божье. Эти упражнения чем-то напоминают распространенный сегодня аутотренинг. А один из исследователей назвал методику Лойолы «нравственным гипнозом».

Но этот новый рыцарь Девы Марии не ограничился самосовершенствованием. Он встал на путь создания воинствующей духовной организации. Чтобы найти причины этого решения, надо вспомнить, что это была эпоха мучительного, но блистательного шествия Реформации по Европе.

На протяжении тысячи лет католическая церковь имела почти абсолютную духовную монополию. После крушения Западной Римской империи церковь осталась единственным источником

просвещения и культуры. Собор был и школой, и консерваторией, и картинной галереей. Получая постоянные пожертвования от светских правителей, церковь богатели и приобретала власть. Она сделалась единственной властительницей дум и нравственным цензором, все больше и больше влияла на светскую жизнь, конфликтовала с королями и императорами. И вот на пороге Нового времени случился перелом.

Идеологи Реформации: Ян Гус, Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли — говорят, что между Богом и людьми не нужен такой мощный, богатый, пышный и властный посредник. Достаточно с искренней верой обратиться к Богу, и он тебя услышит.

А церковь — просто молебельный дом. Это точно соответствует Новому времени, с его расширяющимися горизонтами, с изменившейся экономической и более вольной духовной жизнью. В наступившую эпоху люди вернулись к мысли, что земля — шар, сделали великие открытия в естественных науках; изменилось искусство, перестав служить одной только божественной идее, художники начали черпать вдохновение в подражании античности.

Но после тысячелетнего владычества церковь не собиралась сдаваться. Для папства реформаторы — это кто-то вроде гуннов, против которых надо сомкнуть ряды и с кем следует воевать любыми средствами. Уже скоро, в 1545 году, состоится Тридентский собор, где будет принята программа противостояния духовным варварам. Усиливается существующая с XIII века инквизиция. Тридентский собор даст ей особые наставления. И искания Лойолы вписываются в эту ситуацию, соответствуют оборонительнонаступательной позиции церкви.

У Лойолы случались видения, он слышал голоса Богоматери, Иисуса, святого Петра. Они вдохновили его бороться за распространение истинной католической веры среди мусульман. В 1523 году он отправляется в Святую Землю, в Иерусалим.

Это был незаурядный паломник. Он не знал теологии, не владел латынью, не представлял себе, на каких языках говорят неверные, но утверждал, что лично общается с Христом и Девой Марией. Все это очень подозрительно, с точки зрения инквизиции. И церковь не принимает его, а отталкивает как еретика.

Обескураженный, он вернулся в Испанию и занялся изучением богословия. При этом обучал детей философии, толковал слово Божье.

Им заинтересовалась инквизиция. После как минимум двух арестов, когда ему каким-то образом удалось уцелеть, он понял,

что надо уходить из Испании, где инквизиция особо свирепствовала, и в 1528 году прибыл пешком в Париж.

Он вообще постоянно истязал свое тело во имя взлета духа: бичевался, совершал, страдая от боли в ногах, огромные пешие переходы. Правда, потом, когда с годами его здоровье сильно пошатнулось, он стал осуждать истязание тела и в ордене этого не насаждал. Говорил, что народу и церкви нужны крепкие, здоровые члены организации.

В Париже Лойола продолжил свое образование, поступил в Коллегию по изучению латыни. В возрасте 37 лет с невероятным трудом добился звания магистра теологии.

Рядом с ним собрался небольшой кружок друзей, последователей. Появились и те, кто готов был на их служение дать какие-то средства.

Сегодня таких людей называют меценатами или спонсорами. Недруги Лойолы говорят, что особенно охотно его финансово поддерживали богатые женщины.

В 1534 году эта так называемая Компания собралась в церкви Святой Марии в Париже. Члены кружка дали клятву идти в Палестину, а также приняли обет целомудрия и бедности. Это были шаги к созданию ордена, до которого оставалось еще шесть лет.

Духовно-рыцарские ордена родились во время Крестовых походов XI–XIII веков для защиты паломников и завоеваний крестоносцев на Востоке. Монахи-воины одинаково истово молились и сражались против неверных, защищая то, что у них отвоевали. Когда же их постепенно изгнали из Палестины, духовно-рыцарские ордена: тамплиеры, доминиканцы, бенедиктинцы и другие — переселились в Европу. Здесь им уже нечего было защищать, и они начали приспосабливаться к новому служению — бороться за чистоту веры и нравов. При этом некоторые из них успешно торговали, стали финансистами, как, например, тамплиеры. Доминиканцы были инквизиторами, францисканцы — врачами.

Лойола, с его огромным честолюбием, не хотел избирать поприще, на котором уже преуспели другие. Компания его друзей собиралась отплыть в Иерусалим для борьбы с неверными. Отъезд не состоялся из-за ситуации на Средиземном море, где шла война между Италией и Турцией. Пока ждали подходящего момента для отправки, на Лойолу снизошло очередное озарение. Он осознал, что в Европе врагов истинной веры не меньше, чем на Востоке. Причем они еще страшнее, потому что, называя себя христианами, отшатнулись от великого здания церкви, от чистоты и красоты католического служения Богу.

Образно говоря, он увидел «гуннов», с которыми отчаянно боролось папство. Обнаружив эту нишу, он отказывается от идеи скромного ухода за больными, проповедей, просвещения. Добивается свидания с папой Павлом III. После долгой беседы папа говорит о нем: «Да это же перст Божий!» И дает добро на создание новой организации.

Надо сказать, что не все кардиналы поддержали эту идею, многие сомневались, помня, что Лойола был в свое время заподозрен в ереси. К тому же он человек с очень светским прошлым, который осмеливается утверждать, что общается непосредственно с небесными силами. А кто же тогда папа? Ведь только он должен напрямую разговаривать с Богом!

Но в ситуации опасности для католической церкви, страха перед тем, что рушится ее монополия, «перст Божий» получает добро. Он лично пишет устав ордена, пишет по-испански, потому что по-латыни, как положено, он написать не в состоянии: слишком труден этот язык, и слишком поздно он начал его изучать. Кто-то из соратников переводит устав на латынь.

В 1540 году папа, с трудом слолив сомнения своего окружения, утверждает устав ордена, а в сущности духовного войска, которое будет биться со всеми отступлениями от идей истинной католической церкви. Позже недруги назовут их «папскими янычарами».

В 1541 году Лойолу избирают генералом Общества Иисуса. Он не сразу согласился, заставил всех несколько раз голосовать за свою кандидатуру. Когда же все-таки был избран, то на несколько дней отправился прислуживать на кухне, для того чтобы отдать должное самоуничтожению.

Что это — гордыня, поза, притворство? Но ведь он прислуживал реально, а не просто обещал это сделать. Такова его сложная личность, одержимая идеей не отступать от духовного служения.

Несомненно, фанатичная готовность к служению по-своему опасна. К тем принципам, которые были признаны всеми духовно-рыцарскими орденами: целомудрию, бедности, послушанию, — Лойола прибавил один, но страшный. Безусловное подчинение, повиновение и служение Христу, католической церкви и папе. По мысли Лойолы, тот, кто хочет посвятить себя Богу, должен отдать ему свою волю и свой разум.

Идеальный иезуит, как определил Лойола, смотрит на старшего, как на самого Христа. Он повинует старшему, «как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая подвластна всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех

направлениях».

И как раз эта идея безусловного служения, безусловного подчинения становится основой организации, которая по сей день вызывает противоречивые оценки. С точки зрения иезуитов, ум человеческий, отказавшись от всякого личного суждения, должен быть всегда готов к полному и совершенному повиновению церкви.

Уже после смерти Лойолы иезуиты развили его идеи. Человек, вступающий в орден, обязан отречься от всего, в том числе от своих родных. О матери он может говорить только в прошедшем времени — «была», даже если она жива, и воспринимать ее как умершую. Он должен весь отдаться служению и бороться против любых отступлений от чистоты католической веры. Лойола говорил: «Если римская церковь назовет белое черным, мы должны без колебания следовать ей».

Надо признать, что орден имел немалый успех. Об этом говорит его быстрый численный рост. В год смерти Лойолы он насчитывал 1000 человек, к началу XVII века — 13 000, в XVIII веке — 22 000. При этом, если иезуитов изгоняли из какой-нибудь страны, они со временем возвращались и множились. Была у их служения какая-то магия.

С 1552 года решением папства иезуитские коллегии были приравнены к университетам. Они проникли в Италию, Португалию, Испанию, Германию, Австрию, Индию, Китай и Японию. Иезуиты-миссионеры проповедовали с большим успехом. Они содействовали отмене подписанного в 1598 году французским королем Генрихом IV Нантского эдикта, который был знаком веротерпимости. Иезуиты оказывали сильное личное влияние на Людовика XIII и Людовика XIV, подсылали убийц-фанатиков к тем правителям, которых они подозревали в отступлении от чистоты веры.

В России иезуиты тоже имели немалое влияние. Любимец царевны Софьи князь Михаил Михайлович Голицын был ими очень заинтересован. С 1685 года в Москве существовала иезуитская школа... Петр I изгнал иезуитов в 1689 году, но Екатерина II позволила им вернуться и не стала их преследовать, несмотря на то что в 1773 году орден был официально упразднен римским папой. Павел I положительно относился к генералам ордена иезуитов. При нем пользовался влиянием в России генерал ордена Грубель. При Александре I в Полоцке действовала иезуитская Академия.

Но во время войны 1812 года иезуиты были небезосновательно заподозрены в неких политических действиях против интересов России.

Надо сказать, что после смерти своего создателя-основателя они все активнее приходили в политическую жизнь.

Лично Игнатий Лойола склонен был оставаться в лоне духовной борьбы. Однако один из его принципов — «Цель оправдывает средства». Страшная мысль, находящая сторонников во все времена!

В 1550 году Лойола изъявил желание сложить с себя полномочия и звание генерала. Трудно сказать, было ли это вполне искренне. Может быть, как истинный политик, он проверял прочность своей власти. И руководство ордена решительно воспротивилось его уходу — он остался во главе организации до конца. Он пережил триумф, видя, как орден завоевывает сердца сторонников. Вместе с тем, как человек очень умный и наблюдательный, он понимал, что абсолютной победы нет. И вероятно, догадывался, что она невозможна.

Близость своего физического конца Лойола ощущал ясно. Он никогда не намекал на то, что он какой-то особенный и останется жить вечно. Наверное, и голоса свыше сообщили ему, что уход неизбежен.

Умер он в Риме в 1556 году, похоронен там же, в церкви Иисуса Христа. А в 1622 году официально канонизирован папой Григорием XV и числится в списке католических святых с именем святой Игнатий.

Девиз иезуитов — «К вящей славе Господней». Все можно, чтобы слава Господа росла. Вечное «во имя». Сколько этот тезис провозглашали и будут провозглашать в разные времена и на разных поприщах: политическом, духовном, художественном. «Во имя» — значит все можно. Как привлекательно и как опасно!

Мария Тюдор. Кровавый символ

Мария Тюдор — английская королева с 1553 года. Это рубеж Средневековья и раннего Нового времени в британской истории. Королева из династии Тюдоров, которую прославила, конечно, не она, а ее сводная сестра Елизавета I Великая, дочь Генриха VIII от другого брака. На правлении Марии история Тюдоров не завершилась, но сделала потрясающий зигзаг. Разворот в неожиданную сторону.

Дело в том, что для династии Тюдоров в целом характерна поддержка развивающегося раннего капитализма и реформации, причем поддержка разумная, без крайностей. И конечно, соперничество с Испанией. При Марии же все наоборот. Она, в сущности, попыталась остановить время, подняв знамя контрреформации. Римский император Юлиан Отступник другой эпохи.

Подобную политику можно пытаться осуществить исключительно прямым насилием. Таки поступала Мария, которая вошла в историю с ужасным прозвищем — Кровавая. А сначала она была и любовью нации, и даже некоторое время настоящим идиолом как гонимая, обиженная. Но тот же народ, что так сильно жалел ее, позже назвал ее Кровавой. Это прозвище встречается в протестантских памфлетах уже при ее жизни. И Елизавете I стоило немалых усилий справиться с последствиями политики Марии.

Безусловно, для странного, чуть ли не противоестественного поведения монарха должны быть очень серьезные причины. И личная судьба Марии Тюдор многое объясняет.

Она родилась 15 февраля 1515 года. Отец — Генрих VIII — стал королем в 1509 году. За годы правления он изменился чуть ли не до неузнаваемости. На престол он вступил почти гуманистом, любившим не только рыцарские турниры, но и античную литературу. Эразм Роттердамский написал хвалебную оду в его честь. Своим первым советником, лордом-канцлером, Генрих сделал Томаса Мора. И его же беспощадно казнил за то, что тот отвергал Реформацию.

К моменту рождения Марии король уже шесть лет с нетерпением ждал рождения наследника. А наследником мог быть только мальчик. Тогда никто и представить себе не мог, какую важную роль будут играть в истории Великобритании женские правления — от Елизаветы I Великой и королевы Виктории до премьер-министра Маргарет Тэтчер. В средневековой Европе считалось, что женщина не должна быть у

власти.

Супругой Генриха VIII в тот момент была Екатерина Арагонская. И у нее рождались мальчики — но только мертвые. Последовал длинный, тяжкий развод, которого она не признала до конца жизни.

Следующая жена — представительница английской знати Анна Болейн — стала матерью Елизаветы и была казнена по обвинению в государственной и супружеской измене.

После этого король женился на Джейн Сеймур, которая умерла вскоре после родов. Была еще Анна Клевская, которая настолько не понравилась королю, что он приказал отослать ее прочь и добился расторжения брака.

Еще одна супруга — Екатерина Говард, была казнена за развратное поведение. Генрих всем рассказывал невероятные истории о том, что она изменяла ему с сотнями мужчин.

Последней женой короля стала Екатерина Парр, молоденькая, милая, смиренная, которая уговаривала старого обжору и развратника успокоиться и признать детей от предыдущих браков. Может быть, он казнил бы и их, если бы не ее облагораживающее влияние.

Мать Марии Тюдор Екатерина Арагонская была младшей дочерью Фердинанда и Изабеллы — знаменитых католических королей, объединителей Испании. Изабелла — фанатично верующая. Фердинанд — фанатично жадный.

В возрасте 16 лет Екатерина была доставлена в Англию и выдана за 14летнего Артура — принца Уэльского, старшего брата будущего Генриха VIII.

Она вовсе не должна была становиться английской королевой. Супруг Екатерины был тяжело болен и вскоре ушел из жизни. Генрих, едва став королем, женился на вдове брата, оставшейся в Англии из-за того, что ее невероятно скупой отец Фердинанд не желал выплачивать ее приданое. Вероятно, одной из главных причин решения Генриха жениться на Екатерине было его намерение сохранять мир с набиравшей силу Испанией. Эта страна была частью империи Габсбургов, над которой, по словам ее императора Карла V, никогда не садилось солнце. Империя объединяла немецкие, итальянские земли, небольшие владения во Франции, Нидерланды, владения в Новом Свете. Породниться с таким королевским домом было весьма соблазнительно. Тем более что к женитьбе Генрих VIII относился легко.

Екатерина была на шесть лет старше супруга. После двух сыновей, родившихся мертвыми, и третьего, умершего во младенчестве, она в 30 лет произвела на свет дочь Марию. И хотя это не был долгожданный наследник, надежда сохранялась, и к

девочке относились хорошо. Отец называл ее «самой большой жемчужиной королевства». Она была очень хороша собой: пышные светлые кудри, стройная невысокая фигурка. Ее наряжали, приводили на пиры, просили станцевать перед послами. Кстати, именно их записи и сохранили историю ее детства.

У нее было все: и балы, и наряды. Не было только внимания родителей. Генрих VIII был занят и делами государства, и увеселениями, которые очень любил. Екатерина старалась не отстать. Она очень волновалась, как бы на его фоне не выглядеть старой. Тем более что у него всегда были фаворитки.

Маленькая Мария — это не только ребенок, с которым родители проводят слишком мало времени. Она с рождения стала тем, что можно условно назвать династическим товаром. В Средние века в королевских детях видели некий продукт, который можно выгодно продать на международном рынке.

С трехлетнего возраста начались переговоры о ее будущем браке.

Расстановка сил в Европе XVI века была очень неопределенной. Система международных отношений сложилась значительно позже, в середине следующего столетия, после 30-летней войны. А пока ситуация оставалась нестабильной. Папство, эта уходящая теократическая сила, плело сложные интриги. Франция затеяла колоссальные итальянские войны. Французский король Франциск I в ходе войны с Габсбургами побывал в плену и стремился освободиться от этого унижения путем новых завоеваний. В этих противоречиях дружба с Англией могла стать сильным политическим козырем.

Мария как единственная наследница имела высокую цену. Сначала ее сватали за французского дофина, будущего Генриха II. Этот брак не состоялся. Позже, когда положение Марии сделалось не столь прочным, ей стали прочить в мужья максимум герцога Савойского.

В 1518 году у Екатерины Арагонской, все еще пытавшейся подарить королю наследника, родилась мертвая девочка. А в 1519-м у Генриха VIII появился незаконный сын от знатной придворной дамы Елизаветы Блаунт. Ему дали красивое романтическое имя Генри Фицрой. Маленькая Мария еще не понимала, какую опасность он для нее представляет. Королю ничто не мешало признать этого ребенка законным. Генрих VIII вообще ставил свою волю над всеми, даже над волей папского престола.

Но пока у Марии продолжалась прекрасная жизнь. Ее обучали языкам. Она замечательно декламировала стихи на латыни,

читала и говорила по-гречески, интересовалась античными авторами. Еще больше ее влекли труды Отцов Церкви. Никто из гуманистов, окружавших Генриха VIII, не занимался ее воспитанием. И она росла истовой католичкой.

Тем временем над ней нависла страшная тень: Генрих VIII задумал развестись с Екатериной Арагонской. Развод с испанкой, католичкой, дочерью «наихристианнейших королей» Изабеллы и Фердинанда, приходившейся теткой императору Карлу V, — эта затея выглядела безумной. Но Генрих проявил удивительное упорство.

Что руководило его поступками? Среди прочего — желание поживиться за счет богатств церкви. В Англии начиная с XIII века монархи то и дело оказывались в большой зависимости от римского престола, как, например, Иоанн Безземельный, который признал себя вассалом папы. То, что Святому Престолу выплачивалась большая дань, вызывало волну протестов. В конце XIV века уже был богослов Дисон Виклеф, который подверг теоретическому сомнению авторитет римских пап.

Когда Генрих VIII женился на Екатерине, ему пришлось получать разрешение Римского престола, вместе со специальным документом, подтверждавшим, что ее брак с принцем Артуром не был реализован и невеста сохранила чистоту. Теперь же папа римский не желал давать королю права на развод. В ярости Генрих объявил, что в Англии он сам является папой. И в 1527 году он сам себе разрешил развод. Более того — объявил брак недействительным, а Марию — незаконнорожденным ребенком.

В 1533 году Генрих VIII наконец «развел себя» с надоевшей женой. После этого Мария, которая прежде была единственной законной наследницей и уже имела титул принцессы Уэльской, была лишена статуса. С 12 до 16 лет она — дочь ненавистой разведенной жены, находящаяся в опале вместе с матерью. Теперь ее стали называть внебрачной дочерью короля. И обращались с ней соответственно: переселили в гораздо худшие условия, лишили собственного двора, всячески демонстрировали небрежение. У Марии появились основания бояться за свою жизнь: начались многочисленные казни неугодных Генриху VIII людей, прежде всего тех, кто не поддержал проводившуюся им политику Реформации. Был казнен Томас Мор, отказавшийся принести присягу королю как главе англиканской церкви и признать законной его женитьбу на Анне Болейн. Томас Мор сделал это, прекрасно зная, что обрекает себя на смерть. Расправа с ним произвела ужасное впечатление на всю Европу. Вскоре после получения известия о казни Мора скончался Эразм Роттердамский, любивший его как ближайшего друга.

Именно в этот страшный момент к Марии вновь пришла популярность. До этого она была милым ребенком, хорошенькой принцессой, танцевавшей для иностранных послов. Теперь же она, гонимая, стала популярна в народе. Екатерина Арагонская проявила в этой истории удивительную твердость. До конца своих дней она подписывалась «Екатерина, несчастная королева», хотя официально королевой уже не считалась. Она не была ни казнена, ни даже заточена, потому что была родом из могущественной Испании. Но ее обрекли на жалкое существование в отдаленном замке вместе с Марией. Девочку, отвергнутую отцом, в народе искренне жалели. Екатерина Арагонская и Мария стали знаменем будущей Контрреформации. Особенно яростно сопротивлялась реформам Генриха VIII Шотландия.

А Реформация приняла в 30-х годах XVI столетия крайние, жесточайшие формы. Была, например, уничтожена знаменитая гробница Томаса Бекета, святого архиепископа Кентерберийского, убитого в XII веке. Это было место паломничества, где не раз происходили чудесные исцеления. И вот под флагом реформы церкви и борьбы с католическими предрассудками с ведома Генриха VIII гробницу разграбили, выковыряли драгоценные камни, растащили драгоценные ткани, а кости святого сожгли. Это делалось на основании разрешения Генриха VIII, который подписал такой текст: «Томас Бекет — бывший епископ Кентерберийский, провозглашенный римской властью святым, с этого времени таковым больше не является. И его не следует почитать».

В 1536 году Генрих VIII казнил Анну Болейн и через 11 дней вступил в новый брак — с Джейн Сеймур, которая в 1537 году наконец родила ему сына — будущего короля Эдуарда VI. Роды были очень трудные, и через несколько дней Джейн Сеймур умерла. По стране поползли слухи о том, что надо было бороться за жизнь и матери и ребенка, но король сказал: «Спасать только наследника».

Двадцатидвухлетняя Мария стала крестной матерью принца. Это вроде бы милость. Но теперь у нее не оставалось надежды вернуть себе статус наследницы. Положение ее было очень тяжелым: между враждующими родителями; между разными конфессиями; между двумя Англиями, одна из которых приняла Реформацию, а другая — нет; между двумя странами — Англией и Испанией, где были родственники, писавшие девочке и старавшиеся ее поддержать. Могущественный Карл V, ее двоюродный брат, готов был в любую минуту двинуть против Англии свои огромные войска.

Между тем продолжались и торги на династическом рынке.

Сначала Марию сватали за дофина Франции, потом Генрих VIII повернул к союзу с Габсбургами, и она стала предполагаемой невестой своего кузена императора Карла V. Будучи еще ребенком, она даже прислала ему какое-то кольцо, которое он со смехом надел на мизинец и сказал: «Ну что ж, буду носить в память о ней». Позже в женихи намечался шотландский король и кто-то из юго-восточной Европы. Это означало падение статуса. В худшие времена ходили слухи, что Марию могут выдать за какого-нибудь славянского князя. Дальше возникла кандидатура сына герцога Киевского (это тоже провинция, низкий уровень). Рассматривался Франческо Сфорца — правитель Милана. И снова французский принц. Мария все время жила как в витрине, выставленная на продажу.

В 1547 году королем стал ее сводный брат Эдуард VI. Положение Марии при дворе было восстановлено.

Но у нее не было ни политических перспектив, ни личной жизни. Ее все больше занимали религиозные вопросы. Сказалось ее внутреннее одиночество, изломанная судьба. А для остатков католического духовенства она оставалась символом Контрреформации. На эту роль она годилась как нельзя лучше: гонимая, живущая в непрестанных молитвах, верная католичка. К тому же она дочь фанатичной католички Екатерины Арагонской и внучка самых католических западноевропейских королей.

В Англии было немало тех, кто мечтал бы вернуться во вчерашний день. Туда, где не было Реформации, раннего капитализма с его массовым обнищанием, огораживанием земель, мучительной ломкой привычных отношений. Ведь и сегодня нередко встречаются люди, утверждающие, что только в том, безвозвратно ушедшем мире им было бы хорошо.

Мы не знаем наверняка, насколько сознательно Мария играла роль вдохновительницы Контрреформации. Скорее всего, политиканства в ее поведении не было.

Эдуард VI умер очень рано — в возрасте 15 лет. Так в 1553 году Мария опять стала реальной наследницей престола. Однако придворные силы попытались помешать ей и выдвинули другую претендентку — юную Джейн Грей — внучку сестры Генриха VIII. Народ не поддержал такое решение. Лондонцы горячо вступились за Марию, набожную, незамужнюю, не давшую оснований ни для каких дурных слухов.

После нескольких дней народных волнений Мария Тюдор сделала английской королевой. Призрак короны, казалось бы давно растаявший, вдруг стал реальностью. И она сразу взяла реванш за все годы гонений. Сейчас же начались казни. Были казнены многочисленные Грей — не только несчастная

ставленница придворных, но и все ее родственники. Казнен архиепископ Кранмер, горячий сторонник Реформации, человек широко образованный, интеллектуальный, сопоставимый с Томасом Мором. Ежедневно на кострах сжигали еретиков. В жестокости Мария превзошла даже своего отца.

Королева решила, что ее мужем может стать только один человек — сын императора Карла V Филипп II Испанский. Ему было к тому времени 26 лет, ей — 39. Но он был не просто молодым мужчиной — он успел, как и она сама, стать знаменем Контрреформации, возглавив борьбу против кальвинизма, стремительно распространявшегося в Европе. В Нидерландах Филиппа, постоянно демонстрировавшего единство с инквизицией, со временем стали считать чудовищем.

Как известно, супруг королевы в Англии не становится королем. Его титул — принц-консорт. Но даже несмотря на это, появление в королевстве столь одиозной фигуры было событием ужасающим. А Мария еще и подчеркивала, что это решение ее сердца, ее души.

Свадьба состоялась 25 июля 1554 года. Большинству мыслящих людей было ясно, что это черный день. Но Мария была счастлива. Молодой супруг казался ей красавцем, хотя его сохранившиеся портреты явно говорят об обратном. Начались придворные пиршества, балы. Марии хотелось возместить все потерянное в юные годы.

Но и проблем возникло немало. Филипп прибыл с большой испанской свитой. Выяснилось, что испанская аристократия плохо совместима с английской. Они даже одевались по-разному. У испанцев воротники были таковы, чтобы голову нельзя было опустить и человек приобретал надменный вид. Англичане с обидой писали об испанцах: «Они держатся так, как будто мы их слуги». Начались конфликты, при дворе доходило до драк.

Следовало судебное разбирательство, кого-нибудь казнили. А казнили щедро.

Филипп при дворе вел себя светски, но горячо поддерживал кровавую политику Марии. Он привез с собой специальных людей, которые проводили судилища над еретиками-протестантами. Процедура сожжения стала повседневностью. Филипп как будто готовился к тому кошмару, который он устроит в Нидерландах в 1560-х годах.

В Англии во времена Генриха VIII оставалось три тысячи католических священников, которые нашли убежище в заброшенных, полуразрушенных храмах, в развалинах монастырей. Их разыскивали и изгоняли из страны. Триста из тех, кого считали особенно активными и опасными, были сожжены.

Теперь же Мария и Филипп развернули репрессии против тех, кто принял Реформацию. Несчастливая страна оказалась во власти религиозного фанатизма.

Преследуемые протестанты стали вызывать сочувствие народа. Как некогда сама Мария была объектом горячего сочувствия, теперь это место заняли ее враги. Во время публичных казней некоторые из них проявляли исключительное мужество. Если вначале многие каялись, как им приказывали, просили прощения, то перед лицом смерти они меняли свое поведение. Архиепископ Кранмер, тоже покаявшийся, перед самой смертью сказал: «Сожалею, что покаялся. Я хотел сберечь свою жизнь, чтобы помочь вам же, моим братьям, протестантам». Народ был потрясен мужеством этих людей. Отношение же к Марии, напротив, делалось все хуже. Ведь никто не ожидал от нее ни подобной жестокости, ни толпы иноземцев.

Произошел и еще один важный казус. Народу объявили, что королева ждет наследника от Филиппа Испанского. Это важное известие означало, что возникла новая опасность: Филипп мог добиться, чтобы его признали и английским королем. Весть о беременности королевы оказалась ложной. Может быть, сама Мария верила, что у нее родится ребенок, или вела сложную политическую игру. Пыталась переломить народное мнение.

Людям свойственно верить, что женщина с рождением ребенка делается мягче, добрее. Да и супруг королевы, столь не любимый англичанами, устал от придворных развлечений и отплыл в Испанию. Подданные должны были верить, что теперь все будет хорошо.

Понятно, что слух о скором рождении младенца трудно поддерживать дольше 9 месяцев. Марии удалось продержаться 12 месяцев. Медицина той эпохи точносью не отличалась. Но в конце концов пришлось признать, что произошла ошибка. Это случилось в 1555 году, в то время когда Карл V отрекся от власти и Филипп стал испанским королем. Он получил половину империи Габсбургов и готовился бороться за объединение всех ее земель.

Чтобы поддержать супруга, Мария вступила в противоречия с Францией. Началась непродуманная война, к которой Англия была не готова. В 1558 году англичане потеряли Кале — «ворота Франции», последний обломок своих былых владений на континенте. Известны такие слова Марии: «Когда я умру и будет вскрыто мое сердце, там обнаружат Кале».

Вся ее судьба была одной большой неудачей. Народ при жизни стал называть ее Кровавой. А надежды свои возложил на другую принцессу — будущую Елизавету I. Как выяснилось — не

напрасно. Будучи от природы гораздо более умной, Елизавета видела страшные ошибки сводной сестры, пытавшейся насильно повернуть Историю вспять.

Елизавета, некоторое время состоявшая в свите Марии, вела себя тихо и потому осталась жива. И после смерти сестры в 1558 году стала великой правительницей Англии.

Стефан Баторий. Грозный противник Ивана Грозного

Стефан Баторий — единственный польский правитель, который сумел одержать победу в войне с Россией. Он же положил начало пограничному противостоянию этих двух стран.

XVI век — время становления национального самосознания, государственности и заметного укрепления Московии, как ее называли в Центральной и Западной Европе. Это и период образования Речи Посполитой — унии 1569 года Великого княжества Литовского и королевства Польша. Формально Стефан Баторий — князь Трансильвании, король Польши и великий князь литовский. Талантливый полководец, сильный предводитель сильного войска, правда, меньше всего состоявшего из поляков. И сам он не поляк.

О жизни Стефана Батория мы узнаем из огромного количества источников. Участники его второго похода на Россию в 1580 году Ян Зборовский, кастелян, и Лука Дзялынский, начальник авангардного войска, вели дневники. Есть и созданная на Руси «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков». Трогательное произведение, написанное неким очевидцем. Существует, наконец, «Дневник осады Пскова Стефаном Баторием», который, видимо, писал секретарь королевской канцелярии Станислав Пиотровский.

Стефан Баторий родился 27 сентября 1533 года в маленьком городке на территории современной Румынии. Его родители — Стефан Баторий, воевода Трансильвании, и Екатерина Телегди. Оба они этнические венгры. Имя мальчика должно было звучать так — Иштван Батори, а мы знаем его в польской транскрипции. Знаменитая мощная армия Стефана Батория будет состоять преимущественно из венгров и немцев.

Трансильвания — спорная территория, расположенная на территории современной Румынии. Когда-то здесь жили древние даки. Их не до конца оформившееся государство покорили римляне при императоре Траяне. В XI–XII столетиях, после ухода римлян, территория была подвластна королям Венгрии. В XVI веке, во время движения турок на Европу, она оказалась под управлением турецкого султана. В XVII веке Трансильванией завладели Габсбурги — австрийско-немецкая династия. И только в начале XX века она была закреплена за Румынией. Но и на этом перипетии не закончились. В 1940 году Трансильвания отошла к Венгрии, в 1947-м, по итогам Второй мировой войны, была

восстановлена граница 1938 года между Венгрией и Румынией.

Считается, что в Трансильвании родился знаменитый Влад III Дракула, господарь Валахии, с которым связано немало мрачных преданий. Ужасные истории рассказывали и о родственнице короля Стефана Елизавете (Эрджбете) Батори: она будто бы купалась в крови убиенных девочек — была у нее такая косметическая процедура.

Даже число девочек подсчитано — 80. Об этом роман А. Кордеску «Кровавая графиня».

Юность Стефана прошла при дворе императора Священной Римской империи Фердинанда I. Это центрально-европейская фигура, строго не принадлежащая ни одной национальной истории. Фердинанд I из династии Габсбургов родился и воспитывался в Испании, при дворе короля Карла I, затем ставшего Карлом V, императором Священной Римской империи. Когда Фердинанд был избран королем Чехии и Венгрии, он много воевал с турками и еще не окончательно покоренными венграми, участвовал во внутригерманской борьбе протестантских княжеств против католических. Дело в том, что в XVI веке границы в Центральной Европе еще не были четкими. В 1555 году, после отречения Карла V, Фердинанд стал императором Священной Римской империи.

Вместе с ним Стефан Баторий оказался в Италии, где поступил в Падуанский университет. Не самое типичное поведение для княжеского сына в XVI веке. Понятно, что у него была сильная тяга к образованию. Обучаясь в университете, Стефан блестяще овладел латынью. Позже, будучи правителем самых разных областей, он общался с местной элитой именно на латыни. Это был международный язык той эпохи, абсолютно непонятный для народа, но доступный людям образованным.

Мы не знаем наверняка, окончил ли Стефан Баторий университет. Зато точно известно, что он перешел от германского императора на службу к воеводе Трансильвании Иоанну Сигизмунду Запольскому, или Яношу Заполянцу, как его называли на родине. Он был противником Фердинанда I и возглавлял не покорившуюся империи часть Венгрии.

Можно лишь предполагать, что заставило Стефана Батория столь решительно изменить свое положение. Наверное, тяготение к родным очагам Трансильвании.

На новой службе он обрел военный опыт, стал врагом немцев и даже провел три года в немецком плену. Это время он тоже использовал нестандартно для средневекового аристократа — упорно занимался самообразованием. Читал римских историков.

В XVI веке европейская элита во многом жила еще по законам

рыцарских времен. Стефан Баторий выделялся своим прекрасным происхождением, придворным и военным опытом, блестящим образованием. Польский историк XVII века И. Пасторий писал о нем: «Баторий был в костеле больше чем священник, в республике больше чем сенатор, в суде больше чем адвокат, в войске больше чем гетман, в бою больше чем солдат, а в перенесении неприятностей, в терпении, доброте и в прощении личных оскорблений — больше чем человек». Этот восторженный отзыв отдает придворной лестью, но, как правило, подобные характеристики все-таки имеют некое реальное основание.

То, что Стефан Баторий вызывал к себе уважение, вскользь отметил и Монтень в «Опытах». По его словам, Стефан Баторий правитель, который никогда не носит перчаток, хотя живет в стране с очень суровым климатом. Таковой западноевропейцы считали Польшу. Стефан Баторий запомнился современникам в небольшой шапочке с пером — это и венгерская традиция, и отчасти польская. Кстати, и черты его лица многие считали очень красивыми. Другими словами — он был человек видный со всех точек зрения.

В 1572 году, когда умер король Польши Сигизмунд II Август, Стефан Баторий был князем Трансильвании. Причем он стал первым князем на этой территории: прежде были воеводы. Теперь статус правителя повысился.

В течение двух лет в Польше не было короля. В 1574-м на престол был избран французский принц Генрих Валуа. Почему избран? К XVI веку Польша значительно отличалась по своему устройству от других центральноевропейских и тем более западноевропейских стран. Когда Польша заключила унию с Великим княжеством Литовским, образовалась Речь Посполитая, что было буквальным переводом на польский язык латинского слова «республика». Это была, как говорят современные историки, шляхетская республика. В ней феодальная элита, шляхта, занимала особое положение: она могла участвовать в избрании короля, а также имела большие полномочия в сейме. Шляхта обладала правом вето. «Вето» по-латыни — «я запрещаю». Даже один несогласный депутат мог наложить вето на любое, даже королевское распоряжение. Феодальная вольница. Коллегиальное правление, а не железная рука одного человека. А значит, самосознание элиты как очень значимой. Чувство самоуважения было у польских аристократов очень сильным.

Безусловно, у такого государственного устройства есть и заметные минусы. Пока долго и трудно принимается решение, кого же избрать королем, в стране — межвременье, жестокая вражда кланов.

Ставший в итоге польским королем Генрих Валуа — сын Екатерины Медичи, будущий Генрих III Французский, пробыл на польском престоле около полугода. Получив известие о смерти брата, Карла IX, он тайком, бросив Польшу на произвол судьбы, покинул Краков. Надо было торопиться, чтобы французский престол не заняли соперники, среди которых был другой Генрих — Бурбон, будущий Генрих IV Наваррский. Шляхта гналась за королем, чтобы вернуть его на престол. Но ему удалось пересечь границу.

Нельзя было ожидать, что избрание нового короля пройдет легко. Часть литовской знати была настроена на отделение от Речи Посполитой. Многие не хотели, чтобы на престоле оказался поляк. Среди претендентов называли даже имя московского царя Ивана IV.

Трудная политическая ситуация подтолкнула Стефана Батория к тому, чтобы выдвинуть свою кандидатуру. Его поддержала средняя и мелкая польская шляхта. Что ее в нем привлекало? То, что он признанный полководец, который прославился, успешно отражая набеги татар. У него прекрасное наемное войско из венгров. Высшая же знать была против, сейм выступал за германского императора Максимилиана. И все-таки Стефан Баторий был избран, но с важным условием. Он должен был жениться на Анне Ягеллонке, сестре последнего Ягеллона Сигизмунда II Августа.

Невеста была старше жениха на 10 лет. Условие было категорическим, и Стефан согласился.

Когда Стефан короновался в Кракове, ему было 43 года. Через несколько дней состоялась его свадьба. Этот брак означал, что в каком-то смысле продолжается польско-литовская национальная династия Ягеллонов. Для XVI века — времени укрепления национального самосознания многих народов — это исключительно важно.

Еще до восшествия Стефана на престол, в 1558 году, началась Ливонская война. В школьных учебниках ее традиционно трактуют как борьбу Руси за выход к Балтийскому морю. Но это была далеко не единственная причина конфликта. Ливония — это часть территории современной Литвы и Эстонии, подвластная Ливонскому духовному рыцарскому ордену. Этот орден был некогда отделением знаменитого Тевтонского ордена, ослабленного войной против литовских, польских и русских сил в начале XV века.

Ливонские рыцари, владевшие землями, пограничными с русскими, решительно препятствовали контактам Московской Руси с Германией. А Иван Грозный вполне сознавал важность этих

отношений. В 1547 году он направил в германские земли вербовщика, чтобы тот собрал мастеров: строителей, ремесленников для работы по заказам русского царя. Были наняты 123 человека.

Император Священной Римской империи дал разрешение на проезд их в Московию через территорию Ливонского ордена. Однако ливонские рыцари остановили делегацию мастеровых, не пропускали дальше, а самого вербовщика бросили в тюрьму. В конце концов мастера просто разъехались. Нашелся один — некий Ганс, который настаивал, чтобы его пропустили в Московию. Его тоже посадили в тюрьму. Он сумел бежать и решил добираться в Москву самостоятельно. В двух милях от границы ливонские рыцари схватили его и на этот раз казнили. Это яркая иллюстрация того, как орден препятствовал включению Московии в европейскую жизнь.

Кроме того, территория Литвы, входившая в Речь Посполитую, в это время была местом эмиграции, бегства из Московии неугодных власти людей, тех, кто опасался за свою жизнь. Именно там нашел убежище знаменитый князь Андрей Михайлович Курбский. Он сначала участвовал в Ливонской войне на стороне русских, а в 1564 году, узнав, что царь задумал расправиться с ним, бежал в Литву и получил там земли.

По итогам Ливонской войны выход Руси к Балтийскому морю не состоялся. Но вряд ли это была единственная и даже главная цель Ивана Грозного. Ему удалось на первом этапе войны добиться секуляризации Ливонского ордена, прекращения его существования как военной организации. Земли ордена попали под власть Польши. Русское государство совершило деяние, объективно очень полезное для европейской истории.

Но если первый этап войны был успешным для русских, то после воцарения Стефана Батория соотношение сил изменилось. Сначала бои шли с переменным успехом. Но на последнем этапе войны — в 1579–1583 годах, когда опытный полководец Стефан Баторий возглавил объединенное войско Великого княжества Литовского, оно в союзе со Швецией начало побеждать.

В 1579 году Стефан Баторий совершил поход на русские земли и захватил Полоцк и Великие Луки. Цена оказалась очень высокой. На пути к Полоцку находилась маленькая крепость Сокол. Защитники сожгли ее и сами погибли в огне вместе с семьями, чтобы не попасть в руки врага, — настолько мощным было сопротивление.

Война отличалась исключительной жестокостью. Это была феодальная распря, борьба за добычу. Грозный нуждался в средствах. Его удачные казанские, астраханские походы сначала

дали огромную добычу, но средства были растрочены, да и воинство требовалось занять. Тоже самое и со стороны Стефана Батория.

Некоторые историки полагают, что Ливонская война имела религиозную подоснову, представляла собой столкновение католиков с православными. Вероятнее всего, это была все-таки оболочка для решения политических задач. В Средние века рассуждение о конфессии — одна из важнейших форм политической игры. Известно, что Иван Грозный некоторое время «размышлял», не принять ли католическую веру. Как не вспомнить XIII век, когда монгольский правитель Китая Хубилай играл подобным образом с королем Франции Людовиком IX Святым, сообщая ему, что думает принять христианство!

24 августа 1581 года, в недобрый для него час, о чем сам он еще не догадывался, Стефан Баторий лично прибыл к стенам осажденного Пскова.

Псков XVI века — город большой, хорошо укрепленный, богатый. Вот что писал в дневнике ксендз Пиотровский: «Любуемся Псковом. Господи! Какой большой город, точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!» «Справиться» означало «разграбить».

Жители Пскова отчаянно сопротивлялись польской осаде. «Ядер и пороху, должно быть, там большой запас, — рассуждал Пиотровский. — Нужно усердно молить Бога, чтобы он нам помог, потому что без его милости и помощи нам не получить здесь хорошей добычи».

Чтобы утратить защитников города, Стефан Баторий устроил под его стенами военный смотр. Его войско было колоссальное — около 100 тысяч человек. У псковичей — предположительно 7 тысяч стрельцов и конницы и 10 тысяч вооруженных горожан. Поэтому поначалу Стефан Баторий абсолютно не сомневался в успехе. Он и подумать не мог, что на полгода задержится под стенами Пскова, сравнительно недавно, за 70 лет до этого, покоренного Москвией и, может быть, таящего обиду на царя Ивана IV.

Когда Баторий понял, что быстро ему город не взять, он стал забрасывать его прикрепленными к стрелам письмами. В них содержалось предложение псковским боярам перейти на службу к польскому королю. Мол, принесите мне ключи от города — и я буду хорошо вам платить!

Из этого ничего не получилось. Псковичи переживали и огромный патриотический подъем, и величайший страх перед разграблением и уничтожением. Но это точно было особое, пассионарное состояние. И благодаря ему взять Псков оказалось

невозможно.

Осаждающей армии удалось сделать проломы в крепостной стене, были уже захвачены две башни. Казалось, это конец. Но псковичи выстрелили из огромной пушки по одной из этих башен, и она обрушилась прямо на воинов Батория, которые в нее ворвались. Погибли и все ее защитники.

Тогда нападающие сделали девять тайных подкопов под стены города. Но псковичи нашли все и засыпали их. Секретарь Батория отмечал: «Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры. И так хорошо исправляют их, что они будут еще крепче, нежели были прежде». Вот как они умели работать!

А потом на помощь защитникам Пскова пришел мороз. Тот знаменитый русский «генерал Мороз», который не раз появлялся в минуты страшной опасности. 28 октября 1581 года Пиотровский записал: «О Боже! Вот страшный холод! Какой-то жестокий мороз с ветром. Мне в Польше никогда не случалось переносить такое».

Фуражиры стали замерзать, когда отправлялись за припасами для армии. Недоставало денег, чтобы заплатить солдатам. В войске началось брожение. Псковичи отразили 31 приступ. Совершили 46 вылазок. Полководец Стефан Баторий споткнулся об этот город.

Два великих художника создали картины, связанные с обороной Пскова. Первый — польский баталист Ян Матейко. На его картине Стефан Баторий красив, величав, с оружием в руках, а русские слегка принижены и протягивают завоевателю что-то вроде хлеба-соли. Просят о мире.

Да, предложения о мире поступали. Но понятно, что просить мира с хлебом-солью было не в русской традиции. А «добро пожаловать» полякам под Псковом никто не говорил.

Второй художник, изобразивший осаду Пскова, — русский мастер Карл Брюллов. Полотно «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году», заказанное ему Академией художеств, и сегодня выставлено в Третьяковской галерее. Эту картину Брюллов должен был написать, чтобы стать полным членом академии. Он, автор «Последнего дня Помпеи», воспринял это требование с обидой. Разве была необходимость подтверждать его мастерство? Но консервативная академия настаивала на создании картины на заданную тему. Брюллов взялся за работу. Она продолжалась с 1839 по 1843 год и осталась незаконченной.

И хотя полотно писалось по принуждению, оно, как и другие произведения Брюллова, совершенно. В центре композиции — крестный ход, который, по преданию, остановил дрогнувших защитников Пскова. Поскольку картина недописана, середина ее выглядит почти импрессионистски. Усиливается ощущение

божественного, неземного, которое несут служители церкви, вышедшие поддержать горожан.

Есть на картине и возглавлявший защиту Пскова Иван Петрович Шуйский, и местный воевода Андрей Иванович Хворостинин, и воевода Хрущев. Это были люди достойные, очень храбрые, проявившие удивительные личные качества. Их не сломило даже понимание того, что под стенами города стоит с войском сам Стефан Баторий.

Поражает и то, как много было в Пскове припасов. Дело в том, что Иван Грозный не прислал на помощь городу никого и ничего. В данном случае это не упрек. Наверное, он не мог этого сделать: Ливонская война истощила силы Московского государства, да и на других театрах военных действий было занято много войск. Но в источниках отмечено, что в Пскове был огромный запас ядер, более того — их и отливали; было много пороха, артиллерия действовала потрясающе.

При осаде города осаждающие страдали почти так же, как осажденные, особенно если учесть русский мороз.

К тому же войско Стефана Батория постепенно отчаивалось и деморализовывалось. Да и сам главнокомандующий начал понимать, что здесь ему не приходится ждать великой славы. И он ушел из-под Пскова, ушел сам, оставив войско и дав согласие на мирные переговоры.

Мир был заключен в Яме Запольском 15 января 1582 года. Стефан Баторий не был полным победителем в этой войне, хотя в Польше его считали королем-триумфатором. Действительно, по итогам войны Ливония досталась ему. Но нельзя забывать о том, что победителем оказался и город Псков.

В последние годы жизни Стефан Баторий проводил заметные преобразования внутри своего государства. Так, он усовершенствовал судебную систему, идя навстречу устремлениям польской шляхты. Он основал в Вильнюсе академию — будущий университет. И сегодня об этом напоминает памятная доска на Вильнюсском университете. Он поощрял развитие школьного образования. Поддержал в связи с этим иезуитов, в которых, правда, позже разочаровался.

Баторий был значительным правителем. Он составлял множество планов. Готовился воевать против турок и, судя по всему, предполагал совершить новый поход в Московию.

Его начинания прервала внезапная кончина. В 1586 году, через год после смерти Ивана Грозного, Стефан Баторий неожиданно заболел и вскоре умер. Ходили слухи об отравлении, но они не подтвердились. Но, так или иначе, со смертью Стефана Батория была перевернута одна из страниц в непростых

отношениях стран Центральной Европы и Руси.

Цезарь Борджиа. Трагедия баловня судьбы

Цезарь Борджиа — испанец по происхождению, живший в Италии на рубеже XV–XVI веков, хотел называться Цезарем. И у него имелись основания для этой исторической аналогии.

Он был современником многих великих людей. Среди них — Лоренцо Великолепный из дома Медичи и Никколо Макиавелли. Причем последний ценил его настолько высоко, что отразил впечатления о нем в своей знаменитой книге «Государь». А на службе у Борджиа некоторое время был сам Леонардо да Винчи, правда, в качестве инженера.

Впечатляют титулы Цезаря Борджиа: герцог Валанский и Романьольский, принц Андрии и Венафра, граф Дийосский, правитель Пьомбино, Камерино, Урбино. И должности: кардинал, гонфалоньер папской армии (руководитель войска), генерал-капитан Святой Церкви.

О нем шла противоречивая молва. Великодушен, щедр, обаятелен и — жесток, коварен, беспощаден к врагам. На его гербе был девиз, избранный им самим: «Aut Caesar aut nihil» — «Цезарь или ничего». Этому девизу вполне соответствовала его яркая и очень короткая жизнь. Он погиб в 32 года.

Родился Цезарь Борджиа в 1475 году. Он был сыном кардинала Родриго Борджиа (будущего папы Александра VI), что противоречило законам католической церкви, служители которой должны соблюдать целибат — запрет на брак и рождение детей. Но это была эпоха Возрождения, когда многие нарушали церковные правила.

Мальчик был рожден любовницей кардинала Родриго Борджиа Ванноццей деи Каттанеи. Ее муж, скромный писец папской канцелярии Джорджио делла Кроче, спокойно относился к роману жены и не возражал против того, чтобы в семье жили дети от кардинала. Позже, в возрасте 56 лет, Родриго Борджиа бросил прежнюю любовницу и завел новую, 16-летнюю красавицу Джулию Фарнезе.

Род Борджиа восходил к XI веку, к королевской династии Арагона. В XIV веке фамилия достигла расцвета. В роду было два римских папы — Каликст III и Александр VI — и даже один святой, генерал ордена иезуитов Франсиско, живший в XVI и канонизированный в XVII веке. При этом многие Борджиа прославились как злодеи-отравители. Известность приобрели участвовавшие в политической жизни братья Цезаря Джованни и ДжофFRE. Многие века окружена шлейфом страшных мифов их сестра Лукреция Борджиа. Правда, сейчас уже понятно, что она

была не просто злодейкой, но и жертвой ужасных обстоятельств.

Надо сказать, что у Чезаре не сформировалось мучительного комплекса бастарда. В 1480 году, когда ему было пять лет, могущественный кардинал Родриго Борджиа добился, чтобы папа римский Сикст IV выдал грамоту о законности происхождения Чезаре. Мальчик стал официальным сыном кардинала.

Все детство Чезаре был осыпан золотым дождем. С шести лет он получал доходы от монастыря в Валенсии, куда его записали папским нотариусом. Вспоминается пушкинский Петруша Гринев: «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом...»

Когда мальчику исполнилось восемь лет, он был назначен пробстом — заместителем епископа области Альбы и тогда же — казначеем картахенской церкви. Это была типичная синекура — должность, на которой человек просто числится и имеет хороший доход.

Чезаре отличался от братьев и сестер тем, что ему нравилось учиться. С 15 лет он обучался в университете в Перудже, затем в Пизе. Осваивал древние языки, ораторское искусство, каноническое право. Назначения тем временем продолжались. Будучи студентом Пизанского университета, 17-летний юноша сделался генеральным нотариусом церкви и епископом Памплонским.

После каждого очередного повышения Чезаре вежливо благодарил отца — и продолжал учебу. Его диссертация была посвящена каноническому праву и признана в университете одной из лучших.

В 1492 году произошло наконец то великое событие, к которому давно рвался кардинал Родриго Борджиа, — он стал римским папой Александром VI. Он вошел в историю как зловеющая фигура и особенно прославился как отравитель: все боялись «белого порошка Борджиа».

Но надо признать, что и предшественники Александра VI — Сикст IV и Иннокентий III — тоже были далеки от нравственной безупречности. Конец XV века ознаменовался разгулом nepотизма, или кумовства. Считалось нормой пристраивать родственников на все возможные «теплые места». У папы Иннокентия III, которому, естественно, полагалось соблюдать обет безбрачия, было семь сыновей, и все они занимали прекрасные должности. Кроме того, это время расцвета системы индульгенций. За деньги церковь давала отпущение любых грехов. Все эти очевидные безобразия, которые люди не могли бесконечно терпеть, приближали Реформацию.

Родриго Борджиа был избран папой, потому что славился

богатством, умом и политической ловкостью. После Великих географических открытий именно он разделил мир на две зоны влияния: испанскую и португальскую.

Став папой, Родриго Борджиа сделал 18-летнего Цезаря архиепископом Валенсии. А это 16 000 дукатов в год. Юноша превратился в богатейшего человека своего времени.

Итак, баловень судьбы: богат, знатен, очень красив и наделен огромной физической силой. Рассказывали, что он мог явиться на праздник к простолюдинам, принять участие в соревновании борцов и быть там не последним. За это его любили солдаты и горожане.

Чезаре мечтал вовсе не о новых церковных должностях и доходах, а о воинской славе. Но в роду Борджиа военная карьера предназначалась старшему сыну. А старшим сыном Александра VI был Хуан, или по-итальянски Джованни. Ему досталась должность гонфалоньера, главнокомандующего папским войском. Злые языки говорили, что он был не очень способен к военному делу: в бою побеждал не он, а его офицеры, а сам он очень красиво и торжественно въезжал в Рим. Но может быть, это были просто сплетни.

Второй сын Борджиа должен был посвятить себя карьере церковной. Но Чезаре не мог забыть девиз своего кумира Юлия Цезаря «Veni, vidi, vici» — «Пришел, увидел, победил». Он привык добиваться целей любой ценой.

В 1494 году начались так называемые Итальянские войны. Чем они были вызваны? Италия конца XV века — это мозаика маленьких городов-государств, отдельных феодальных княжеств. Территория богатая, яркая, с высокой культурой. Большой соблазн для сильных соседей: северного — Франции, западного — Испании и восточного — Священной Римской империи германской нации. А римским папам не давала покоя идея объединить Италию под своей властью.

Александр VI маневрировал. Когда французский король Карл VIII двинулся со своим войском на Италию, имея главной целью Неаполитанское королевство, папа решил пропустить его через свои владения на юг. А чтобы ему поверили, не боялись, что он ударит французской армии в тыл, он отдал в заложники своего сына Цезаря. Когда же политическая ситуация изменилась, юноша романтически бежал, переодевшись конюхом.

Войны продолжались несколько лет с переменным успехом. Джованни не блистал как полководец. А в 1497 году он был убит при таинственных обстоятельствах. Известно лишь, что на один из пиров за ним явился человек в маске. Джованни охотно пошел с ним — и исчез. Потом некий рыбак увидел, как ночью всадники

сбросили тело в Тибр. И в реке действительно обнаружился труп зарезанного Джованни Борджиа. В том же году Цезарь снял с себя сан кардинала, чтобы возглавить войско римского папы.

В 1499 году Цезарь Борджиа совершил визит во Францию, к Людовику XII, который сменил скончавшегося Карла VIII. Цезарю было поручено привезти очень важное для Людовика папское разрешение на развод. Но встреча имела и крупные политические цели. С молодым королем были связаны надежды на то, что Франция перестанет быть столь враждебна Италии и опасность с севера уменьшится.

Цезарь Борджиа красиво обставил свое вступление в Париж. По улицам шли 24 белых мула, нагруженных дарами королю. Рядом слуги вели под уздцы 16 чистокровных коней в серебряной сбруе. Ходили разговоры о том, что конь Борджиа подкован золотом. Народ надеялся даже, что одна из золотых подков останется на мостовой. На самом Цезаре была кольчуга из тонких золотых листьев и золотая герцогская цепь с бриллиантовым украшением, хотя он только еще должен был получить титул герцога из рук короля Франции.

Произвести впечатление удалось. Людовик XII обещал папе римскому дружбу. Правда, продолжалась она недолго. Итальянские войны завершились только в 1559 году знаменитым Като-Камбрезийским миром, который зафиксировал преимущество в Италии Испании, а не Франции.

Но пока Цезарь Борджиа получил от французского короля военную поддержку — 2000 всадников и 6000 пехотинцев — для поддержания порядка в Папской области и покорения области Романья. Такова была первая цель Александра VI — создать крепкое ядро в центре Италии, чтобы потом всю ее объединить под эгидой папства.

Кроме того, Цезарь нашел во Франции невесту, сестру короля Наварры Шарлотту д'Альбре. Состоялась пышная свадьба. Молодые супруги провели вместе несколько месяцев. У них родилась дочь Луиза Борджиа. После отъезда Цезаря Шарлотта больше никогда его не видела, но всегда хранила добрую память о нем.

А он вернулся в Рим, к своей мечте — создать на базе папства сильное итальянское государство. В сражениях 1499 года он проявил ценные полководческие качества, и прежде всего стремительность. Его армия один за другим захватывала города в Романье. Те, которые сдавались добровольно, Борджиа запрещал грабить.

В этот период он пригласил к себе на службу в качестве главного инженера Леонардо да Винчи, художника и ученого,

имевшего грандиозную славу. Тогда же ко двору Борджиа прибыл как посол Флоренции Никколо Макиавелли. Цезарь произвел на него впечатление сильного, дальновидного, целеустремленного человека, который действительно хочет объединить Италию. Макиавелли было больно видеть, как дивный ковчег уникальной культуры гибнет из-за политической разобщенности. После того как они не менее двух месяцев провели в постоянном общении, великий мыслитель убедился, что Италии нужен такой человек, как Борджиа.

Макиавелли писал: «И я не знаю лучшего образа действий, который мог бы избрать новый государь, занявший трон по праву наследования. В тех случаях, когда его мероприятия не приносили успеха, причина заключалась не в допущенных герцогом ошибках, а в его несчастливой судьбе». Почему же судьба Цезаря Борджиа названа несчастливой? Это стало понятно несколько позже.

Военные успехи привели к тому, что к 1502 году страх перед ним окружающих правителей стал велик. Те, кто возглавлял Милан, Флоренцию и более мелкие города, боялись, что в конце концов он подчинит себе всех. Поэтому был организован заговор во главе с Джованни Бентивольво. Однако заговорщиков выдали предатели.

Цезарь пошел на переговоры с разоблаченными заговорщиками, добился покаяния, обещал им прощение, а после взятия очередного города, прямо во время праздника, приказал всех зачинщиков казнить. Одновременно в Риме Александр VI арестовал оппозиционных кардиналов, и многие из них начали таинственно умирать. Подсчитано, что за 11 лет его правления скончались более двадцати кардиналов. Вот откуда разговоры о таинственном «белом порошке Борджиа», о перстне с отравленным шипом и о смертоносном пожатии руки.

Казалось, Борджиа восторжествовали: заговор разоблачен, зачинщики казнены, недовольные удивительно вовремя умирают. Цезарь стал фактическим правителем всей Северной и Центральной Италии, части Испании и части Франции. Это было нечто подобное империи, непрочной, однако дававшей реальные доходы.

Но грянул гром. События августа 1503 года можно назвать «отравленный отравитель». Александр VI и Цезарь Борджиа заболели. Диагноз в ту эпоху был почти всегда один и тот же — лихорадка. Показательно только, что отец и сын занемогли после совместного ужина. Теплым августовским вечером они ужинали в саду, окрыленные своими победами. Мало того, что им покорились все важнейшие области Италии, еще несколько

усилий, новые договоренности с французами и испанцами — и можно идти на юг, и все реальнее делается перспектива единой Италии.

Через несколько дней после августовского ужина 1503 года папа Александр VI умер. Цезарь, тяжело больной, заперся в замке Ангела в Риме. Он рассказал Никколо Макиавелли, что у него был план на случай возможной кончины отца. Задача — сохранить папский престол за семейством Борджиа и продолжить объединение Италии. Он предусмотрел все, кроме собственной болезни.

Избрание нового папы прошло без активного участия Цезаря. Престол занял лояльный Борджиа Пий III. Но он побыл папой только 27 дней. И умер, видимо, тоже от «лихорадки». Причем его отравителем точно являлся не Цезарь, которому это было невыгодно.

Место скоропостижно скончавшегося Пия III занял тот, кто давно ненавидел Борджиа, — кардинал Джулиано делла Ровер. Он стал папой Юлием II. Именно этот папа в доспехах выходил на поле брани. При нем была расписана Сикстинская капелла в Ватикане. От него бежал в Болонью недовольный Микеланджело — а Юлий последовал за ним. Неординарный, сильный человек.

Избрание Юлия II означало закат судьбы Цезаря Борджиа. Новый папа сразу же объявил его узурпатором и приказал арестовать. Но Борджиа вырвался из-под ареста и бежал на юг, в Неаполь. Там он был предан и вновь арестован, несмотря на охранное письмо от испанских монархов Фердинанда и Изабеллы.

В 1504 году Цезаря отправили в Испанию, в мрачный замок Вильянуэва-дель-Грао. Он пробыл там почти два года и опять совершил побег. К зубцу стены был привязан канат, по которому узник спустился вниз, где его ждали верные люди. Веревка оказалась коротковата; слуга, который спускался перед ним, упал и сильно разбился. Цезаря, тоже ударившегося, полуживого, дотащили до лошади, и он все-таки смог ускакать прочь.

Вот что писал современник, Херонимо Зурита: «Освобождение Цезаря обрушилось на папу как гром среди ясного неба. Герцог был единственным человеком, способным даже в одиночку взбудоражить и поднять всю Италию. Само упоминание его имени разом нарушило спокойствие в церковном государстве и сопредельных странах, ибо он пользовался горячей любовью множества людей: не только воинов, но и простонародья. Еще ни один тиран, кроме Юлия Цезаря, не имел подобной популярности».

Но куда ему было бежать? Из баловня судьбы он превратился в изгоя. Он написал Людовику XII. Как его вассал, Цезарь имел

два крупных герцогских владения во Франции. И жива была жена, которая, как ни странно, все еще хорошо к нему относилась.

Ответ Людовика был таким: «Все владения: герцогство Валентино и другие — возвращены под власть французского короля, поскольку ты, Цезарь, изменник, ты изменил мне с испанской короной». Конечно, это была политическая игра. Путь во Францию оказался закрыт.

В 1507 году Цезарь бежал в Наварру, где правил брат его жены, король Жан. Это маленькое королевство в пиренейском пограничье между Францией и Испанией, было вассалом Франции, но стремилось к независимости.

Борджиа приняли хорошо, потому что король Жан нуждался в искусном полководце. Цезарь оказался как бы в кукольном государстве, во главе кукольного войска. Правда, пришла военная помощь от Максимилиана — императора Священной Римской империи германской нации, заинтересованной в том, чтобы Наварра была более независима, а Франция не усиливалась.

Цезарь пытался навести порядок в Наварре, которую разрывали междоусобицы. Он взялся быстро подавить выступление наваррской знати в Виане. Всем казалось, что у него это получится. Но случилось невозможное — он погиб в первом же бою. Столкновение было почти случайным. Заметив сепаратистов, Цезарь вскочил на коня и помчался следом. Немецкое же войско за ним не торопилось. Не исключено, что оно было подкуплено. Он оказался фактически один против отряда врагов и погиб, изумляя всех своей отвагой и получив, по легенде, 25 смертельных ранений. Это было почти самоубийство.

Цезарь Борджиа был похоронен в церкви Санта-Мария-де-Виана, недалеко от места гибели. Покоя он не обрел и после смерти. Через 200 лет епископ Калахоррский, бывший в тех местах, узнал, чья это могила, и, помня о Борджиа-отравителях, приказал удалить из церкви «нечестивые останки».

Где они теперь — неизвестно.

Талейран. Жизнь вне морали

Талейран — это целая эпоха в истории Франции. Рубежная эпоха. Он вступил на историческую арену в период Французской революции конца XVIII века и пробыл на виду до ее завершения. История доказывает, что в революцию гораздо легче войти, чем выйти из нее. Выход Франции из революции, которую мы вслед за В.И. Лениным называем Великой, был мучительным, долгим, многоэтапным. И на каждом этапе проявлял себя этот человек — Шарль Морис Талейран.

Один из наиболее ярких европейских дипломатов и государственных деятелей своей эпохи, он прожил долгих 84 года. Причем в 80 лет был еще на службе. Сам говорил, что принес 14 присяг разным правительствам и разным людям. Его называют «слуга всех господ» — и всех этих господ он по очереди предавал. При этом Талейран никогда не считал, что предает. Он просто ковал карьеру. И обрамлял свои поступки словами о пользе для Франции.

А еще он славился как умный и тонкий остро слов, чьи высказывания становились известны всему Парижу, а некоторые — превратились в поговорки. Например: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Оставил он след и в русской истории. У него сложились непростые, многогранные отношения с императором Александром I — победителем Наполеона. И Александра Талейран тоже успел предать. Вообще в отношениях с людьми он выжидал подходящего момента для предательства. И в сущности, не ошибался.

Шарль Морис де Талейран-Перигор родился 2 февраля 1754 года в Париже. Предки Талейранов служили, по легенде, еще Каролингам, затем Капетингам. Считалось, что при Гуго Капете, основателе династии Капетингов, который стал королем в 987 году, был некий Адальберт Перигорский.

На гербе Талейранов три золотых орла в лазурных коронах, с хищно раскрытыми клювами. Автор биографии Талейрана Ю.В. Борисов рассказывает такое предание. Во время Столетней войны Талейраны перебежали из французского лагеря в английский. И там один из них получил поручение отправиться обратно во французский стан, к королю Карлу V, который в истории остался с прозвищем Мудрый, и попытаться его подкупить. Из этого, конечно, ничего не вышло. Но говорили, что значительная часть суммы, выделенной на подкуп, 10 тысяч золотых ливров, осталась у того, средневекового Талейрана.

Отец Шарля Мориса — Шарль Даниэль Талейран, князь Шале, граф Перигор и Гриньоль, маркиз Эксдей, барон де Бовиль и де Марей. Ему было 20 лет, когда родился его сын. Мать — Александрина Мария Виктория Элеонора Дама-Антиньи — тоже из очень знатной семьи. Она была на шесть лет старше мужа, что не помешало их благолепным отношениям. Оба служили при дворе французского короля Людовика XV. В годы, предшествовавшие революции, двор отличался развратностью. Там властвовала умами и настроениями, несмотря на всеобщую ненависть, знаменитая мадам Помпадур, получившая титул графини Дюбарри.

Отец Талейрана был воспитателем дофина, будущего Людовика XVI, мать — придворной дамой. Они относились к своим обязанностям очень строго, отдавались службе, мало заботясь о воспитании родного сына.

После крещения малыша прямо возле церкви отдали кормилице, которая на четыре года увезла его в парижское предместье. Все это время он не знал родительской ласки. Об этом он рассказывает в мемуарах и, по-видимому, искренне: «Мое воспитание было в какой-то степени предоставлено случаю. Родительские заботы еще не вошли тогда в нравы». Слишком большое внимание к ребенку показалось бы окружающим педантизмом, еще хуже — выглядело бы смешно. Немодно было в кругах высшей аристократии суетиться вокруг младенцев. Хочешь быть придворным — занимайся двором.

Итак, о нем не очень пеклись. Нянька, у которой он рос, положив его однажды на комод, не уследила, — младенец упал и повредил ногу. Об этом никому не сказали. Травма развивалась, болезнь коснулась и второй ноги. Юный Талейран вынужден был носить ортопедический башмак, тяжелый, грубо схваченный штырями. Так что мальчику приходилось нелегко.

Родители могли помышлять исключительно о военной или придворной карьере для сына, но хромой он для этого не годился. Осталось единственное поприще — духовное, которое было ему глубоко чуждо.

Вот как сам Талейран вспоминает об этом: «Мои родители, считая, что я не могу сделаться военным без ущерба для их карьеры, решили подготовить меня к другой деятельности. Это казалось им более благоприятным для преуспевания рода. Дело в том, что в знатных семьях любили гораздо больше род, чем отдельных лиц».

Хромота Шарля Мориса заставила родителей обращать больше внимания не на него, а на его брата. Старший же сын чувствовал себя обездоленным.

Только однажды он на некоторое время обрел счастье: в четыре года его отправили в замок около городка Шале, к прабабушке по отцовской линии, которую он называл бабушкой, Марии-Франсуазе де Рошешуар. Ей, внучке Кольбера — министра Людовика XIV, было 72 года. И вдруг ей захотелось взять к себе этого маленького мальчика. Талейран пишет, что тогда впервые испытал счастье любить.

С замком прабабушки связано важное событие. Во времена Людовика XIII им владел любимец короля граф Анри де Талейран. Он участвовал в заговоре против самого кардинала Ришелье. Всесильный кардинал добился, чтобы Людовик XIII дал согласие на казнь своего любимца. С тех пор замок был овеван мрачным духом. Талейран с детства боялся заговоров. Сам в них участвовал. Но опасался заговоров против себя.

Было и еще одно очевидное следствие лет, проведенных у прабабушки. Здесь Талейран впервые попал в высшие круги — начали формироваться притязания, свойственные ему потом на протяжении всей жизни, его готовность чуть ли не на равных говорить с царствующими особами.

Когда Шарлю Морису исполнилось шесть лет, его снова отправили в Париж. Дорога в дилижансе из Шале, с юго-запада Франции, заняла 16 дней.

Мальчика поместили в колледж Аркур, где раньше учились Расин, Дидро и другие достойные люди. Там Талейран освоил древнегреческий, латынь, читал Цицерона, а также современных авторов, например Дидро и Монтескье. Это было легкое дуновение вольнолюбия.

В 14 лет Талейран в духовной семинарии. Заранее его даже не предупредили — просто переместили, как вещь. Аристократический род распоряжался богатством, в том числе своими отпрысками.

Потом была Сорбонна, которую Талейран окончил в 1778-м, когда ему исполнилось 24 года.

У него был крестный отец, дядя по отцовской линии, видный церковный деятель Александр Анжелик. К тому времени дядя стал человеком очень влиятельным, архиепископом Реймским. Благодаря его поддержке Талейран не просто получил сан священника, но через десять лет сделался епископом. Случай вопиющий. Ведь Талейран вел себя совершенно не как священник.

Он никогда не хотел этой службы и теперь пренебрегал ею: увлекался азартными играми, любил женщин — у него было множество возлюбленных.

Ровно за год до революции этот негодный священник стал епископом Отенским, получив назначение при одобрении короля

Людовика XVI. Даже мать Талейрана, женщина благочестивая, была против этого и говорила, что ее сын не годится для такого сана. Но безвольный Людовик XVI под давлением дядюшки Александра подписал назначение и сказал о Талейране: «Это его исправит». Конечно, он ошибался. Однако назначение подхлестнуло честолюбивые устремления Талейрана. Врожденное честолюбие толкало его к тому, чтобы сделаться заметным человеком. И вовсе не в церковных рядах. Ему хотелось выдвинуться на политической арене.

Время было для этого самое подходящее. В стране бурлили предреволюционные настроения. Первое замеченное общественное деяние Талейрана — это осуждение так называемых королевских лотерей в беспомощной попытке гибнущего правительства Людовика XVI любым способом собрать деньги. Казна опустела, и, чтобы наполнить ее, были организованы королевские лотереи. И вдруг епископ Отенский, недавний поклонник азартных игр, объявил это безнравственным, что обеспечило ему некоторую известность.

Он создал в Париже салон, по существу — общественный клуб, место дискуссий, обсуждения идей, посеянных французскими просветителями, и грядущих перемен (никто не сомневается, что они на пороге).

Высокий, стройный, с красивыми светлыми волосами, Талейран в эти годы пользовался огромным успехом у женщин. Он выработал такую походку, которая делала практически незаметной его хромоту. Среди его возлюбленных — известная актриса Доротея де Ренвель, затем графиня Аделаида де Флао, с которой была прочная связь, почти брак. У них даже родился сын.

Но Талейрану недостаточно было салона и бурной личной жизни. Ему хотелось общественного поприща. Он нашел его в 1789 году, когда обреченная французская монархия в последнем отчаянном стремлении что-то предпринять созвала Генеральные штаты. Он стал депутатом от духовенства. Начался короткий этап его, так сказать, революционной деятельности. Во всяком случае, он участвовал в написании Декларации прав человека и гражданина, и один из ее пунктов принят в его редакции.

Осенью 1789 года он выступил с предложением, невозможным для епископа, — о конфискации церковных имуществ. За это он был отлучен папой римским от церкви, что означало разрыв с верой и семьей. Это была его личная революция. Правда, есть версия, что он неплохо нажил на этом.

А в 1790 году он предложил устроить торжества по поводу первой годовщины падения Бастилии. В тот момент в нем пробудился позже не раз проявлявшийся режиссерский талант.

Талейран сам участвовал в этом громадном действе и, несмотря на отлучение от церкви, отслужил мессу. А сразу после мессы отправился в игорный дом, где счастье в тот день было на его стороне: он выиграл очень много денег.

Правда, служа революции, Талейран не вполне отошел от монархизма. В 1791 году он направил две записки Людовику XVI, предлагая свои услуги несчастному королю, чья жизнь висела на волоске. Никаких действий не последовало, но эти записки потом сыграли в жизни Талейрана роковую роль.

Революция разгорелась. Благодаря сложившейся еще в годы существования салона дружбе с графом-революционером Оноре Мирабо Талейран после его смерти в 1791 году пришел ему на смену во главе дипломатического комитета. Это назначение он получил от революционного правительства. Он, можно сказать, участник Французской революции. И этот человек выдвинет в конце своей жизни, после поражения Наполеона, принцип восстановления всех законных государей Европы (принцип легитимизма) и будет служить последним французским монархам! Удивительное сочетание несочетаемого!

Революционная Франция была окружена врагами, против нее выступала коалиция европейских государств. Будучи главой дипломатического комитета, Талейран был направлен якобинцами в Англию с целью добиться или союза, или хотя бы нейтралитета по отношению к революционной Франции. Миссия не была триумфальной. Она не то чтобы провалилась — просто кончилась ничем.

И как раз в это время в Париже нашли записки Талейрана, которые он писал Людовику XVI. Нашли, благодаря другой, знаменитой находке — переписке Мирабо. В потайном сейфе Версальского дворца была обнаружена тайная переписка графа-революционера с королевским семейством. И там же — две записки Талейрана с предложением помощи Людовику XVI. Видимо, он писал их, когда не был уверен, что ему следует встать на сторону революции.

После обнаружения компрометирующих бумаг Талейран не мог вернуться во Францию. Революционное правительство включило его в список эмигрантов. Это означало, что на родине его ждет как минимум тюрьма. А может быть, и гильотина.

Талейран уехал в Америку и провел там более двух лет. Кстати, эту молодую страну он оценил очень верно — писал, что, когда она придет в Европу, ее влияние будет ни с чем не сопоставимо. Чем он занимался два года в Америке? Предпринимательством, как мы скажем сегодня. Он окупился в куплю-продажу земли. Сделался среднего масштаба

капиталистом. Но этого ему было недостаточно. Он хотел стать богатым. Очень богатым!

Тем временем друзья в Париже хлопотали за него. И когда в 1794 году якобинское революционное правительство рухнуло, он был прощен. Вернувшись, он стал поддерживать новую власть — Директорию. Это было циничное переходное правительство богачей, нажившихся на революции. Грубо говоря, эти люди прибрали к рукам все, что, на их взгляд, плохо лежало. Талейран твердо встал на их сторону.

Одна из возлюбленных Талейрана, известная писательница мадам де Сталь, сблизила его с членом правительства Полем Баррасом. И в 1797 году Талейран первый раз стал министром иностранных дел.

Значительно позже, после разрыва, оскорбленная мадам де Сталь заявляла, что за два года в этой должности Талейран получил в виде взяток 13,5 миллиона франков. Неизвестно, насколько точна эта цифра. Но он разбогател, найдя более надежный источник, чем азартные игры и торговля землей.

Чутье не подвело его и в дальнейшем. Талейран очень своевременно разглядел Наполеона Бонапарта. Когда считалось, что генерал Бонапарте отражает удары врагов и продолжает дело Французской революции, Талейран, с ним даже не встречавшийся, сказал о нем: «Какой человек наш Бонапарт! Ему еще нет 28 лет, а над его головой все виды славы: слава войны, слава мира, слава сдержанности, слава благородства, он имеет все!»

Лесть стала нормой в его отношениях с Бонапартом. Талейран льстил ему самому, называя его гением, льстил и угождал его жене Жозефине. Когда же Бонапарт оставил Жозефину, Талейран сватал ему других женщин.

В 1799 году Талейран снова министр иностранных дел и участвует в подготовке знаменитого переворота 18 брюмера — прихода Бонапарта к власти. Совершается первое крупное предательство — предан Баррас, который помог ему вернуться из Америки и назначил его министром.

Приспособляемость Талейрана была просто феноменальна. В 1802 году, уже будучи около Бонапарта, своевременно предложив ему стать первым консулом, Талейран писал ему: «Я скучаю без Вас, когда я Вас долго не вижу».

В 1802 году Талейран участвовал в подготовке конкордата с Римом о восстановлении во Франции католической религии. Этот священник-расстрига теперь, когда ситуация изменилась и правящие круги хотели вернуть страну в лоно церкви, готовил соглашение с римским папой. В благодарность папа Пий VII снял

с него отлучение от церкви, более того — дал церковное освящение его брак у.

В ходе революции Талейран снял с себя церковное облачение и объявил, что больше епископом не является. А потом захотел официально жениться. Он встретил единственную женщину, о которой сказал: «Я ее люблю». Это была некая госпожа Гран. Дочь чиновника, родилась в Индии. Отец — француз, служивший на датской таможне. Пятнадцати лет ее выдали замуж за старика, она сбежала от мужа в Англию, потом во Францию. Ее единственный капитал — невысказанная красота.

Эта женщина везде встречала покровителей, ис 1797 года она была любовницей Талейрана. Аристократические круги Франции оказались шокированы этим сожителем. Но за своего министра хлопотал сам Наполеон, и папа освятил брак Талейрана с этой неизвестной женщиной, малообразованной и очень любившей деньги. Правда, супруги вскоре разъехались, а через несколько лет окончательно расстались. Госпожа Гран жила в Париже и умерла раньше бывшего мужа на несколько лет. Его это уже не волновало, хотя он и пережил что-то вроде любовного чувства.

Будучи рядом с Наполеоном Бонапартом, Талейран проявлял иногда излишнюю горделивость, вызывал раздражение, но в целом был полезен. В 1804 году он стал организатором убийства герцога Энгиенского — самого заметного в тот момент отпрыска королевского дома Бурбонов. Молодой, красивый, обаятельный офицер, он жил в Германии, заговоров не плел, вообще политикой не занимался. Его похитили, вывезли во Францию и практически без суда расстреляли во рву Венсенского замка. Именно Талейран толкал на это Наполеона, говоря, что герцог Энгиенский якобы готовил покушение на его жизнь. Это была абсолютная клевета. Убийство герцога Энгиенского Наполеон считал потом самым большим своим грехом.

Однако, став императором, Наполеон присвоил Талейрану титул обер-камергера, то есть еще больше приблизил его к себе. А в 1806 году передал ему в управление княжество Беневент в Италии, то есть сделал его князем (или принцем, в зависимости от перевода). Талейран оказался как бы в составе правящего королевского семейства. Выше подниматься было практически некуда.

Но к этому времени у него начались расхождения с Наполеоном. В мемуарах Талейран напишет о нем: «Он взошел на трон, замаранный невинной кровью, которая была дорога Франции в силу древних и славных воспоминаний». Вот такой перевертыш. По мысли Талейрана, «вовремя предать — это не

предать, а предвидеть». Он считал себя вовсе не предателем, а разумным, деловым человеком, который строит свою карьеру вопреки тому, что жизнь готова его обделить.

В 1809 году Талейран ушел в отставку, вполне добровольно, как будто заранее ощутив предстоящее падение Наполеона. Когда французская армия потерпит поражение в России, Талейран скажет: «Это начало конца».

Он жил в Париже на очень широкую ногу. У него был громадный дом — 33 комнаты. Почти дворец. Там в 1814 году остановился император Александр I. Отставной Талейран, наблюдая крах Наполеона, установил связи с российскими властями. Он стал информатором — кем-то вроде тайного агента. У него были даже особые клички в переписке с русским двором.

Но и здесь вскоре началось охлаждение. Дело в том, что Талейран в довольно несветской манере попросил Александра I предоставить ему колоссальный заем — 1,5 миллиона франков, пообещав, что вернет при случае, когда сложатся благоприятные обстоятельства. Такс императорами не обращаются. Отношения с русским двором прекратились.

Тем не менее впереди у Талейрана оставалось несколько звездных часов.

В 1814 году произошла реставрация Бурбонов. На престол вошел Людовик XVIII, брат казненного Людовика XVI.

Низвергнутый Наполеон говорил: «Я гибну от предательства. Талейран предал религию, Людовика XVI, Учредительное собрание, Директорию. Почему я его не расстрелял?» И во время знаменитых Ста дней Наполеона Талейран не перебежал обратно к своему бывшему хозяину: чувствовал, что это ненадолго, видел, что ничего не получится.

В 1815 году Талейран по поручению Людовика XVIII представлял потерпевшую поражение Францию на Венском конгрессе. Там он был замечен, потому что со страстью служил интересам Бурбонов. Он состязался с самим Меттернихом, австрийским министром иностранных дел, крупнейшим европейским дипломатом. Талейран хорошо понимал расстановку сил в Европе, разбирался в тонкостях международных отношений.

Во время Венского конгресса он еще раз показал себя как талантливый режиссер. По его предложению в годовщину казни Людовика XVI, 21 января, была устроена траурная церемония. А ведь в разгар карьеры Наполеона Бонапарта Талейран предлагал ему организовать праздник в тот же день и по тому же поводу!

В одном из соборов Вены был установлен громадный катафалк, по углам его — аллегорические статуи: скорбящая Франция и плачущая Европа. Хор из 250 человек исполнял

реквием. Режиссерские способности Талейрана были просто исключительны.

Но Венский конгресс, где он так ярко показал себя, не стал началом нового взлета его карьеры. И хотя сразу после конгресса была введена должность премьер-министра Франции и Талейран занял ее, пробыл он на ней всего две недели. А потом на 15 лет оказался в отставке. Правящие монархические круги Франции использовали его в своих интересах на конгрессе, но все-таки не простили ему революционного прошлого.

Бурбоны умели платить за заслуги. Талейрану дали титул герцога Дино, наследственного пэра Франции. Он мог возвращаться в свете, но уже не имел реальной власти. К тому же он был уже стар.

Но в 76 лет он снова на службе — после Июльской революции 1830 года, которая свергла Бурбонов, уже при Луи-Филиппе, представителе Орлеанской линии правящего дома Франции. Талейран — посланник Луи-Филиппа в Англии. Несмотря на преклонный возраст, он вполне справляется со своими обязанностями. И только через четыре года — в 80 лет — уходит в отставку.

В последние годы жизни он пишет мемуары. У него изящный слог и ироничный взгляд на вещи. Много шуток, немало тонких высказываний. Он умел высмеять человека. Впрочем, и сам был объектом насмешек. На одной из карикатур он изображен с шестью головами. У каждой — длинный язык, на котором написано, кому он служит: Директории, республике или монархии.

Незадолго до смерти Талейран успел покаяться перед церковью. Получил отпущение грехов. Он все время улаживал дела. И загробные тоже. Может быть, он полагал, что готовит свою дальнейшую карьеру в ином мире.

К нему приехал попрощаться король Луи-Филипп со своей сестрой, которая покровительствовала Талейрану. То есть его уход из жизни соответствовал всей предшествующей биографии. Все организовано, все продумано и сделано на самом высоком, аристократическом уровне.

Талейран говорил: «Я останусь в Истории, я останусь в памяти людей».

При этом не уточнял, каким именно он останется. И остался — крупным дипломатом и великим предателем.

Наполеон Бонапарт. Император Революции

Писать о Наполеоне Бонапарте — дерзость. Не будет ошибкой сказать, что это самая знаменитая жизнь в европейской истории Нового времени. Всего 52 года, причем последние 6 лет — в заточении на острове Святой Елены. То есть 46 лет активной жизни. А биография ослепительна, незабываема, отражена в художественной литературе, в театре, в кино, в музыке — везде. Военные победы легендарны — чего стоит, например, битва на Аркольском мосту. Вспоминается полотно художника Гро: как прекрасен молодой Бонапарт, худой, с длинными волосами, с одухотворенным лицом, со знаменем! Наверное, придворный художник льстил своему господину, но сам эпизод — правда. Действительно, схватив знамя, этот человек под шквальным огнем ринулся вперед. Он не раз был ранен, получил контузию, во время Итальянской кампании под ним убили 19 лошадей — все это правда. И он таков.

Оценки Бонапарта в мировой истории: от революционера — «императора свободы», до «корсиканского чудовища» и «минотавра». Его поклонники доходят до обожествления. Но есть и ненавистники. Порой кипят такие страсти, что кажется, будто Наполеон жив до сих пор.

Будущий политик и великий завоеватель родился 15 августа 1769 года в городе Аяччо, на Корсике. Это была глухая провинция. Около 300 тысяч населения. Корсиканский язык, в котором слиты диалекты итальянского — чизмонтанский, близкий к тосканскому, и ольтремонтанский. Редкий язык, родственник северосардским диалектам. Особый образ жизни, в котором сохранилось немало родовых пережитков, в том числе знаменитая вендетта — кровная месть.

Исконное население Корсики и Северной Сардинии — корсы. Горцы, скотоводы. Энциклопедия официально сообщает о них: этническая принадлежность не установлена. В VI–IV веках до н. э. они подчинялись этрускам — тоже загадочному народу, чья письменность, между прочим, до сих пор не расшифрована, позже — грекам-фокейцам, карфагенянам, прибывшим из Финикии в Северную Африку, наконец, римлянам. И только в 1755 году Корсика попробовала стать самостоятельной — свергла генуэзскую власть.

Формально Корсика продолжала зависеть от Генуи, но фактически с 1755 по 1769 год была самостоятельна. А через 14 лет Франция, которой правил Людовик XV, купила у Генуи права на Корсику, которую та реально не контролировала. И уже после

этого французская армия фактически завоевала, оккупировала остров. Французы пришли как хозяева. Это произошло за несколько месяцев до рождения Бонапарта.

Главным героем корсиканского сопротивления стал некто Паскуале Паоли. Он вынужден был эмигрировать. Но корсиканцы еще долгое время надеялись изгнать французов так же, как некогда генуэзцев.

Обратим внимание на этот факт: Наполеон Бонапарт не француз, более того — иностранец. Это сейчас Корсика — департамент Франции. А в 60-х годах XVIII века она была завоеванной территорией.

Фамилия Буонапарте звучала очень по-корсикански, поэтому в дальнейшем, «превращаясь» во француза, Наполеон трансформировал свое имя в Бонапарт. Его отец — Карло Мария Буонапарте — происходил из древнего тосканского патрицианского рода. Правда, патрицианский род во Флоренции — это отнюдь не аристократы. Городская верхушка, ставшая знатью в эпоху Возрождения. Позже семья выправила себе бумаги, подтверждавшие дворянское происхождение. И для Корсики фамилия была, безусловно, знатная. Английский историк Десмонд Сьюард замечает о происхождении Бонапарта: «Все-таки, называясь аристократией на Корсике, они были малограмотными мелкими землевладельцами. В сущности, это те же крестьяне, но только с фамильным гербом».

Отец смолоду имел прозвище, которое ему очень нравилось, — Карло Великолепный. Он получил его за его блестящие манеры и умение пустить пыль в глаза. Это был светский человек.

Мать, Летиция, совершенно другая. Наполеон Бонапарт обожал ее до конца своих дней. Он часто вспоминал ее в заточении и говорил, что она очень во многом оказалась права. Летиция происходила из простой семьи — из горцев-крестьян. В юности скакала верхом, участвовала в борьбе за независимость Корсики, носила за поясом стилет. Была невероятно трудолюбива и предана интересам семьи, по-своему обаятельна, но очень скупа и суеверна.

Еще один родственник, сыгравший важную роль в жизни Бонапарта, — дядя по имени Лючиано Буонапарте, архидьякон Аяччо, один из самых образованных людей на Корсике. Он приобщил племянника к книгам. Он же добился от архиепископа Пизы документа о дворянском происхождении Буонапарте. В монархической Франции это было чрезвычайно важно для семьи и, прежде всего, помогло Наполеону получить образование за счет королевской казны.

Брак родителей был очень ранний: ему 18, ей — 14 лет. Романтический юноша Карло Мария Буонапарте участвовал в восстании Паоли. Руководитель восстания, лидер движения за независимость Корсики, лично присутствовал на его свадьбе. По легенде, именно Паоли настоял на этом браке: каждый корсиканец должен был создать семью, перед тем как уйти в поход.

Семья оказалась крепкой. У Карло и Летиции было 12 или 13 детей, из которых выжило 8 — 5 мальчиков и 3 девочки. Великий Наполеон был вторым по старшинству. И всю жизнь он заботился о братьях, сестрах, прочих родственниках. Причем надо сказать, что большинство из них предали его, когда в конце жизни у него настали тяжелые времена.

На Корсике шла война. Поскольку сторонники Паоли были разбиты французскими войсками, семье Буонапарте пришлось скрываться в лесах. Мама Летиция не зря вызывала восторг и у своего знаменитого сына, и у многих других современников. Еще совсем юная, беременная старшим ребенком, а потом — с младенцем на руках, она была вместе с мужем, когда он был вынужден прятаться.

Вернуться к нормальной жизни стало можно благодаря новому французскому губернатору Марбефу. Сознывая влияние большой семьи Буонапарте, он не только избавил Карло Марию от преследований, но и приблизил его, взяв к себе на службу.

Семья Буонапарте занимала первый этаж большого дома. Выше жили родственники. В общем, семейный клан. Будущий император родился в прихожей, на ковре. Схватки у Летиции начались в церкви, она поспешила, со службы домой, но не дошла даже до спальни. По словам одного из биографов, Наполеон появился на свет, «проявив ту внезапность и стремительность, которую будет проявлять всю жизнь».

У Наполеона было типичное «босоногое детство». Материально большой семье жилось непросто. Детям предоставлялась большая свобода, они резвились на улицах. Наполеон был одним из самых отъявленных драчунов, никогда и никому спуска не давал.

Непростым характером отличался и его отец. Со временем у него развилась склонность к конфликтам. Например, он подал в суд на родителей своей жены Летиции за то, что те в течение 10 лет не выплатили ее приданое.

А однажды кузен Поццо ди Борго, живший этажом выше, вылил на Карло содержимое ночного горшка. Карло и на него подал в суд. Интересно, что через многие годы сын Поццо, находясь на службе российского императора, будет агитировать

против Наполеона. Вот что такое настоящая мстительность.

Отец очень заботился об образовании сыновей. Первоначальной корсиканской грамоте их обучали местные монахи. Дети сначала плохо говорили по-французски. Корсиканский акцент и позже оставался одной из проблем юного Бонапарта.

Первым учителем французского правописания стал аббат Рекко. В те годы дети рано начинали читать. Наполеону еще не было девяти лет, а он уже читал в отцовской библиотеке Плутарха, Цицерона, Вольтера, Руссо. И любовь к этим авторам сопровождала его почти всю жизнь. Вплоть до Русской кампании он не расставался с кумирами своей юности, веря, что все еще несет по Европе знамя революции.

Но тогда до начала Великой французской революции было еще далеко. В 1779 году маленького Наполеона отдали в военную школу в Бриенне — крошечном городке недалеко от Парижа. Попасть туда с Корсики было непросто — понадобились связи отца и губернатора Корсики.

В бриеннской школе учились молодые французские дворяне. И пять лет пребывания там были очень важны для Наполеона. Он изучал историю, математику. Блистательных успехов в науках не было, хотя учителя и считали юношу способным к математике. Он замечательно считал в уме. Но ему плохо давались языки, в том числе латынь. А о немецком он в будущем сказал: «Как его вообще можно выучить? Как вообще можно знать хоть одно слово на этом языке?» Поначалу были проблемы и с французским — этот ужасный корсиканский акцент! Не удивительно ли, что потом Наполеон стал литератором, чьи произведения имеют безусловные стилистические достоинства?

Родители привезли сына в Бриенн и уехали. В 14 лет, когда ему оставался всего год до окончания школы, он писал отцу и матери: «Если вы или мои крестные не способны обеспечить мне достаточно средств для поддержания мною в колледже достойного существования, то в таком случае обратитесь с письменной просьбой о моем скором отъезде домой. Я устал представлять нищим в глазах других и терпеть бесконечные насмешки высокомерных юнцов, чье превосходство надо мной заключается единственно в их богатом происхождении». Важные слова! Именно так зреют революционеры. Не случайно юный Бонапарт будет сторонником идеи равенства.

В школе мальчика-иностранца из небогатой семьи, говорившего с сильным акцентом, очень обижали. Но он скоро стал блестящим фехтовальщиком. И как в раннем детстве, никому спуска не давал.

30 октября 1784 года, в возрасте 15 лет, Наполеон окончил школу и был, как тогда выражались, «похвально аттестован». Его сразу же приняли в качестве стипендиата в высшее учебное заведение — *Ecole royale militaire* (Парижскую королевскую военную школу).

Там он проявил безусловные способности в области тригонометрии и связанной с ней баллистики, а это открывало путь в артиллерию. «Тригонометрия была придумана для меня», — говорил Наполеон. Но тянуло его не в артиллерию, а в кавалерию, больше подходившую для дворян.

Наполеон проучился в Военной школе всего несколько месяцев, когда семью постигло горе — смерть отца, скончавшегося в 38 лет от скоротечного рака желудка. И хотя старшим из сыновей был Жозеф, именно Наполеон Бонапарт в 15 лет стал главой семьи. Такова была воля умирающего отца. Надо сказать, он в своем выборе не ошибся.

В Военной школе Бонапарт имел репутацию заносчивого, капризного ученика. А одним из его преподавателей был великий математик, физик и астроном П.С. Лаплас. Он поставил будущему императору отнюдь не высшие баллы — Наполеон был 42-м из 58 учащихся. А заканчивал он учебу экстерном. И экзамены, в том числе и Лапласу, сдал успешно.

В 1785 году Наполеон Бонапарт окончил Военную школу в чине поручика — младшего лейтенанта — и получил назначение в провинциальный гарнизон. Сначала он служил в Балансе, потом в Оксонне. Это городки, которые не сразу найдешь на карте Франции. Два слова точнее всего характеризуют его положение в гарнизонах — «нищета» и «тоска». Ели два раза в день, преимущественно хлеб и молоко, на большее не было средств. Старался скрывать свое тяжкое положение, но его выдавала изношенная, неоднократно перелицованная одежда. И несмотря на все это, Наполеон взял к себе младшего брата Люсьена и очень о нем заботился.

Но были в тоскливой провинциальной жизни и светлые минуты. В Балансе случилась первая любовь. Это была девушка из хорошей семьи Каролина дю Коломбье. В дом ее матери приглашали молодежь. И Наполеон Бонапарт, при всем своем зыбком материальном положении, сумел обратить на себя внимание. Говорят, в его мрачности было что-то романтическое. Кстати, в будущем его любимым произведением стали сентиментальные «Страдания юного Вертера» Гёте. Между Наполеоном и юной Каролиной возникло именно романтическое чувство. Тридцать лет спустя он запишет: «Мы назначали друг другу маленькие свидания. Особенно мне памятно одно, летом,

на рассвете. И кто может поверить, что все наше счастье состояло в том, что мы вместе ели черешни!»

Спасаясь от гарнизонной тоски, 19-летний Наполеон Бонапарт в 1788 году попытался стать наемником на службе... у русского императора. В этот момент по заданию Екатерины Великой в Европе набирали войска для Русско-турецкой войны. Но вербовщики должны были принимать добровольцев только с понижением в чине. Наполеон от этого отказался. А какого офицера могла приобрести русская армия! Какая ирония судьбы! Будущий великий полководец выбежал из комнаты в слезах (у него всегда был бурный темперамент) и заявил: «Пойду к прусскому королю, и он мне даст чин капитана!» Это было тогда пределом его мечтаний.

Стендаль — один из ранних биографов Наполеона Бонапарта и пламенный его поклонник — сказал об этом так: «Если бы не революция, не продвинулся бы он дальше чина полковника». Наверное, это правда. Наполеон действительно медленно поднимался по служебной лестнице. Восемь лет службы до его первого взлета.

Революция началась летом 1789 года, когда Наполеон был в отпуске на Корсике и подумывал о том, чтобы не возвращаться в полк. 20-летний Бонапарт принял революцию немедленно. Он писал крестному отцу: «После стольких столетий феодального варварства и политического рабства все поражены зрелищем того, как слово «свобода» воспламеняет сердца. Франция возрождается». Вернувшись в Баланс, он вступил в радикальный клуб друзей Конституции, по существу близкий к якобинству. Став членом клуба, Наполеон подписал обращение к конвенту с протестом корсиканцев против действий французских властей, но в самих революционных событиях не участвовал. Более того, они ему не нравились. Он любил порядок.

10 августа 1792 года в Париже Наполеон был свидетелем штурма Тюильри. Толпа ринулась во дворец. И у этого офицера, смелого, любившего драться, и мысли не возникло поддержать эту толпу. Более того, он увидел жестокость народа, отрубленные и насаженные на копья головы швейцарских офицеров, которые обороняли дворец и остались верны присяге. И тогда Наполеон сказал о восставших: «Мне бы сюда пушку — я бы показал этим канальям».

Получается, что Наполеон был за революцию как преобразование мира, против феодального варварства. Против того, что аристократия — это голубая кровь, а все остальные не люди. Против того, что законов нет, а царит только воля абсолютного монарха. Сохранились такие документы — *lettre*

ouvert — открытые письма. Это приказы об аресте и заточении с пропуском имени. Доверенные чиновники короля могли получить такое письмо с разрешением вписать имя того, кого считали нужным. Ужасы абсолютизма — это не фантазия, не романтическое преувеличение.

Но Наполеон не был и за бунт народный, черный и безумный. Он пытался различать темную стихию бунта и сознательные революционные действия.

Вступив в 1792 году в Национальную гвардию, которую возглавлял умеренный революционер маркиз Лафайет, Наполеон был избран — именно избран! — подполковником. Он получил чин не от короля, а от своих подчиненных. И подполковником он отправился на Корсику, где еще в начале революции, в 1789 году, участвовал в выступлениях против действий местных властей. Теперь он добился, в том числе угрозами и насилием, чтобы его избрали начальником батальона Национальной гвардии, и попытался реализовать идеи равенства в масштабах родного острова.

В 1793 году, в период якобинской диктатуры, Наполеон провел на Корсике девять месяцев и потом сожалел о том, что он оставался в стороне от главных событий. В этот период он совершенно разошелся с возвратившимся из эмиграции Паоли. Прежний лидер вновь выступил с лозунгом борьбы против Франции. А Бонапарт сказал: «Нет. Франция — это революция, и бороться с Францией не надо». Тогда его объявили на Корсике изменником, врагом, и посадили в крепость, откуда он бежал. Бегство это было поистине романтическим! Он плыл на лодке, скакал на лошади, шел пешком. Он успел вывезти свою семью в Южную Францию, в Марсель. Дом на Корсике был сожжен былыми единомышленниками.

Корсиканцы еще гибли в сражениях против французов, а Наполеон уже был уверен, что Франция — это идеи Руссо, это дух революции. Потеряв время на Корсике, он искал себе применение во Франции. Он поступил в армию генерала Карто, который осаждал Тулон — крепость на юге Франции, занятую англичанами. Здесь Бонапарт стал командиром артиллерии. И случилось то, что сделало название Тулон именем нарицательным. Герой Л.Н. Толстого князь Андрей Болконский мечтал о своем Тулоне. О событии, в котором человек доказывает, что он герой.

Назначение в армию генерала Карто, который осаждал Тулон, Наполеон получил по протекции: одним из комиссаров Конвента был некто Кристоф Саличетти, знавший семью Буонапарте по Корсике. А у корсиканцев, как у всякого маленького народа, было

принято поддерживать друг друга.

Тулон — город-порт на берегу Средиземного моря на юге Франции. На рубеже новой эры там была римская крепость. А в конце XVII столетия знаменитый французский военный инженер С. Вобан превратил Тулон в крепость нового времени, столь неприступную, что в самом начале XVIII века, при Людовике XIV, эту крепость не смог взять сам принц Евгений Савойский, один из величайших полководцев Западной Европы, возглавлявший армию «Священной Римской империи».

В июле 1793 года французские контрреволюционеры в союзе с английским флотом захватили Тулон. Вернуть его было практически невозможно: крепость оставалась неприступной.

Наполеон Бонапарт был назначен командовать артиллерией под стенами Тулона. И показал, кто он такой. По его собственным словам, под Тулоном он испытал «первый поцелуй славы». Сначала он так организовал действия артиллерии, что английские корабли ушли, спасаясь от шквального огня. Затем лично, на коне, возглавил атаку. Штурм проходил под проливным дождем. Лошадь под Наполеоном была убита, сам он ранен в ногу, но ранение скрыл. Третьим по счету ворвался в пробоину в стене Тулона. Лично взял в плен командующего гарнизоном английского генерала О'Хара.

Взятие Тулона 17 декабря 1793 года сразу же прославило Бонапарта. Он был замечен якобинцами. Никто не знал, что им оставалось быть у власти меньше года. А пока комиссар конвента, родной брат Максимилиана Робеспьера Огюстен Робеспьер, и Кристоф Саличетти представили героя конвенту. Огюстен Робеспьер писал брату: «Этот человек наделен сверхъестественными способностями».

Свидетель Тулона генерал Дюгомье характеризовал Наполеона так:

«Большие научные сведения, такой жеум. А храбрость даже чрезмерная. Вот слабый очерк достоинств этого редкостного офицера». И дальше потрясающая фраза: «Повысьте его, иначе он сам возвысится».

И его повысили. Наполеон был произведен из капитанов прямо в бригадные генералы — революционным образом. Такая карьера вообще возможна только в революционной обстановке.

К Бонапарту пришел достаток. После бегства с Корсики его семья бедствовала. Теперь у него были прекрасная должность, хорошее жалованье. Казалось бы, живи да радуйся. Но нет! Он составляет колоссальные планы, предлагает революционному правительству расширение границ Франции, мечтает о походе в Италию, а потом — и в Индию. У него в сознании живет образ

Александра Македонского.

Но 27 июля 1794 года совершился антиякобинский переворот. Его устроили умеренные республиканцы во главе с Полем Баррасом. Их девиз — «Переворот и революция без тирании». При якобинцах все они боялись за свою жизнь. Карающий меч революции принял во Франции облик гильотины, которая стучала так устрашающе! Баррас и его сторонники, склонные к коррупции, каждую минуту ждали, что пламенный аскет Робеспьер отправит и их на эшафот.

В августе 1794 года Наполеон арестован как якобинец. Он действительно много писал о том, что поддерживает идеи Максимилиана Робеспьера, дружил с Огюстеном Робеспьером, вместе с ним составлял планы дальнейших походов против коалиции европейских государств. Он был революционером и на Корсике.

В тюрьме, в форте Карре близ города Антиб, Наполеон провел всего пятнадцать дней. Но реальная тень гильотины нависла над ним. Система работала все еще быстро, как при якобинцах. Робеспьера и его ближайших соратников казнили на следующее утро после ареста. Нечто подобное могло произойти и с Бонапартом. Один молодой офицер, который служил под его началом, знал его героем Тулона, предложил план побега. Но Наполеон, который некогда романтически спасся из тюрьмы на Корсике, теперь бежать отказался. Карьера была для него важнее жизни. Если бы он бежал — дальнейшее продвижение по службе было бы исключено.

Вместо этого он все 15 дней рассылал письма, ходатайства, искал покровительства, объяснял, что не знал истинного лица Робеспьера, а иначе порвал бы с ним сам. Наполеон подчеркивал, что верит в идеи революции и готов служить Республике. Власть сочла, что он может быть ей полезен. И не ошиблась.

Уже через два месяца, в октябре 1795 года, Наполеон Бонапарт по поручению нового правительства — Директории подавил мятеж роялистов, в котором участвовало 25 тысяч человек. Он опять мастерски применил артиллерию и справился с мятежом за четыре часа.

Генерал Бонапарт стал известен всей Франции и для многих сделался кумиром, а его поразительная карьера — образцом. Все было привлекательно: и революционные знамена, и личная храбрость, и заботливое отношение к солдатам. За него с восторгом проливали кровь.

На пороге карьерных высот Наполеон женился. Причем вовсе не на той, что была его невестой. Вопрос о браке с Дезире Клари — прелестной барышней, очень благовоспитанной и небедной,

считался решенным. Судя по всему, девушка очень его любила. Для Наполеона же это был скорее брак по расчету. Хорошее приданое, хорошая семья.

Но незадолго до свадьбы он встретил Жозефину Богарне, вдову казненного генерала. Ее первому супругу успели отрубить голову за три дня до антиякобинского переворота. Она хлопотала за мужа и тоже была заточена. В Бастилии у нее возник роман с еще одним узником — генералом Гошем. Но это чувство скоро прошло.

Когда через несколько недель после переворота в тюремном коридоре Бастилии прокричали: «Вдова Богарне, на выход, вы свободны!», она лишилась чувств. Она была на шесть лет старше Бонапарта, что в те времена казалось совершенно немыслимым для брака. Да и происхождение у нее было необычное — креолка с острова Мартиника, из потомков испанских и португальских завоевателей Америки. На руках у Жозефины двое детей от генерала Богарне — Евгений и Гортензия. Наполеон познакомился с Жозефиной в знаменитом салоне мадам Тальен.

Нельзя было назвать ее и красавицей в строгом смысле слова, однако многие говорили о ее необычайной грации и мелодичном голосе. Наполеон был ею покорен и женился по любви. Свадьба состоялась 8 марта 1796 года.

Прежде чем зарегистрировать в парижской ратуше гражданский брак с Жозефиной, Наполеон написал Дезире Клари и попросил у нее прощения. Но этого ему показалось мало, и он навестил ее в Марселе, чтобы попросить прощения еще раз. В ее письмах есть слова о том, что сердце ее разбито. Наполеон не оставил Дезире своим вниманием и дальше. Он нашел ей жениха. Кстати, он нередко именно так поступал со своими женщинами. Мужем Дезире стал генерал Бернадот. Уже став всесильным императором Франции, Бонапарт рассадил своих родственников по европейским престолом. Бернадот стал королем Швеции, а его жена Дезире — шведской королевой.

Через три дня после свадьбы Наполеон отправился в знаменитый итальянский поход, который он давно планировал. Почему им владела эта мысль? Конец XVIII века — время военно-политических коалиций. Против революционной Франции в разное время объединялись Англия, Австрия, Пруссия, Испания, Голландия, Сардинское Королевство (Северная Италия), Неаполитанское Королевство и Россия, всего было семь коалиций.

Бонапарт, получивший крайне слабую, полуразвалившуюся революционную армию, не просто навел в ней порядок, но и вооружил ее тем, что Л.Н. Толстой позже назвал «духом войска». Обращаясь к итальянцам, воевать с которыми шла его армия,

Наполеон писал: «Народы Италии! Французская армия пришла разбить ваши цепи». А цепи действительно были: слабая Италия страдала под властью Австрии. «Французский народ — друг всех народов!» — утверждал Наполеон.

Состоялись знаменитые битвы при Лоди, Кастильоне, при Арколе, где он бежал под огнем через мост, подхватив знамя, то, о чем тоже вспоминал князь Андрей. Вот что написал о нем в 1796 году русский полководец А.В. Суворов: «О как шагает этот юный Бонапарт! Он герой! Он чудо-богатырь! Он колдун!»

По словам Стендаля, на эти годы приходится «самая чистая, самая блестящая пора» в жизни Наполеона. Любовь, материальный достаток, возможность командовать войском. Мечты сбылись. А тлетворное, разрушительное влияние власти пока не сказалось.

Оценивая итальянский поход Наполеона, Стендаль утверждал, что «за один год молодой человек 26 лет от роду затмил таких полководцев, как Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, Фридрих Великий». Если даже не затмил — безусловно, оказался в их ряду. Сам Бонапарт ценил Александра Македонского как великого завоевателя. Сделавшись всесильным правителем, он расставлял в своем императорском дворце многочисленные скульптуры, в том числе и античные. На первом месте всегда был Александр.

Да, Наполеон превратился в овеванного славой героя, о котором говорила вся Европа. Монархи трепетали: бесстрашный генерал шел под знаменем революции. Его пока еще не называли корсиканским чудовищем. Но до этого было уже недалеко.

Победив в Италии, Наполеон начал проводить там преобразования. Он организовал в Северной Италии управление в республиканском духе. Для многих он был освободителем — его окружало обожание. Но была и зависть. Через друзей к нему стала поступать информация о том, что его собираются предать. Недруги ждали хоть какого-нибудь неуспеха в итальянском походе, чтобы отодвинуть с дороги слишком яркого генерала. Но он вернулся в Париж триумфатором. Окруженный восторгами, Наполеон, человек очень умный, с горечью заметил: «Народ с таким же воодушевлением бежал бы за мной, если бы меня везли на эшафот». Эти слова свидетельствуют о том, что романтическая пора его жизни осталась далеко позади.

Правившая во Франции Директория состояла преимущественно из людей корыстных и алчных. Они использовали возможности, которые дала им революция, чтобы грабить и наживаться. Боевой генерал, любимец народа не был им нужен в этот момент. И подвернулся случай отослать его от

себя.

Сам Наполеон не раз говорил о том, что главный враг Франции — Англия. Ударить по ней он предлагал в Египте — ее африканской колонии.

Директория радостно приняла эту идею.

В 1798 году Наполеон отправился в египетский поход. Из Тулона вышло 350 кораблей. Кроме войны против Англии Бонапарта вдохновляло и то, что пройти предстояло по местам завоеваний Александра Македонского. Когда Александр покорил Египет, жрецы Амона намекнули, что признают его сыном бога. Пройдет не так много времени — Бонапарт будет близок к этим идеям.

Человек неординарных решений, он взял с собой в Египет весь цвет французской науки — около ста человек. Ведь им предстоит исследовать древний мир пирамид. Именно после наполеоновского похода, в 1820-х годах, будут расшифрованы египетские иероглифы. Наполеон был автором множества афоризмов. В Египте он произнес: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с вершин этих пирамид!» А когда налетала берберийская конница, он отдавал команду: «Занять круговую оборону! Ослов и ученых на середину!» Он вовсе не хотел обидеть ученых. Английская эскадра к тому времени уничтожила у берегов Египта французский флот. Ослы оставались главным транспортным средством. То, что Наполеон ставил ученых, бесполезных для войны, на одну доску с ослиами, говорило о том, как он ценил ученых.

Наполеон наверняка думал, что египетский поход будет второй блистательной ступенькой в его славной биографии, но все сложилось не совсем так, как планировалось. Сначала ему действительно безумно повезло. Не зря он верил в своего ангела-хранителя и говорил: «Еще не отлито ядро, которое в меня попадет».

Когда начался поход в Египет, англичане хотели нанести французским кораблям удар в Средиземном море. Это была бы колоссальная победа. Английским флотом командовал сам великий Нельсон, овеянный славой непревзойденного флотоводца. Но ангел-хранитель спасал Бонапарта от Нельсона. Нельсон, не разгадав планы французов, ждал у Гибралтара, а Наполеон поплыл с юга Франции — и они разминулись. Потом Нельсон высчитал, что Бонапарт должен прибыть в Александрию, и двинул флот туда, но прибыл раньше — и опять разминулся с противником.

Когда же корабли уже были уничтожены флотом Нельсона в знаменитом сражении у острова Абукир 1–2 августа 1798 года,

Наполеон оказался «запертым» в Египте.

Война продолжалась на суше и была очень тяжелой. Наполеон знал в Египте и победы, и поражения, но в целом поход не складывался как триумфальный.

Один из известнейших эпизодов египетской экспедиции — события в Яффе (сейчас это территория Израиля). Французские войска были поражены эпидемией чумы. И Наполеон пошел в барак к чумным, чтобы поддержать их морально, он пожал руку человеку, больному чумой. В 1830 году об этом писал в стихотворении «Герой» А.С. Пушкин:

Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой.

В этом тексте отражен романтический образ, который долго вдохновлял современников. И пожалуй, в стихах Пушкина отмечено то лучшее, что было в натуре Наполеона. Однако именно во время этой кампании он совершил поступок, который осуждают даже его поклонники: приказал расстрелять четыре тысячи турецких янычар.

В 1799 году пришли газеты из Франции. До этого Наполеон их долго не читал. Он узнал, что во Франции очень сложное положение, войска Суворова уже у ее границ, в Северной Италии, и сражаются блистательно.

Бонапарт услышал о достойном сопернике. Им так и не суждено было столкнуться, хотя интересно, чем закончилась бы встреча двух великих полководцев.

Узнав о политическом кризисе во Франции, Наполеон понял, что это шанс получить власть. Романтически настроенные исследователи считают, что он бросился спасать Францию. Скорее всего, в его решении присутствовали разные соображения. По мнению замечательного советского историка А.З. Манфреда, Наполеон бежал еще и от надвигавшегося поражения в Египте. Так или иначе, он оставил армию и тайными путями, опять не попав в море в руки англичан, добрался до Франции. Будучи уже на ее территории, он получил официальное письмо от Директории: его просили прибыть в связи со сложным положением в стране. Понятно, что его артиллерия могла

понадобиться для подавления бунта.

В правительство Директории входили люди очень низких моральных качеств, но ловкие и расчетливые. Они готовили переворот и искали боевого генерала, который был бы способен его возглавить. Один из членов Директории, Сийес, откровенно «искал саблю» для его осуществления. Рассматривалась, например, кандидатура генерала Жубера, но он был убит в августе 1799 года. Генерал Моро сам «уступил» переворот Бонапарту, сказав, что «он устроит вам переворот гораздо лучше меня». В итоге члены Директории остановились на Наполеоне Бонапарте. И не ошиблись.

Государственный переворот состоялся 9 ноября 1799 года. Иногда говорят, что это означало конец революции. Нет, она просто была в новой фазе. Переворот осуществился путем насильственным, но не кровопролитным. Депутатов коллегиального органа — Совета пятисот — неожиданно, под предлогом некоей опасности, перевели в пригород Парижа Сен-Клу. Там им предложили признать, что управление страной меняется: у власти будут три консула, первый среди которых — Наполеон Бонапарт. Некоторые депутаты попробовали возражать. Тогда в помещение, где они заседали, ворвались люди Бонапарта, и один из них — богатырь из лавочников, в будущем маршал Мюрат — стал просто выкидывать их в окна.

Дальше был самый настоящий фарс. Спохватившись, что надо как-то закрепить решение о консулате, участники переворота поймали тех, кто недалеко убежал, согнали обратно в зал и спросили: «Кто за то, чтобы у нас было три консула?» Оказалось, что все за. Так Наполеон Бонапарт стал первым консулом. Он сам придумал себе эту должность, взяв ее из истории Древнего Рима. Тени античных предков всегда были в его голове.

С этого момента он стал, в сущности, единоличным правителем. Сначала было объявлено, что такое положение закрепляется, чтобы исправить положение во Франции, на 10 лет. А уже в 1800 году Наполеон объявил себя пожизненным консулом. Титул довольно нелепый! И называют его «господин пожизненный консул». Пока еще не «Ваше Величество». Но фактически монарх. Однако А.З. Манфред в своей известной монографии доказал, что приход Наполеона к единоличной власти не означал конца революции. Это был момент ее развития, ее логика. Революции не обходятся без вождей.

Что он сделал за время консульства? Опять проявил себя незаурядным человеком. Он приступил к реформам, которые не были прямым отступлением от идей революции. Хотя их не назовешь и прямым ее воплощением. Революция двигалась к

закату. Но Бонапарт закрепил ее лучшие достижения, создав прекрасные возможности для развития буржуазии. Ей надоело быть сословием, которое платит налоги, обогащает страну и не имеет никаких привилегий, во всем уступает голубой крови дворянства. Все административные и финансовые действия Наполеона укрепляли положение этого молодого, очень перспективного класса новых хозяев жизни.

Первый консул наводил порядок. Были введены префектуры, назначены префекты в департаментах, субпрефекты в округах. Шла борьба за укрепление денежной системы. Для этого Наполеон просто отменил бумажные деньги, которые в революционную эпоху неизменно превращаются в обесцененную бумагу. Вместо них чеканили монеты. Был создан Парижский банк, который поддерживал финансовую систему.

Вместе с тем началось ограничение свобод. Были закрыты 60 газет, осталось только 18, не безмерно преданных Бонапарту, но не самых опасных. Шло несомненное движение к монархии.

Став во главе Франции, Наполеон начал отражать действия европейских монархических держав, направленные против революционной Франции. Его армия, воевавшая под знаменем революции и Бонапарта, была непобедима.

Зачем же символу революции становиться императором? Как говорится, слаб человек. А у вышедшего из низов тяготение к неограниченной власти сильнее, чем у других.

Интересно, что усиливавшееся с годами недовольство Бонапартом не было недовольством народным. Народ как раз становился все больше и больше ему предан, ведь под его руководством Франция побеждала врагов. Противниками Наполеона были левые и правые политические силы. Левые, бывшие якобинцы, готовы были низвергнуть его за то, что он изменил идеям Республики; правые, монархисты, не видели в нем такого монарха, какой нужен Франции. Он не принадлежал к династии Бурбонов.

Бонапарт вел переговоры с монархистами о восстановлении династии. Но это была уловка, средство выявить сторонников прежней власти. Мысль о восстановлении монархии Бурбонов всегда была для него одной из самых невыносимых.

С 1800 года на Бонапарта начались покушения. Их готовили как правые, так и левые. Наполеон продолжал беззаветно верить в свою звезду: он не дрожал от страха, а в театр ездил фактически без охраны.

На Бонапарта покушались и на улицах Парижа. Адская машина, как тогда называли бомбу, была спрятана в тележке какого-то мальчика, который сам не знал, что делает. Его просто

попросили перевезти тележку на другую сторону улицы. Наполеон чудом проехал по этой улице чуть раньше, Жозефина чуть позже, в другой карете. Оба остались целы.

Однажды в Германии первого консула Франции чуть не заколол студент с кинжалом. Бонапарт, дитя революции, призвал к себе этого юношу и объявил: «Выпускаю на свободу. Если дашь клятву никогда со мной не бороться, не покушаться». В ответ прозвучал: «Нет, убить такое чудовище — это подвиг!» И Бонапарт отдал приказ — расстрелять.

Некоторые покушения были мнимыми. Например, так называемый заговор герцога Энгиенского — событие общеевропейского масштаба. Поворотный момент в истории Французской революции, знак окончательного превращения Бонапарта в тирана. Герцог Энгиенский, Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде (Наполеона должно было раздражать уже само его имя!), 32летний представитель монархического дома, аристократ, красавец, любимец женщин, в 1789 году эмигрировал вместе с отцом и дедом, кочевал по Бельгии, Швейцарии, Германии, спасаясь от Бонапарта. С 1792 года воевал против революционной Франции с истинным убеждением, что это правильно и хорошо, в знаменитой армии Конде, которой командовал его дед. Армия была уничтожена. После заключения мирного договора 1801 года, когда распалась вторая коалиция европейских держав, герцог оставил политическую борьбу. Жил в тихом герцогстве Баденском. Правда, на английскую пенсию. Этого было достаточно, чтобы настроить против него Бонапарта. Тем более что первого консула окружали провокаторы вроде Талейрана, а позже — Фуше, которые подогревали его страх перед мнимыми заговорами.

Герцог Энгиенский в заговоре не состоял. Но он был последним отпрыском дома Бурбонов. Бонапарт отдал приказ — и отряд французских драгун в нарушение всяческих международных законов схватил герцога на территории Германии и увез во Францию. В Париже состоялся быстрый так называемый суд. Военный суд, хотя герцог Энгиенский в тот момент не воевал. Его расстреляли во рву Венсенского замка 21 марта 1804 года. Говорили, что там была расстреляна вера в революционность Наполеона Бонапарта.

А уже 2 декабря 1804 года Бонапарт устраивает свою коронацию как императора Франции. На фоне некрасивой истории с герцогом Энгиенским — пышная коронация в соборе Парижской Богоматери. Костюмы для себя и для Жозефины, с которой он поспешно вступил в церковный брак, Наполеон придумывает и заказывает сам. Они напоминают монархические

одежды, восходящие к императорскому Риму, к временам римских Цезарей. Церемонию проводит папа римский Пий VII. Он никак не может определиться, как относиться к Бонапарту. Победы французской армии в Италии очень убедительны. Но сам Бонапарт — чуть ли не антихрист и к делам божественным совершенно равнодушен. Пий VII соглашается на коронацию от страха перед этим человеком.

Самый знаменитый эпизод коронации: Наполеон Бонапарт в решающий момент выхватывает у папы корону и сам надевает себе на голову. И затем другую корону — на Жозефину. Первый в истории случай самокоронации!

С этого момента Наполеон постоянно одержим гордыней. Он устраивает вторую коронацию в Италии, которую после своего блистательного похода объявил республикой. Он сам принес туда свободу! И он же превратил Италию в королевство, чтобы 26 мая 1805 года стать ее королем. Теперь он возлагает на свою голову корону Лангобардских королей, которой почти тысячу лет назад, 25 декабря 800 года был коронован Карл Великий.

Европа содрогнулась. Известно было, что некогда в состав империи Карла Великого входили территория будущей Франции, Германии, вся Северная Италия, часть Испании. Претендуя на место преемника Карла Великого, Наполеон замахивается и на европейское могущество.

Он продолжает всех раздражать. Назначает итальянским вице-королем своего пасынка Евгения Богарне. Начинается то, что А.З. Манфред точно назвал «династическим безумием». Раздавая родственникам европейские престолы, Бонапарт создает новую знать. Подсчитано (эти данные есть в книге В.Е. Ревуненкова о Наполеоне), что в 1808–1815 годах по его указам появилось 50 новых князей и герцогов, 452 графа и 1500 баронов — по происхождению лавочников, лакеев, мельников.

Вводится титул «маршал Франции». Назначается 18 маршалов. Среди них Ожеро — герцог Кастильонский — сын лакея; Лани — герцог Монтебелло — сын деревенского мельника; Нэй — храбрый соратник, герцог Эльхингенский и князь московский — сын трактирщика. Мюрат — знаменитый богатырь, маршал Франции, муж сестры Наполеона Каролины, герцог Бернский, король Неаполитанский, — сын трактирщика. Великий адмирал — кавалерист Мюрат! Это даже смешно.

Бонапарт создает новую систему правления. Он хочет выглядеть императором в римском смысле, носителем высшей власти. Он окружает себя шестью высшими сановниками. Это Верховный совет при Императоре. Вводит должность великого канцлера, великого казначея, великого электора. Начинает

выдвигать в «великие» своего бездарного брата Жозефа. Возвращает монархическую должность коннетабля — государственного канцлера.

Это ослепление властью. И что-то в этом есть провинциальнонеудовлетворенное. Мне думается, что человек из провинции необязательно горит стремлением выдвинуться всю жизнь. У Бонапарта это было неугасимо. В итоге он восстанавливает против себя всю монархическую Европу.

Создав империю, Наполеон утвердил новую Конституцию, в которой парадоксально звучал пункт: «Франция объявляется республикой. Во главе республики стоит Император». Со временем слово «республика» будто растворится в воздухе.

Юристам была поручена работа над знаменитыми Кодексами Бонапарта. Создавалась новая система законодательства на основе римского права. Это был первый гражданский кодекс, утвердивший новые принципы нефеодалного правления в Европе. По словам Карла Маркса, «Кодекс Наполеона берет свое начало не от Ветхого Завета, а от идей Вольтера, Руссо, Мирабо, Монтескье и от Французской революции». В этом ряду следовало бы назвать и римское право.

Кодексы Наполеона — это утверждение прав и свобод личности, в частности свободы совести, после тысячелетнего засилья религии. Правда, провозглашая свободу слова, Бонапарт преследовал неугодные газеты. Но то, что идеи свободы были декларированы, само по себе очень важно.

В новой системе правления сохранялись представительные учреждения — Сенат, Трибунат. Однако их полномочия Бонапарт постепенно ограничивал.

С уходом понятия «республика» на смену обращения «гражданин» пришли «мадам», «месье», а самого Наполеона стали называть «Ваше императорское величество». Его день рождения — 15 августа — объявили национальным праздником.

Тем не менее для простого народа Наполеон оставался символом революции, из рук которой крестьяне получили землю. Верхушка крестьянства могла купить участки, конфискованные у монархистов, контрреволюционеров. Позже те, у кого были отняты владения, пытались их вернуть, но принцип частной собственности был уже законодательно утвержден. И дети получивших землю крестьян стали вернейшими солдатами Наполеона.

Новая Франция представляла огромную опасность для монархической Европы. Создававшиеся против Наполеона коалиции ставили перед собой две основные цели. Первая — вернуть Францию к границам 1792 года. Отбрасывая врагов

революции, Наполеон вышел далеко за эти границы. Вторая — восстановить во Франции законную династию Бурбонов. Эпоха после полного поражения Наполеона Бонапарта в 1814–1915 годах пройдет под девизом «легитимизма» — то есть возвращения королевских династий Европы.

А пока третья коалиция 1805 года: Англия, Австрия, Россия.

Спротивляясь, Наполеон незаметно переходит к захватническим действиям.

Правда, 21 октября 1805 года он потерпел крупное поражение при мысе Трафальгар в Испании. Эта страна вообще оказала Бонапарту серьезное сопротивление, самое мощное до его похода против России. В битве при Трафальгаре участвовал английский флот, который возглавил адмирал Нельсон. Он погиб в этом сражении. Но французы были разбиты. Командующий французским флотом П.-Ш. Вильнев был осужден и покончил с собой в заключении.

Англия проигрывала Бонапарту на суше, но была непобедима на море. Наполеон не стал долго убиваться по поводу поражения. В ноябре 1805 года, после поражения генерала Макка в Австрии, французские войска берут Вену. А 2 декабря 1805 года происходит сражение при Аустерлице (сейчас это небольшой город Славков в Чехии).

Россия воевала против Наполеона, хотя прежде, при Павле I, была некоторая вероятность союза. По мысли Павла, дружба с Наполеоном должна была завершиться совместным походом на Индию. План малореалистичный для трезвого политика Бонапарта, которого больше привлекала победа над реальным соперником — промышленно развитой Англией. При Александре I между французским и русским императорами произошло полное охлаждение. Александр был возмущен расстрелом герцога Энгиенского и сблизился с Австрией и Пруссией.

Русско-австрийское войско насчитывало 85 тысяч человек, французское -73 тысячи. Именно при Аустерлице Александр, молодой, красивый и горячий, претендовавший на роль полководца, впервые увидел, что такое истинный полководец. Оказалось, что красиво гарцевать на белом коне, кстати подаренном Бонапартом в Париже, — это одно, а быть стратегом и тактиком — другое. Позже Александр будет блистать дипломатией и в этом переигрывать Наполеона. А на ратное дело ему придется призвать другого полководца — Кутузова.

При Аустерлице выяснилось, что тактика русско-австрийского войска устаревшая, линейная. Оно шло, словно на убой, не совершая никакого маневра. А Бонапарт — это сам маневр. Он принимает мгновенное решение, где нанести главный

удар, куда перебросить войска, какой фланг сейчас сильнее, какой слабее. После Аустерлицкого сражения, где союзная армия потеряла треть своего состава, а также практически всю артиллерию и обозы, Бонапарт получил репутацию непобедимого на поле боя. Как горько звучат строки А.С. Пушкина: «Когда не наши повара орла двуглавого щипали у бонапартова шатра.» Это боль поражения под Аустерлицем.

В 1805–1810 годах Наполеон достиг пика своего военного и политического могущества. В феврале 1807-го под натиском его войск пала Варшава. Туда ворвался Мюрат, а чуть позже прибыл Бонапарт и. встретил там любовь. До этого он любил только Жозефину — женщину, которая была старше его и изменила ему с каким-то ничтожеством вскоре после свадьбы. Несмотря на это, Наполеон любил ее, считал другом и близким человеком.

В Варшаве его ждала совсем другая любовь — юная красавица графиня Мария Валевская. Она происходила из очень знатного польского рода Лончиных и была замужем за 70-летним графом Валевским. Судя по воспоминаниям современников, она была нежна и скромна, деликатна по отношению к пожилому мужу.

На сближение с императором Франции она пошла, как считается, по поручению представителей польской знати. Она должна была уговорить Бонапарта предоставить Польше полную независимость, воссоздать самостоятельное польское государство. Это не удалось.

Но наверное, Мария и не относилась к этой любви как к заданию. Ее роман с Бонапартом был вовсе не демонстративным, скорее наоборот. Сначала она провела с ним некоторое время в Варшаве, затем очень незаметно прибыла к нему в Германию, где встречалась с ним в течение трех недель. Бывала потом и в Париже. У нее был сын от Наполеона. Жозефина встречалась с ней и с мальчиком, грустя о том, что у нее детей от законного мужа быть не может. Мария Валевская — единственная женщина из любивших Бонапарта, которая навестит его в первой ссылке на острове Эльба и привезет четырехлетнего сына, чтобы отец хотя бы увидел его. И только когда Наполеон будет на недостижимом острове Святой Елены, она, к тому времени уже овдовевшая, выйдет замуж за троюродного брата Бонапарта генерала д'Орнано. И очень скоро скончается после рождения ребенка.

В 1806 году Наполеон, перед которым ранее пали Вена, Мадрид и Варшава, захватил Берлин. Как было не закружиться его голове! Он перекраивал карту Европы и мечтал о том, чтобы Париж назывался столицей мира. Бонапарт создает Великое герцогство Варшавское, затем марионеточное королевство

Вестфальское. Лишь бы раздавать короны членам своей семьи! Пасынок Евгений Богарне — вице-король Италии. Приемная дочь Гортензия Богарне — жена брата Бонапарта Людовика и королева Голландии. Бывшая невеста Дезире — жена маршала Бернадота и королева Швеции. Брат Жером Бонапарт — король Вестфалии. Брат Жозеф в 1806–1808 годах — король Неаполитанский, а потом правитель Испании. Муж сестры Каролины Мюрат — король Неаполитанский с 1808 года.

Поведение многих из этих людей доказало, что иметь корону на голове — еще не значит быть королем. Но, надо сказать, и сегодня в жилах представителей европейских монархических дворов течет кровь Бонапартов или Богарне.

Наполеон составляет именно то, что стало потом устойчивым выражением, — наполеоновские планы. Главное для него — Англия. Его идеей фикс становится континентальная блокада. Он намерен задушить Англию экономически. Но всем остальным, и в частности России, невыгоден разрыв экономических отношений с владычицей морей. Однако после Аустерлица Наполеон считает, что может навязать России свою волю.

Чем могущественнее становился Бонапарт, тем важнее было для него появление наследника. Поэтому был затеян развод с Жозефиной. Точнее — признание церковного брака с ней недействительным.

Наполеон обратился со сватовством в Россию. Во время переговоров с Александром I, предшествовавшим заключению Тильзитского мира в 1807 году, Талейран намекал на возможность такого брака. Рука французского императора была предложена любимой сестре российского императора Екатерине Павловне. Наполеону было отказано. Александр ссылался на мать, Марию Федоровну, но и сам наверняка был против. А мать, вдовствующая императрица, говорила: «Этому минотавру я своего ребенка не отдам». Ходили разговоры, будто Екатерина Павловна заявила, что скорее выйдет за русского истопника, чем за Бонапарта. Ему намекали, что Он — «ненастоящий» император, а дому Романовых — двести лет. В греческой мифологии Минотавр жил на острове и пожирал людей. Бонапарт происходил с острова, уничтожал дворянское достоинство.

Когда он посватался к другой сестре Александра, Анне Павловне, ему было обещано подумать и вернуться к этому вопросу через два года. Ждать два года не юный уже Наполеон не мог. И тогда возникла идея австрийского брака. Он хотел породниться с настоящей империей, если не российской, то австрийской. На этот раз все удалось. Супругой Наполеона стала австрийская принцесса Мария-Луиза, племянница казненной

королевы Марии-Антуанетты. Примета не очень хорошая. Но Наполеона ничто не могло остановить. О невесте императору докладывали: юная барышня, хороша собой, очень изящна, говорит на пяти языках и умеет шевелить ушами. Ему все понравилось. До брака они не виделись, все было оформлено по доверенности (так делали в Средневековье). Потом состоялись пышные торжества.

Империя Бонапарта достигла пика величия. Он стал победителем Европы, женился на принцессе из рода Габсбургов и ожидал появления законного наследника.

В эти годы Бонапарт действительно чувствовал себя монархом. У него был роскошный двор, превосходивший пышностью многие другие в Европе. О свидании с Александром I в Эрфурте в 1808 году Бонапарт писал, что хотел ослепить русского царя своим двором. Он призвал всех своих вассалов — правителей европейских государств, некоторые из которых сам и создавал. Как не вспомнить народную мудрость: из грязи в князи! Все-таки Наполеон происходил из мелкого рода корсиканских дворян. Не отсюда ли особое тяготение к великолепию и блеску?

Но была у него кроме непомерного честолюбия и более привлекательная сторона. Он искренне любил и поддерживал науку. Уже в 1799 году он был избран членом Французской академии, то есть стал одним из «бессмертных» — так было принято называть академиков. Взяв с собой более 100 ученых в египетский поход, он, безусловно, обеспечил рождение науки египтологии. При нем были обласканы такие ученые, как математик Лаплас, физик Гей-Люссак, химик Бертолле, естествоиспытатели Ламарк и Кювье. Это блистательные имена. Французская наука лидировала в Европе.

Не был равнодушен Бонапарт и к искусству. При нем творили художник Давид, скульптор Канова. Актер Тальма, с которым он дружил, давал ему уроки: у императора были, по свидетельствам многих, природные актерские данные. Бонапарт привез в Эрфурт придворный театр, был там и Тальма. Наполеон хотел блистать не только золотом, но и великим искусством, быть подобным феодальным монархам.

У него была громадная библиотека в Тюильри, и люди, ведавшие ею, подтверждали, что значительную часть книг он читал. Его походная библиотека составляла 800 томов! По словам Гёте, который встречался и беседовал с Бонапартом, не всякий властитель возит с собой походную библиотеку.

И все-таки главным для Наполеона всегда оставалась власть. Однажды он сам признался: «Моя любовница — власть. Да, я люблю власть! Но люблю ее, как художник. Я ее люблю, как

музыкант любит свою скрипку». Историк Н.А. Троицкий так комментирует этот афоризм: «Такие слова мог сказать конечно же не Аттила, не Чингисхан, а Карл Великий, читавший Вольтера».

Бонапарт шел к деспотической власти, но она была осенена незаурядностью его личности. Его фантастическая карьера достигла высшей точки. Далее был неизбежен спад. И процесс этот неотделим от сложных взаимоотношений наполеоновской Франции с Россией. Как феодальная держава Россия, естественно, вступала в коалиции и участвовала в борьбе против революционной Франции. Потерпев страшное поражение под Аустерлицем, Александр I вынужден был в 1807 году заключить с Наполеоном невыгодный России Тильзитский мир.

С этого момента слово «Тильзит» звучало неприятно для передового российского общества. Будущий декабрист Сергей Волконский вместе с товарищами бил стекла во французском посольстве в знак протеста против Тильзитского мира. Причем разбито было окно того зала, где висел огромный портрет Бонапарта. А будущий декабрист Михаил Лунин научил свою собаку бросаться на того, кого хозяин назовет Бонапартом, и срывать с него шляпу. Из этого фрондерства постепенно выросло серьезное сопротивление французскому деспоту, который явно делал шаги к тому, чтобы превратить Россию в одного из своих вассалов. Он не учел ни размеров этой страны, ни ее истории, ни русского национального характера.

Почему Бонапарт так серьезно просчитался? Он торопливо, судорожно искал союзников. У него плохо складывались дела в Испании. Захватив в плен королевскую семью, он посадил на трон своего старшего брата Жозефа, совершенно неспособного управлять государством. И хотя испанское королевское войско было разбито, народ не сдавался. «Чернь», или гверильясы, — те, кого Наполеон презирал, составила мощное партизанское движение. Боевые действия не прекращались вплоть до 1814 года.

Но мир с Россией не был прочным. Дворянское окружение Александра I никогда его не принимало. Российской верхушку пугали наполеоновские преобразования, политические, экономические и юридические, направленные на развитие буржуазных отношений. Да и сам он не раз заявлял, что он против рабства, за свободу, за освобождение рабов.

Так что известное нам по школьным учебникам коварное нападение французской армии на Россию — это отражение того, насколько фальшивым был союз Франции и России. Есть документы, указывающие на то, что при определенных условиях Александр мог первым двинуть свои войска. Российский император был настроен очень жестко. Еще до начала войны он

сказал: «Дойду до Камчатки, а мира с ним не подпишу». И уже во время войны, в ответ на предложения Бонапарта о мире, он повторил: «Скорее стану императором камчадалов».

Война началась не так, как другие военные походы Бонапарта в Европе. Он, непревзойденный полководец, уже покоривший Италию, Австрию, Польшу, прекративший существование Священной Римской империи германской нации, вступая на территорию России, был настроен на относительную легкость похода. Современные специалисты считают, что Наполеон вряд ли рассчитывал дойти до Москвы и уж точно не строил планов продвижения за Урал. Он вообще не очень хорошо представлял себе размеры этого пространства. Скорее всего, Наполеон был намерен совершить быстрый рывок в глубь России, разбить русскую армию, а потом смириться и подписать выгодный для него мирный договор. Это сделало бы российского императора его неофициальным вассалом и насильственным участником континентальной блокады Англии.

Но уже первые события войны 1812 года разрушили эти планы. Потом, будучи в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон писал и говорил о том, что его победил мороз. Тоже повторят в XX веке и гитлеровские генералы.

На самом деле факторов было, конечно, гораздо больше. Наполеон не был готов ни к тому ожесточенному сопротивлению, которое встретил уже под Смоленском, ни к тому, что Александр I ни на какие промежуточные переговоры просто не пойдет, ни к русской зиме. Цифры говорят сами за себя: из 647 тысяч войска, которое вторглось в Россию, во Францию вернулись 30 тысяч солдат и офицеров.

Надо сказать, что Наполеон легко относился к воинским потерям. Солдат — он на то и солдат, чтобы погибать в бою. У него погибали и маршалы, например его любимый друг Ланн. И все-таки масштаб потерь в этой кампании был невероятным. Наполеон сам говорил о том, что в России погибла его великая армия. А ведь в ее составе были не только французы, но и представители покоренных народов: испанцы, итальянцы, немцы, австрийцы.

Когда эта огромная, очень неплохо вооруженная армия завязла в России, Наполеон продолжал рваться к Москве. Это не было его полководческим решением. Он зависел от российского императора, который не отвечал ни на какие предложения.

Бородинское сражение завершилось чем-то вроде ничьей. Формально русские покинули поле боя и, значит, были побеждены. Но Бонапарт прекрасно понимал, что это не так.

Вступая в оставленную Москву, он, конечно, не мог

предвидеть, что она будет сожжена. Его западноевропейское сознание вообще не могло принять иррационального поведения русских. Ему казалось, что захватом древней столицы, символа, сердца России, он компенсирует те утраты, которые несет в этом походе, и заставит дрогнуть и императора, и русскую армию, и население. Как он ошибся! На Эльбе он скажет: «Я должен был бы умереть сразу после вступления в Москву». Это грустная констатация безнадежной ошибки человека, признаваемого гением. Пылающая Москва, никаких признаков внимания со стороны российской власти, равнодушие народа. Наполеон с удивлением отмечал: освобождать русских крестьян не имеет смысла, они не проявляют ко мне никакого интереса!

Дело кончилось тем, что Наполеон во второй раз бросил свою армию. Как когда-то в песках Египта, торопясь во Францию, чтобы захватить власть. Теперь же он оставил армию, потому что понял: это конец. На его совести была гибель сотен тысяч людей. Но он все еще думал: сейчас соберусь — и верну себе былую славу.

Он и правда феноменально быстро собрал 200-тысячную армию. Европейские державы, снова объединившись в коалицию, двигались на Францию, чтобы добить его. Они готовы были и на переговоры. Их устроило бы, чтобы он добровольно согласился вернуть Францию в границы 1792 года.

Он не хотел и слышать об этом. Его девиз — все или ничего. В одном из писем он объяснял, почему должен биться до конца: «. государи, рожденные на тронах, могут быть побиты хоть двадцать раз и спокойно возвращаются в свои столицы. А я солдат, мне нужны честь и слава, я не могу показаться униженным перед моим народом.»

Его армия выросла будто из-под земли и опять прекрасно сражалась. Вновь начало казаться, что у него есть шанс на победу. На самом деле это был шаг к длительной и страшной агонии.

Поворотным пунктом стала так называемая битва народов под Лейпцигом 16–18 октября 1813 года. Страшная бойня! Против французов выступили Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III — государи России, Пруссии и Австрии. Наполеон был разбит.

В январе 1814 года он вернулся во Францию, теперь уже с единственной целью — найти выход для себя лично. Он простился с женой и трехлетним сыном. А 6 апреля по настоянию своего окружения подписал отречение. Вот его текст: «Союзные державы провозгласили, что Император Наполеон — единственное препятствие к восстановлению мира в Европе. Император, верный своей присяге, заявляет, что отказывается от себя и от своих наследников от престолов Франции и Италии,

будучи готовым пожертвовать всем, и даже собственной жизнью для блага Франции». Конечно, это жест, красивая поза. Не этому ли учил Наполеона актер Тальма?

Игра была убедительной. После отречения Бонапарт принял большую дозу опиума, который со времен русской кампании всегда имел при себе. Вероятно, он хотел умереть, но остался в живых. Отныне он никто, отрекшийся император.

В сентябре 1814 — июне 1815 года, когда союзные войска были в Париже, состоялся Венский конгресс. Он прошел под лозунгом легитимизма — возвращения законных государей Европы. По сути он восстанавливал феодальную систему. Было принято решение и о бывшем императоре французов — отправить его в ссылку на остров Эльба.

На маленьком острове, в 12 километрах от берегов Италии и в 50 километрах от Корсики, Наполеон провел не очень много времени, с 4 мая 1814 по 26 февраля 1815 года. В решении сослать его туда был очевидный оттенок издевательства и насмешки. Площадь острова — 223 квадратных километра, население — меньше 20 тысяч человек. Здесь оказался тот, за кем сохранили титул императора. Ему будто говорят: вот и управляй Эльбой. Пусть под твоим руководством местные крестьяне выращивают оливы, инжир и виноград.

Интересно, что сначала Наполеон стал активно обустривать Эльбу. Он нашел новый источник, улучшил водоснабжение, занялся ремонтом дорог в своем крошечном государстве. К нему приехала мать, затем сестра Полина, образовался маленький двор, даже стали поговаривать о создании театра. Но пожалуй, это была завеса, которую он создал для победителей. А сам вел тайную переписку с теми, кто должен был помочь ему взять реванш.

И он попробовал это сделать! У него были 1100 солдат и офицеров, среди которых 14 человек из старой гвардии. С ними он и высадился 1 марта 1815 года на юге Франции. Похоже было, что его счастливая звезда засияла вновь. Его небольшой корабль прошел по морю незамеченным, как некогда у берегов Египта.

Начался период, который вошел в историю под названием «Сто дней». Точнее — чудо ста дней. Бонапарт, безоружный, шел впереди своего маленького войска. Народ Франции, недовольный правлением вернувшихся Бурбонов, встречал его восторженно. А он опять вел себя как революционер. Известна его фраза: «Я повешу на фонарях предателей и изменников». Слова якобинца! «Аристократов на фонарь» — девиз Великой французской революции времен якобинской диктатуры. Казалось, император-революционер сейчас вооружит народ. Именно это предлагал,

например, генерал Карно. Это означало бы подъем новой революционной волны.

Трудно сказать однозначно, почему Бонапарт этого не сделал. Вероятнее всего, потому что он уже был сформировавшимся монархом. А монархи народ не вооружают.

Дойдя до Парижа, Наполеон опять водворился во дворце Тюильри. Начались бесконечные совещания и довольно пышные приемы. Император не видел, что вокруг него почти одни изменники. Например, Талейран давно уже стал агентом Российской империи, а министр полиции Фуше просто предавал его на каждом шагу.

Наполеон предателей на фонарях не вешал, он простил практически всех. И вел себя как слепец. Набрал армию и в июне отбыл на поля сражений против коалиции. 18 июня 1815 года произошло сражение у никому не известной тогда деревушки Ватерлоо в Бельгии. Это было поражение, разгром, гибель наполеоновской армии.

Английские историки приписывают победу полководческому дару герцога Артура Веллингтона. Но прямых доказательств его стратегического таланта нет. Исход сражения был предопределен скорее тем, что произошло с корпусом наполеоновского генерала Круши. Он заблудился!

Круши преследовал отступавший корпус фельдмаршала Блю*сепБОгеб*а. Тот совершил маневр и вернулся на поле сражения. К этому времени силы Веллингтона были на исходе. Бонапарт настолько не сомневался в победе, что послал в Париж гонцов с радостным известием. Веллингтон говорил: «Блю*сепБОгеб* или смерть». И тот прибыл со своим 30-тысячным корпусом. Когда он появился на фланге, Бонапарт ничего не понял. Он думал, что идут ему на помощь. Мундиры, показавшиеся ему темно-синими, были черными, прусскими.

Начался разгром. И только французская гвардия, построившаяся в каре, не сдавалась. Ветераны Бонапарта верили в него, и это делало их непобедимыми. Они восхитили противников. Англичане предложили им сдаться. Известен ответ генерала Камброни. Сначала он произнес не вполне цензурное слово, а затем добавил знаменитое: «Гвардия умирает, но не сдается!» Ни один гвардеец не признал себя побежденным. Почти все они погибли, расстрелянные из пушек.

После этого фиаско Бонапарт метался, ища убежища. Ему предлагали бежать в Америку или уйти в подполье. Но он принял самое удивительное и неожиданное решение — добровольно сдаться англичанам. Он рассчитывал на механизмы английского правосудия, очень сложные и запутанные. Ему казалось, что его

будут судить бесконечно долго, а значит, он будет замечен.

Все произошло иначе. Было принято решение опять отправить его в ссылку. На этот раз на остров Святой Елены, под контроль английской администрации с представительством от других держав.

Остров Святой Елены — английская колония, крошечное скальное образование. Его длина — 19, ширина — 13 километров. Ближайший берег — африканский, на расстоянии 2 тысячи километров. На острове было множество кратеров потухших вулканов. И Наполеон оказался среди них, как потухший политический вулкан.

Английский губернатор генерал Лоу очень боялся новых стадней и поэтому создал предельно строгий режим и всячески издевался над узником. По всему берегу были расставлены пушки. Губернатор бесконечно просил у правительства: дайте еще пушек для обороны Святой Елены. Ходили слухи, что найдется эскадра тайных сподвижников Наполеона, которые высадятся на острове и отобьют непобедимого императора. Он при жизни, когда ему не было и 50 лет, начал превращаться в символ, в собственный дух.

Бонапарт не был помещен в застенки. При нем находился генерал Ласкас, отправившийся с ним добровольно и записывавший каждое его изречение. Позже он выпустил две книги: сборник максим Наполеона и рассказ о нем.

На крошечном островке императору было невыносимо, безнадежно грустно. К тому же ему подсыпали яд, и в конце концов он умер от отравления. Современная наука установила это с помощью анализа его сохранившихся волос.

Он скончался 5 мая 1821 года и был похоронен там же, на острове Святой Елены. Но в 1840 году перезахоронен в Париже, в Доме инвалидов, где и сейчас находится его прах.

Стихотворение М.Ю. Лермонтова, написанное в том же году, отразило его образ как вечный символ непокорности и величия:

Есть остров на том океане -
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет

И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры -
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили И продали шпату свою.

Лермонтов переложил стихотворение австрийского поэта Иосифа Зейдлица, участника войны 1809 года, формально — врага Бонапарта. Да и сам Лермонтов — из страны, с которой император французов так жестоко воевал. Как удивительны превращения человеческого духа, сознания и воображения!

Наполеон остался в истории не только как реальный человек с конкретной биографией. В его личности воплотились идеи, веками волнующие человечество. Революционная юность и мечта о всеобщем равенстве. Стремительный взлет на вершину политического и военного могущества.

Наконец, несчастная судьба. Есть что-то величественное в этой сохраняющейся симпатии к Наполеону, в вечной романтизации его образа.